

Историко-архивный
институт
Сборник воспоминаний

Гудзинская Аэлита Павловна - вып. ИАИ 1947 г., ст. науч. сотрудник группы руко-писей научно-просветительского отдела Московского центра Рерихов.

Аэлита Павловна Гудзинская: Училась в вечерней школе. Когда кончали мы вечернюю школу, то институты уже начали работать, а мы все еще не кончили свой десятый класс. Нас было мало в этом нашем классе, кто мог учиться и работать, потому что это было не так легко. И школа очень заботилась о том, чтобы мы все-таки не остались за бортом и пошли учиться. Поэтому связывалась с институтом. Узнавала, куда мы хотим.

Нас трое было таких, кто хотел в университет. Но университет - он был уже полностью укомплектованный, и нас не приглашали туда. А заведующая нашей учебной частью предложила: "Может быть, хотите пойти - есть такой Историко-архивный институт. Его кончила моя дочь Наташка, - это была Наталья Федоровна Демидова, - пойдите, может быть, если хотите, туда?" Я лично прикинула, что не очень хотела бы быть педагогом и преподавать. Я бы хотела что-то делать, что называется, руками. И я подумала, что при моих пристрастиях совсем неплохо быть архивистом. И нас туда пригласили. Правда, у нас у всех были хорошие аттестаты. Просто в тот момент в школе не было никого, кто бы был с плохими аттестатами, потому что те, кто по каким-то причинам не хотел учиться, они и не учились при таких затруднениях.

Нас сразу приняли. Мы пропустили все вступительные слова и пришли уже на лекции. Это было не очень большое опоздание. Какая-то неделька была разницы у нас в начале занятий, потому как институты начали работать 1 октября, а мы свои аттестаты получили, наверное, не раньше 3, 4 или 5 октября. Вот что представляло мое поступление в Историко-архивный институт. Учиться там было, на мой взгляд, очень интересно, очень. Мне нравилось, я до сих пор это все помню, хотя я поступила в 1943 г. Тогда учились четыре года, и в 1947 г. я кончила.

На первом же курсе, может быть, уже через какой-то месяц, надо было сделать доклад. Сначала по Русской правде, потом - по сказаниям иностранцев. Мне казалось, что это очень интересно. У нас была хорошая библиотека в институте, и эти дамы, которые ее обслуживали, очень были к нам внимательны, хорошо расположены, помогали. Когда я говорила: "А мне вот нужно по Русской правде делать доклад", - допустим, я уже знала, какие мне нужны авторы, - а они говорили: "Ну вот хочешь, кроме Юшкова возьми еще вот это, посмотри вот это". И вообще интересовались тем, что нам интересно. Я всегда очень нежно относилась к Александру Сергеевичу Пушкину, и там такие мне книги выдавали о Пушкине! Там был Вересаев со своей серией, и его книга "Спутники Пушкина", очень хорошо изданная, с портретами этих людей. Каждый очерк был с портретом.

А читального зала тогда не было. Он когда появился, мы были на последнем курсе. Может быть, на третьем. Книги можно было взять домой. Зато очень скоро, когда нам объявили коллоквиум по истории СССР, пришлось пойти в Ленинскую библиотеку. Ленинская библиотека неохотно нас принимала. Она была переполнена, вся битком набита. И даже, как оказалось, нет нужных книг. И тут мы подались в Историческую библиотеку, и с тех пор это было наше постоянное пристанище: после института шли мы туда. И столовой тогда не было и быть не могло: все было по карточкам. В Исторической библиотеке то-же ниче-

го не было, и мы, пожевавши свой бутербродик, шли туда голодные. Сидели до позднего вечера и потом на трамваях разъезжались. Втроем, ведь не зря же мы были из одного края, в одной школе учились. Вот так, и это продолжалось до конца института.

А.К.: Ведь тогда же общежитие было в ИАИ?

А.Г.: Общежитие было, но мы были все москвички, нам общежитие было не надо.

А.К.: Но Вы же с кем-то общались?

А.Г.: Да, безусловно. Общежитие было прямо на территории Истори-ко-архивного института, и еще где-то в таганском краю. Там я была один толь-ко раз, когда моя однокашница Саша Коневец заболела. Но что такое тогда "за-болела"? Это же конец света! Есть и так-то нечего, потому что у нас, студентов, иждивенческие карточки. Это же полуголодное существование, и вот я ей по-везла что-то поесть, поскольку у меня все-таки был дом и родители, у которых были рабочие карточки. А здесь в общежитии бывали тоже не очень много, по-тому что наше существование делилось на институт утром и библиотеку во вто-рой половине дня, если не какие-то крайние обстоятельства, которые вынуж-дают обязательно поехать домой. Вот так.

А.К.: И преподаватели жили в институте.

А.Г.: И преподаватели жили. Александр Игнатьевич Андреев жил в ин-ституте. Он нам читал курс источниковедения и вел семинары, доклады мы де-лали у него. У него был очень интересный подход. Надо было придти к нему на кон-сультацию по поводу предстоящего доклада. Тема у меня была такая: "Судные порядные грамоты как исторический источник". Я к нему пришла с вопросами и говорю: у меня такие-то вопросы, не очень мне понятно, что мо-жет означать вот то, или вот это. А он говорит: "А все-таки, как вы думаете?" Что же делать, приш-лось ему рассказывать, что я думаю по этому поводу. Ко-гда я ему это что-то го-ворила, он согласно кивал. Я даже не помню: хоть что-нибудь он мне сказал или нет? Он заставлял меня все время высказывать свои соображения по поводу тех вопросов, которые у меня возникли. А когда я все это доложила, он сказал: "Ну, что я могу сказать? Могу только посоветовать продолжать работать с этой темой". Вот такое было отношение.

Он, конечно, был блестящий преподаватель. И вообще, источниковеде-нию учили нас блестящие преподаватели. Алексей Андреевич Новосельский. Он москвич был, в отличие от Александра Игнатьевича. Жил на улице Карла Марк-са, в глубине, в домах. У него я дома была по поводу защиты диплома. Диплом я вообще взяла не у него, это была не его тема. Это были строльные книги горо-дов, и тема была Павла Петровича Смирнова. Но он не дожил. Он умер в конце зимы того года, когда мы защищались. А Алексей Андреевич не очень-то был склонен к тому, что эта тема достойна внимания, поэтому диплом я как раз на пя-терку не защитила. Защитила на четыре, потому что ему это было скучно и не-интересно. Но источниковедение преподавал он блестяще.

Потом, Лев Владимирович Черепнин, еще совершенно молодой и бли-стательный преподаватель. Он тоже вел семинары, но мне не довелось у него зани-маться, и читал лекции. У Александра Игнатьевича было то, что совпадало, с фе-одально-крепостнической эпохой, и до XVIII в. А дальше уже читал Череп-нин.

Это были блестящие лекции, блестящие!

А.К.: А Черепнин читал и советское источниковедение? Или у вас во-обще не читалось?

А.Г.: Нет, не читалось. Это была тогда слишком запретная тема, слиш-ком остренькая. Какие источники нам тогда могли предоставить? Никакие. И долго, долго, долго еще потом. Тоже никакие. Поэтому нет, такой темы у нас не было.

А.К.: Вы можете сказать что-нибудь о Черепнине?

А.Г.: С Черепниным мы потом близко виделись в Институте Истории, где он заведовал феодальным сектором. Он, конечно, и сектором заведовал очень твор-чески. Там у него оказалось много выпускников Историко-архивного института: и Тихонов, и Булыгин, и Павленко с ним были связаны.

А.К.: Он не был перепуганным?

А.Г.: Черепнин? По крайней мере, держался так, что этого не было вид-но. Может быть где-нибудь внутри себя он и был слегка настороже, но держал-ся всегда как человек очень твердый и в себе уверенный. В общем, они все уме-ли держаться хорошо. Алексей Андреевич тоже.

А.К.: А про Алексея Андреевича?

А.Г.: У Алексея Андреевича было очень легко учиться. Такой эпизод, допус-тим. Он нас учил палеографии. Это были первые месяцы: я даже помню, день был солнечный. Правда, зимой тоже были солнечные дни, но первая наша сессия была еще довольно далеко. Он принес очередные грамоты и говорит: "А вот кто первый прочтет - тому зачет". Все мы уткнулись, читаем. Я зашевели-лась, голову подняла. Он меня спрашивает: "Что, прочла?" Я говорю: "Да". Он говорит: "Чи-тай". Я прочла. "Хорошо. Иди к доске. Пиши цифры, - они же бу-квенные, - пи-ши десятки, потом сотни, потом тысячи". Я ему три колонки на-писала. "Ну, те-перь давай зачетку". Я дала. Он мне поставил зачет. Это был первый в моей жиз-ни зачет в институте. Первый зачет. Когда уже к сессии дело приблизилось, Алексей Андреевич подозвал меня и сказал: "Знаешь что? При-кинул я зачет, ре-шишь мне задачку по формуле Герона". Я: "Алексей Андрее-вич, слушаюсь!" Пришла на зачет и решила задачку по формуле Герона.

А еще он вел у нас семинары по истории СССР. На первом семинаре по "Рус-ской правде" я у него делала доклад. Потом, во второй половине года, бы-ли ска-зания иностранцев, и у меня был Флетчер. Когда мы сдавали за первый курс пер-вый экзамен, он тоже, вместе с Павлом Петровичем, принимал этот эк-замен. Там аудитория была разделена занавесочками, и Павел Петрович еще не кончил кого-то спрашивать, а от Алексея Андреевича уже кто-то от вышел. Он раздви-нул шторку, а я тоже неосторожно голову подняла. Он мне: "Иди сюда". И эк-замен за первый семестр я сдавала ему. Он был с нами, как бы вам сказать, более близкий, хотя Павел Петрович к нам тоже очень хорошо относился.

Когда Павлу Петровичу мы сдавали коллоквиум - тот, из-за которого позна-комились впервые с исторической библиотекой, - я сидела на первой ска-мейке (так случилось, вовсе не специально я туда садилась). И он мне вдруг го-ворит: "А! какие глаза тревожные!" Я постаралась глаза "убрать". А у нас было четыре те-мы, и я взяла себе тему про древние поселения, еще каменного века. И он гово-рит: "Ну, кто у нас по этой теме?" Надо было объявиться. Наверное, просто ру-ки поднимали, потому что там целый курс сидел, и он предлагал ко-му-то из этих поднятых рук что-нибудь сказать. И он говорит: "Ну, давай ты, с такими тревож-

ными глазами". На "вы", конечно, обращался. Я ему стала рассказывать, что я прочла про Гнездииковское наше поседение, и забыла, как называется та культура, когда камешки точились как листочек. Потом вспомнила: она так и называлась - листвичная. Он говорит: "Замечательно, замечательно". И он меня запомнил - из-за того, что приметил мои тревожные глаза. Вот такой был эпизод.

Историю СССР времен капитализма нам читал блестяще Сергей Сергеевич Дмитриев. Ему мы экзамен сдавали только один раз, и ему я рассказы-вала про Крымскую войну. Он спросил, читала ли я что-нибудь из художественной литературы. Ну, я-то как раз читала. Читала, конечно, рассказы Толсто-го и читала Сергеева-Ценского. И оговорила. Говорю: ""Севастопольская 22:19 ???". Он говорит: "Как?" "Ой, "Севастопольская страда" это называется, но я ее честно читала!" До сих пор помню: очень меня удивило, что у Сергеева-Ценского бльшую роль играл Корнилов. В советской историографии всегда один Нахимов: Конилов-то - фамилия с подмоченной репутацией, а там Кор-нилов был главный.

Вот вы спрашиваете, какие были интересные случаи на экзаменах, но никаких казусов на экзамене не было. Во-первых, у нас выработалась такая тех-ника: мы вчетвером, одни и те же девушки, ходили в первый заход. И если по-чему-нибудь мы вчетвером не шли, то в группе начиналась паника: "Уж даже если они не пошли, то что же нам тогда делать?" Но если мы вчетвером шли, и все было благополучно, то остальные девочки считали, что все будет вполне спокойно и можно уже всем ходить. А больше никаких казусов не припомню.

А.К.: Вы знали Лукомского?

А.Г.: Конечно, только ничего не помню.

А.К.: У вас же была дипломатика?

А.Г.: Только самые общие сведения. Больше было палеографии и хро-нологии. И знаете, какие у нас еще были дисциплины? Медицинские! Может быть, из-за них нам что-то сокращали. Мы ведь начали учиться в 1943 г., в раз-гар войны. В самый разгар войны. Единственное, что уже позади был Сталин-град. Я помню, мы с подружкой тогда работали в детской мастерской мягкой иг-рушки. Шили мишек, потом зайцев и кошечек. Идем мы с ней по улице после работы домой, и вдруг Левитан из громкоговорителя объявляет: будет особое сообщение. Особое сообщение! Мы остановились у этого громкоговорителя. Замерли. И он нам стал рассказывать о завершении Сталинградской операции. Это было, конечно, что-то!..

Но все равно: разгар войны. Шли еще жуткие сражения, бои за Минск, и за Киев, и за Курск - все это было впереди. Поэтому из нас готовили медсе-стер запаса: читали нам анатомию, физиологию, фармакопею. Только никто не хотел нас брать на практику. Нас однажды привели в больницу на Страстном бульваре, мы ждали-ждали, но там сказали: "Извините, но у нас нет мест таких, куда мы вас могли бы пригласить". Так что практики у нас не было, но экзаме-ны сдавали - самые, что ни на есть! И по анатомии, и по физиологии и по фар-макопее. Даже кое-что запомнилось.

А.К.: А архивные дисциплины кто у вас вел?

А.Г.: Вот как раз архивные дисциплины были представлены у нас, я считаю, неинтересно. Тогда это были Митяев, Чернов, Софин, Максаков. Исто-рию и организацию архивного дела читал Чернов. То была скучища просто чу-довищная: нужно было наизусть учить, что содержится в каждом архиве. Ко-нечно

можно было себе более или менее представить, какие документы хранит Архив Октябрьской революции, но не зная этого и не работая с этим!.. На мое счастье, мне достался любимый Архив древних актов, где я потом работала ше-стнадцат лет, так как-то еще ничего. Митяев - это вообще была скучища чудо-вищная! Максакова самого я помню, но о том, что и как он читал, у меня нет никаких впечатлений.

Вот Илья Лукич Маяковский - это была, конечно, фигура. Он нам чи-тал историю архивного дела. Он был как Алексей Андреевич такой... теплый, понимаете? Представляете, я хорошо училась. А Илья Лукич был у нас предсе-дателем Государственной экзаменационной комиссии, и когда нам вручали ди-пломы, он спросил: "Почему же он у вас не красный, как же так!?" Он считал, что у меня должен быть красный. Я говорю: "Вот, Илья Лукич, по философии четверку получил". Он: "Как жалко, как жалко, должен был быть у вас крас-ный диплом!" Вот он такой был.

А.К.: Вы как-то близко общались с Маяковским?

А.Г.: Он вел семинары. На этих семинарах надо тоже читать тек-сты с древнерусским письмом. К нам с моей подружкой, с которой мы вместе кончали школу, выстраивались очереди, потому что к тому времени - это был, наверно, уже последний курс - все, даже кто знал, давно забыли, как это читать, и никто ничего не умел прочесть. Он это видел, конечно. Нельзя сказать, чтобы драконо-вские меры применял, но видел, кто чем-то интересуется, а кто ничем не интере-суется.

А когда принимали у нас государственные экзамены, он был председа-телем комиссии. Первый мой вопрос был искусство, культура и наука первой четверти XIX в. Я была в этом хорошо подготовлена и прочитала целую "лек-цию". Во-первых, это же действительно блестящее было время, расцвет: это и первые наши композиторы, которые стали известными, и первые наши живо-писцы, которые стали известными и сейчас ценятся. Не будем уж говорить о литературе: все наши классики в первой половине XIX в. уже лежат. Все это я с восторгом им рас-сказывала, так что они слушали-слушали и сказали: "Спасибо. Не надо больше". Потом у меня было что-то из предреволюционной ситуацией в России, и я тоже хорошо отвечала. Но: кто-то из них мне задал вопрос: "А не можете ли вы нам рассказать, как убивали Распутина?" Я абсолютно этого в тот момент не знала. Знала только, что это было во дворце у Юсуповых, но не бо-лее того. А всех об-стоятельств, как его кормили отравленным пирожным и не догадались, что сахар нейтрализует цианистый калий, как его убивали во дворе и как там сам Феликс в него стрелял, я не знала. И они мне все дружно стали рассказывать. Но не сни-зили мне за это оценки. Потом моя подружка, с которой мы вместе школу конча-ли, сказала: "Знаешь, я там не могла даже готовиться - ты такую лекцию по исто-рии искусства читала!"

И должно быть вот это произвело на Илью Лукича такое впечатление, что он считал: как же так - у меня не красный диплом? не может такого быть! И еще по-тому, что он знал меня по своим семинарам. В общем, он был очень теплый че-ловек. Он относился к нам по-отечески, он же был уже почтенного возраста че-ловек. У него было прозвище - его звали Ляля. Все говорили: "Ляля, Ляля идет! Тихо, тихо! Ляля идет!" Он тоже жил в институте.

А.К.: А всемирная история?

А.Г.: Там были у нас интересные личности. Нам тогда этого мало во-обще давали. Всю древнюю историю, включая историю Индии, нам прочли за первый семестр. За первый семестр! И был там у нас преподавателем профес-сор Никольский. Как его зовут я не помню: мы с ним никак не общались, семи-наров никаких у нас не было. Но лектор он был блестящий. Почему: да потому, что умудрился все-таки за это совершенно немыслимо короткое время все, что нужно, прочесть и дать хоть какое-то представление о том, как развивался древний мир. Мои друзья, кто у него учился, говорят: "Ну, он был, пустомеля!" Ни-чего не пустомеля! Он нам даже еще прочитал происхождение семьи и частной собственности. И это было блестяще! Блестяще! Это запоминалось. Просто, все укладывалось в голове как по нотам.

Средние века читала Марья Михайловна Себенцова. Это было тоже очень интересно, тоже очень хорошо и тоже очень коротко. И тоже главная ее задача была показать, что история - это процесс, свойственный всему челове-честву, а не одному какому-то государству одно, а другому - другое. Очень вы-пукло она нам это преподносила. Я помню, как она рассказывала про двор Лю-довика XIV: "Да, конечно: Король-солнце. Версаль. Но от блох-то чесались. Изящными и красивыми такими палочками в форме ручки, но чесались!" Все это было запоминаю-щееся, яркое, интересное.

Конец XVIII в. и революцию нам читала Панченкова. Она же вела се-минары по истории Великой французской революции, и тоже надо было делать доклады. Я помню, что у меня был Дантон и я с ним не справилась. Не поняла значения Дантона. Но пришла на этот семинар и говорю: "Я не справилась. Я не поняла, что представляет собой Дантон". Она говорит: "Ничего. Давай вста-вай, сейчас разберемся". И стала какие-то вопросы задавать. Ничего мне за это не было. Когда я сдавала экзамен, она мне поставила пятерку: там у меня тоже была французская революция, но тогда с Дантоном я уже справилась. После нее - еще позже и еще позднее - была Цыпкина. Как ее звали, не помню: там у нас никаких семи-наров не было.

А.К.: А у Вас не было истории Востока?

А.Г.: Нет, отдельно ничего этого не было. Да ведь и учились мы только четы-ре года.

А.К.: А история КПСС?

А.Г.: О, конечно! Как же, конечно! Была. И политэкономия, и история КПСС. Это было все очень неинтересно и мрачно. Для педагога, который у нас вел семинары по истории КПСС, мы, как в "Очерках бурсы", ставили дежурно-го. Если вы помните, в "Очерки бурсы" ученики своих преподавателей опреде-ляли в первом или во втором "естестве", когда пьяный. Мы рассаживались в аудито-рии, а дежурный вбегал и говорил, в каком естестве преподаватель идет: он был почти всегда пьяный. Всегда был сильно в подпитии.

И всегда в соответствии со своей наукой он был суров с нами. Я пом-ню, был подробный семинар по вопросу о разделении большевиков и меньше-виков. И была у нас очаровательная староста Валя Суколенова: бойкая такая, тоже хорошо училась и была староста курса. Она отвечает, говорит: большеви-ки и меньшеви-ки. Он, ни слова ей не говоря - вот Маяковский, тот бы сказал: "Сударыня, вы ошиблись. Они еще не "большевики и меньшевики", - а этот: "Садись!" Вызыва-ет меня. Я встаю. Я не ошибалась таким образом, как она, я говорила: мартовцы

и ленинцы; только когда они закончили обсуждение про-граммы партии, они превратились в большевиков и меньшевиков. Мне зачет, а ей - незачет. Все было, в соответствии с дисциплиной, очень сурово. Ненужно сурово. Вся эта группа преподавателей не стоила внимания никакого. И очень плохо была представлена кафедра философии. Кто нам ее читал, я уже даже не помню, потому что плохо это было все, неинтересно. Все это было вымучено.

А.К.: А что Вы можете сказать о ректоре?

А.Г.: Когда мы пришли, ректор у нас был какой-то с фамилией на "Ж". Пло-хой был ректор и безвольный человек. Лично я с ним общалась в обстанов-ке очень неприятной и вот по какому поводу. После первого курса нас послали на торфоразработки. Моя группа, надо сказать, была в этом плане нехорошая: ник-то не хотел работать. Мы со старостой Валею Суколеновой одни с утра до ночи работали. Остальная группа сядет, сидит и травит байки. Сначала работа-ли на сушке: переворачивали кирпичики нарезанного торфа.

После этого нас переводят на погрузку. За то, что мы ни шута не дела-ем на сушке. А что на погрузке? Во-первых, работа довольно тяжелая. Подхо-дил гру-зовой трамвай с высоким бортиком. К нему транспортер. Наше дело - носить в корзинах торф. Корзины большие, вдвоем их носили, не по одному. Мы с Валею Суколеновой опять как маятники ходим туда-сюда и грузим. В первой половине дня кто-нибудь из наших однокашниц еще чуть-чуть порабо-тает, а потом: не бу-ду я этого делать, что мне за это - платят? И так далее. Уся-дутся и сидят. А на солнце-пеке после кусочка хлеба, которым мы перекусим, спать хочется. И устали. А трамваи идут, и мы не можем их задерживать. Сорок минут на погрузку. Кое-как мы его загрузим, отходит трамвай - другой прихо-дит.

Наконец наступает время, когда через неделю учиться. Нам хотя бы помыть-ся, мы знаете, какие там были грязные? Голова - это сказать невозмож-но! Каж-дый же день невозможно мыться, и потом: я извиняюсь, но мыло было по карточ-кам. Только вода не была по карточкам, а мыло по карточкам. А нас не отпускают, потому что мы плохо работали.

Вы думаете, кого посылают беседовать с ректором? Меня, которая все-гда ра-ботала! Я пришла и говорю: во-первых, мы все-таки работали, и работали на тя-желой работе. Ну, не все хорошо работали - так почему всех-то не отпус-кают? Там девочкам выдали отрезы в награду, какие-то ситцевые платица они себе сши-ли - а нас даже не отпускают! Именно нашу группу. Я уже не помню, чего я ему еще говорила. Он сидел за столом - маленький такой, противный, - а я ходила в ажитации и все ему доказывала, что так нельзя. Нужно разобраться, и тех, кто плохо работал, послать работать, а тех, кто работал хорошо - отпра-вить учиться. В конце концов всех освободили и отправили учиться. Но он, что называется, не мычал и не телился.

При нем грязно было в институте - я передать не могу! Весь институт пере-горожен какими-то загородками! В той стороне, где у нас жил Илья Лукич Мая-ковский, туалеты были в таком состоянии, что из них текло аж в коридор! А Илья Лукич такой был чистюля! Знаете, это было даже трогательно. У него были очки для дали, другие для близи. Когда он с нами разговаривал, у него бы-ли очки для дали. Когда он садился и начинал нас вызывать, то есть мы должны были что-то читать или рассказывать, он их снимал и ставил рядом, а другие ак-куратно вынимал и одевал. Это была целая процедура. И они всегда у него так

сверкали! Чистые, и сам такой чистый, кожа блестит, волосы пыш-ненькие, весь начищенный, наглаженный - просто вот дышит свежестью и чистотой! И в такой грязи жил.

На наше счастье, на втором курсе пришел к нам Бабурин директором. Одна из моих однокашниц знала его как директора своей школы и говорила: "Господи боже мой! Это наш любимый директор! Такой замечательный!" И действительно. Мы пришли - института своего не узнали: все кругом другое! Очень было хорошо. Но он был слишком демократичен и не удержался. Когда мы кончали институт, то, к моему несказанному огорчению, диплом подписывала дама. Рослова.

А.К.: А у вас были какие-нибудь вечера студенческие?

А.Г.: Были. Но сказать по чести, я там никогда почти не бывала. Один только раз была и, представьте, очень изумилась.

Одевались тогда все плохо, сами понимаете. И если бы только война. До войны тоже. Ведь было как: я была одна-единственная дочь у родителей. А когда работала в мастерской, там такие ужасы рассказывали! Во-первых, голод. Потом: у всех руки в непонятных черных пятнах под кожей. Сразу не спро-сишь, но постепенно, когда уже познакомились, у какой-то девочки спрашиваю: "А что у тебя с руками?" Она говорит: "Доктор сказал, это комнатное обморо-живание", - холодно, не топили. Ведь с Таганки были дети, а там очень много домов с печным отоплением. Я тогда жила в доме на Авиамоторной улице: то были действительно дома авиамоторного завода, где работали мои родители, и построены они были искони посреди деревни. От Кремля наш завод был №2, наш дом №4 и сразу примыкал к заводу. И сразу было центральное отопление, Сталинская ТЭЦ. Ее трубы тогда возвышались, потому как море бараков вокруг, а напротив - деревня. Сама эта улица, которая потом стала Авиамоторной, ко-гда-то называлась 1-я Синичкина. Перед ней был Синичкин пруд, и около него стояла моя школа, где я первые семь лет училась. А вот от моей школы дальше-дальше, вплоть до нашего дома, были деревянные деревенские дома. Там были коровы. В этом Синичкинском пруду они паслись.

Поэтому: холодно, голодно, и та девочка рассказывала: четверо их у матери. Мать больна, что-то с ногами. Как она говорила: "Пока был папа, он маму на руках носил гулять". Но папы-то нет, папа воюет, и жив он или нет - тоже неизвестно. Ужас!

Потом: купить было ничего нельзя. Туфли последние, которые мне купили в восьмом классе, мама добывала немисливо: ездила на Таганку в детский универмаг и стояла там часами в очереди. Покупать было нечего. Не-че-го! При том, что было на что, я же говорю: одна я дочь у вполне обеспеченных родителей. Отец мой был выпускник Академии Жуковского, инженер-моторист. Работал на авиамоторном заводе. Правда, до этого был еще 1937 г. Как он уцелел было совершенно никому не понятно: дети в моем подъезде почти все остались без отцов. И заодно самих детей не стало, потому что всех вышвырнули из этих домов. Кто в бараки, кто уехал к родным каким-нибудь. И отец тоже уже на этом заводе не работал, но все же работал, и тоже по моторной части. Хотя перед са-мой войной он уже снова работал на своем заводе.

Ну нечего было купить-то! Я носила то, что переделывали из бабушкиных платьев - спасибо, у моей школьной подружки мама была портниха. Или, например, женился мой самый младший дядя - его жена, молодая женщина, от-дала мне

все, из чего выросла. Даже в институт мне сшили костюм из маминого платья, которое ей стало, напротив, категорически велико.

Вот что мы носили. И вдруг прихожу на вечер - мы ведь с этого нача-ли, только отвлеклись, - все красивые, причесанные, во что-то непривычное одетые. Кто-то из моих однокашниц так хорошо пел! Я даже помню, что пели: романс, на стихи Пушкина. Замечательно пела девочка! В общем, я была даже в некотором потрясении. А так ведь нечего было делать на вечерах - одни же девчонки! Молодых людей можно было сосчитать по пальцам. Один был без обеих ног после фронта. Другой, он позже пришел, был без ноги. Третий был с дырой во лбу после ранения, но тот был красивый молодой человек. Полкурса млели по этому Диме, но он и был один-разъединственный. А нас было сто двадцать человек!

А.К.: Вы после института пошли в Институт Истории РАН?

А.Г.: Нет, потом я сразу получила направление в архив. Когда нас распре-ляли, у меня было распределение в Новгород. Но пока я ездила отдыхать после тяжелых трудов, понесенных в институте, отец мой - а я единственная была у родителей - съездил в Министерство внутренних дел и сказал: "Дочь единственная, а мы, люди уже не молодые, остаемся одни, как же так?"

В это время один из моих однокашников получил распределение в Ар-хив древних актов, но работать там не мог: у него были больные ноги с детства, а в хранилище нужно подниматься по малюсенькой винтовой лестнице. И ме-сто это в архиве, вожделенное для меня, - я там была оба раза на практике, ра-ботала там над столбцами - оно освободилось. Так в сентябре 1947 г. я начала работать в Архиве древних актов и работала там до 1963 г. Но и в 1963 г. я бы оттуда ни в коем случае не ушла, если бы не злой гений этого учреждения, ко-торый в тот момент стал директором. Он в принципе был психически больной: у него мнение было такое, что только он один может и должен в хранилище входить и там работать. Больше никто не смеет.

Он действительно почти ото всех закрыл хранилище, когда в 1963 г. устроил там разгром и выгнал десять человек из научного персонала, не меня одну. Кого? Тех, кто успел уже что-то узнать и что-то кому-то мог рассказывать кроме него. До этого он был монополистом. Он ведь был совсем не бездарный человек. Он был одним из авторов путеводителя по Архиву древних актов и ав-тором многих справочников. Он выпустил справочник о самых ранних фондах, содержащих на-иболее ранние документы. Потом, он очень красно говорил: что называется, зла-тоуст. Он этим очень пользовался. И когда приходили какие-то высокие гости, он все им рассказывал в древнерусской манере. Даже письма та-кие писал, буду-чи директором. Это было смешно, но многих это просто пора-жало в самое серд-це. Он говорил слова, которые не всякий наш руководитель понимал.

И вот в 1963 г. он осуществил свою мечту: всех выгнал - или почти всех, кто хоть что-то успел узнать. Например, в 1962 г. я была с источниковед-ческим док-ладом о наших документах на Всесоюзном симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы. Потом этот доклад, естественно, публиковали. Мы, работая над Поместным приказом, очень много нашли там интересного.

Фонд был малоиспользуемый, и считалось даже, что он не описан. Но я подумала: у архива Министерства юстиции был специальный отдел по выдаче справок (он был к тому времени приведен нами в порядок). Не может быть, что-бы они справки наводили без описей, это же невозможно! И мы нашли эти опи-си, при-

вели в порядок, проверили все наличие по ним. А почему такое впечатление было, что документы не описаны? Потому что архив Поместного приказа и Вотчинной коллегии хранились на территории Кремля и очень пострадали во время войны 1812 г. Французы выкинули все в тогда еще существовавшие рвы, окружавшие Кремль. Просто выкинули. Было очень много дел, которые не удалось восстановить: растрепанные, грязные, буквально в грязи. Но в 1835 г. была создана специальная комиссия по разборке этих пострадавших фондов, которая привела их в порядок. Во-первых, отобрала все не пострадавшие и придала им единую общую нумерацию. Разобрала по городам, как это когда-то велось, начиная с Арзамаса, Алатыря и т.д. Поэтому образовались столбцы по городу такому-то и книги по городу такому-то - писцовые, переписные, отдаточные беглых и много, много всяких других. Потом, само делопроизводство: приказы по Поместному приказу и Вотчинной коллегии.

Мои предшественники сделали на все это пустые реестры с номерами и больше ничего. Например, Арзамас: столбцы номера такие-то, столько-то; смешанные столбцы такие-то номера. По книгам отдельно были реестры. Тогда мы взяли эти описи, стали сравнивать со столбцами - не смешанными столбцами, это было дело будущих дней, - и вносить туда общие номера. Номера были пятизначные. Мало того, в каждой описи был алфавит, и мы создали специальный справочник, который указывал: по городу Арзамасу опись такая-то, к ней алфавит такой-то, всего в ней столько-то столбцов, которыми можно пользоваться, и т.д. То же самое мы сделали с книгами. Пока мы там работали, мы обнаружили что в этих столбцах есть не только тяжёбые дела, допустим, да, по поводу земельных владений, не только..., там были не только тяжёбые дела, там были дела, потому что были там специальные, например, книги - отводные, вот, потому что, допустим, человек получил за службу, землю, вот ему отводится земля - это все оформлялось как дело. Не только в книге отводной писали, что вот такой-то Иванов Сергей Иванович получил там в Вологодской губернии в таком-то уезде, землю, и она ему отведена, да? А еще ведь и столбцовое дело было.

Если возникали тяжбы между соседями, то в деле могли оказаться еще и чертежи. А чертежи-то были с рисунками! Они же не чертили так, как мы чертим сегодня: они рисовали. А если еще к этому делу, допустим, был причастен монастырь, то там уж такие были красоты невозможные! Там было все в красках, какие свойственны нашему Василию Блаженному. Но тогда мы этого еще не опубликовали ничего. Мало того: поскольку Поместный приказ ведал землей и крестьянами - а во времена Алексея Михайловича добились дворяне такого к себе внимания, что в Уложение была внесена статья о государственном сыске беглых сыске беглых, - то у каждого почти города оказалась комиссия или сыщик для сыска беглых

Именно это я докладывала на симпозиуме в 1962 году. Тут уже у директора созрела мысль, что это ему не надо. Он подошел очень правильно. Он пришел в Главное архивное управление к начальнику и говорит: "Я же понимаю, что мы не имеем права держать так много научных кадров. В государственных архивах, которые хранят советские документы, они ведь нужнее. Я готов отдать часть своих научных сотрудников, мы обойдемся, у нас, мол, не такие актуальные документы лежат". Ну, кто же откажется?

А.К.: А Вы же в РГАДА попали через практику? Вы хотели в РГАДА, потому

что практика там проходили?

А.Г.: Да. Меня вообще больше всего интересовали документы XVII в.

А.К.: А Вы можете рассказать что-нибудь про эти практики?

А.Г.: Про практики? Могу. На первой практике мы обрабатывали дела "с известным титулом". Их же никто не отважился жечь: их держали в подвалах и просто поливали водой, чтобы они гнили. Кто-то до нас их разбирал более или менее по фондикам, и нам давали фондик какого-то учреждения, и мы должны были его от начала до конца систематизировать, сформировать дела, их обработать, составить опись и все, что необходимо далее к этой описи. Вот это мы и делали. Это была практика на третьем курсе. На четвертом курсе мы занимались верхотурской приказной избой, и документы в основном были о выдаче жалования солдатам. Ведь как выдавалось жалование? Как вы привыкли: ведомость, расписывается и т.д. А вот он, бедняжка, должен был написать челобитную царю, великому князю, et cetera и только потом просить воеводу выдать ему, сирому, бедному и такому-то, жалование.

Когда я уже работала в Архиве древних актов и обрабатывала кусочки Сибирского приказа и кусочки Преображенского приказа, мне встретился очень забавный документ. Служилый человек просит государя пожаловать его, потому что он, бедняжка, будучи в Сибири на его государевой службе, терпел такую нужду, что в пост скоромное ел. И за прегрешение, что он совершил, должен государь его пожаловать.

А в Преображенском было замечательное дело, очень свойственное Руси. Два молодца из очень именитых семей, Солнцев-Засекин и Щепин-Ростовский, убили попа. Где-то на Арбате. Потому что он в своей очередной проповеди их отмечал как молодых людей недостойного хорошего христианина поведения. И в церковь они не ходят, и бражничают, и всякую разгульную жизнь ведут. Словом, он их слегка журил с амвона. И что же они, эти молодые люди? Они решили его наказать. Они приехали туда вдвоем в экипаже одного из них, где был слуга, который их вез, крепостной человек. Они пошли, с попом расправились, отправили его к праотцам, вернулись и уехали. Судят кого? Вот этого крепостного, который их привез. Почему судят: как же так, он знал - и не донес. Похоже на наше время, правда?

Так что Архив древних актов был очень интересный. Правда, не могу сказать, что в Военно-историческом архиве было вовсе не интересно. Но Военно-исторический архив все-таки хранит документы одного ведомства и очень строго выдержан в этом направлении. Конечно, там есть интересные коллекции. И в любом деле, где люди задействованы, есть что-то интересное.

Например, однажды у нас заседала экспертно-проверочная комиссия, которая определяет дела к уничтожению. А у каждого большого воинского соединения были свои аудиториаты, то есть суды. В аудиториатах, естественно, судебные дела. Мы смотрим: дела не очень интересные, какие-то мелкие проступки - все правильно. А Иллирицкий Борис Евгеньевич - кстати, его брат, Владимир Евгеньевич, преподавал в Историко-архивном институте и вел семинары о наших мыслителях, подготовивших революцию, Герцене и Огареве, - говорит: "Какое дело интересное! Может, все-таки оставим? Я его вам сейчас почитаю". И мы его оставили.

Не знаю, читали ли вы позднее произведение Льва Николаевича Толстого

"Дьявол", но то, что мы прочли, могло иметь к нему отношение. Ведь Лев Николаевич долго и упорно служил. Он знал всю военную службу и все эти аудиторы, конечно. Совсем не исключено, что об этом деле ходили слухи.

Значит, что за дело. Молодой офицер приехал служить в какой-то N-ский полк. С ним приехал его крепостной дядька, кто всяко организует жизнь молодого человека и смотрит, чтобы тот был здоровый, чистый, аккуратный. Словом, организует быт. И офицер говорит: надо ему где-нибудь какую-нибудь девочку найти. Жениться он еще не собирается, но надо. Дядька ему: "Я по-спрошаю". Ну, поспрошал он у окрестных - а там какой-то городок небольшой, где стоит часть, - и говорит: "Нашел. С матерью договорился, она соглашается. Посмотрел, дивчина хорошая". Привели барышню. Они понравились друг другу, и все пошло.

Проходит время, и к нему, к этому офицеру молодому, обращаются его же солдаты и говорят: "Вот, ваше благородие, просьба у меня к вам. Хочу же-ниться. Девочку себе присмотрел, невесту". Как раз та самая. Офицер думает: "Я ведь на ней не женюсь. Что ж, так она и пропадет? Нас переведут отсюда в другое место, она тут окажется ни при чем..." И решает благородно - отдает. Посаженым отцом на свадьбе присутствует. Выдали замуж.

Ну, выдали - и выдали. Проходит какое-то время - он места себе не находит, этот молодой офицер. Просто помешался: видит ее всюду, и жизни без нее ему нету. Надо ему ее назад получить - и все тут. Терпел-терпел, и своему дядьке говорит: "Что ж делать-то? Знаешь, я готов его убить, чтоб не было его, чтоб она была свободна. Прямо убить!" И они его убивают. Конечно думают, что никто не знает и никто не догадается. Но все раскрылось. Потом суд. И весь протокол записан с их слов, понимаете? Каждый из них рассказывает о своих переживаниях невыносимых, и офицер говорит одним языком, дядька говорит другим языком. Вся их речь записана. Эта речь - восторг, просто восторг! Жи-вая речь тех времен. Вот за то, что там были изумительные эти речи, мы это де-ло оставили. А документы XVII в.? Это же поэма! Там же нет совершенно ни-какого канцелярита, который стал характерной чертой русского делопроизводства уже в XVIII в., когда немцы принесли свои установления и узаконения, как документ пишется. Это же просто написано таким языком, что восторг!

Аркадий Иванович Комиссаренко. В Историко-архивный институт я поступил в сентябре 1954 г. Это было очень интересное время: еще ощущались последствия Великой Отечественной войны, хотя прошло уже 9 лет с ее окончания, они отчетливо видны были и в студенческой среде, ибо наряду с нами, выпускниками школ (а я кончал мужскую школу - тогда до 1955 г. в крупных городах школы делились на мужские и женские), среди студентов было несколько ее участников, которые по возрасту значительно превосходили нас 17-летних. Конечно, они чувствовались в студенческом быту, бывшие воины, а теперь студенты, жили в общежитии особой коммуной. Надо отметить, что курс, на котором я тогда учился (1 курс 1954 г. набора) был самым большим по численности среди предшествующих, и последующих курсов. Он состоял из 8 полных групп и из-за нехватки аудиторий в главном здании института на улице 25 октября (теперь называемая Никольской), 15, занимались мы по определенному графику: курс был разделен на 2 потока. Первый и второй потоки состояли из 4-х групп каждый, - всего на курсе, таким образом, насчитывалось 8 групп (более 230 человек). Основой для разделения послужил "языковой принцип". На первом потоке поступающие имели в основном школьную подготовку в немецком языке, а на втором потоке часть учеников вышли из школ, где преподавался английский (2 группы) или французский языки (также 2 группы). Всего на курсе было до 230 студентов. Каждый поток имел особое расписание, да и преподаватели были распределены по потокам. Но надо сказать, что к 3 курсу, студенты уже приобретали "опыт" ходить не на все лекции, и поэтому администрации не было нужды делить курс на 2 части, стали проводиться общие курсовые лекции: (в основном в актовом зале или в первой аудитории, и мест вполне хватало для всех пришедших).

Первые мои впечатления об Историко-архивном институте. Институт в стране по преподавательскому составу являлся одним из самых небольших в Москве и, может быть, в стране. В зданиях во дворе размещались общежития, в левом корпусе, стоявшем во дворе около "Теремка", находилось мужское общежитие. Женское общежитие располагалось на первом этаже "Теремка". На втором этаже находилась кафедра вспомогательных исторических дисциплин (во втором корпусе Печатного двора - замечательном "Теремке", которого давно уже студенты не видят). В "Теремке" были сводчатые потолки, украшенные знаками зодиака, золотыми звездами. Была и изразцовая печь XVII столетия. Посреди зала стоял большой стол, покрытый зеленым сукном, где проходили заседания кафедры и Клуба источниковедения, который вел Сигурд Оттович Шмидт, тогда молодой еще преподаватель. Клуб был основан в 1950 г. и, когда я стал студентом, у него была уже 4-летняя история. Заседали клубовцы всегда в Теремке, "восседая" за этим длинным столом. По бокам зала располагались разного рода витрины, в которых находились раритетные издания: старинные книги, разного рода справочники, сочинения Экземплярского, Строева, а также образцы палеографических текстов. Кроме того, стенды были еще и на стенах, там, в основном, размещалась литература по источниковедению и вспомогательным дисциплинам, которая к тому времени считалась новейшей. Это, скажем, и работы Александра Цезаревича Мерзона, который вел курс источниковедения, его лекции, размноженные на гектографе. Там студент мог найти все, что необходимо для подготовки к занятиям.

Первые лекции читались в 42 аудитории (тогда она назвалась 43). Первую

лекцию как раз по истории СССР читал молодой тогда доцент - Сигурд Оттович Шмидт. Ему в 1954 г. было всего 32 года. Мы, 17-летние, смотрели на него, как на мэтра, тем более он читал курс истории СССР очень интересно, живо, не пользуясь конспектами. Курс он начинал, доводил до эпохи образования единого Русского государства, после чего его сменял один из старейших преподавателей, заместитель директора Института Истории, проректор Алексей Андреевич Новосельский. Он вел лекционный курс от времени правления Ивана III до середины XVI в., после этого его опять менял Сигурд Оттович Шмидт, он читал свои любимые сюжеты о времени правления Ивана Грозного (как раз в 1950 г. он защитил кандидатскую диссертацию об Алексее Адашеве, члене "Избранной Рады"), доводя изложение событий до конца XVI в., затем историю СССР XVII-XVIII в. опять читал Алексей Андреевич Новосельский, работавший по совместительству в Историко-архивном институте. Преподавательский состав в целом был очень сильным. Тогдашнее руководство института, в частности директор института Анна Сергеевна Рослова, привлекло значительные научные силы. В начале 1950-х годов в период сталинской идеологической кампании по борьбе с космополитами, она, не побоявшись возможных санкций из высших партийных органов, приняла преподавателей, изгнанных из других высших научных учреждений. В институт пришел профессор Николай Леонидович Рубинштейн, профессор, специалист по XVIII в., и массовым источникам этой эпохи, он работал до этого в Государственном Историческом Музее; в институте работала Людмила Марковна Зак, участница Великой Отечественной Войны, очень живой, яркий лектор, она преподавала советскую историю, ее очень любили студенты. В институте работали и преподаватели, которые вышли из его стен, несмотря на его тогда не очень длинную историю. Например, историю архивного дела вел Юрий Федорович Кононов, очень яркий преподаватель. Казалось бы, что его предмет, по определению, скучный, но он читал его с блеском, местами даже очень остроумно. Многие студенты ходили на его лекции, чтобы записывать остроты, которыми он зачастую как бы исправлял сухой текст лекции.

А надо отметить, что со второго курса нам стали читать лекции, очень нужные для будущего историка-архивиста, и, прежде всего, по Истории государственных учреждений. Первым лектором по этому предмету был профессор Анатолий Васильевич Чернов. Профессор. У него был небольшой рост, казался он сухощавым, просто худым. (он действительно болел). Читал Анатолий Васильевич историю приказного устройства, читал уверенно, четко и основательно. Он только что защитил докторскую диссертацию по истории вооруженных сил Московского государства XVI-XVII вв. Его диссертация была столь велика по объему, что ее никто поднять не мог, и в Совет, как гласит институтская легенда, ее везли на тележке. После него историю государственных учреждений XVIII в. читал доцент Юрий Васильевич Куликов, человек интересной судьбы, фронтовик, более того, участник партизанского движения на территории Чехословакии. После войны он был аспирантом, потом преподавателем Историко-архивного института и читал историю государственных учреждений эпохи Петра I и Екатерины II, анализировал реформы в системе государственного управления. Потом наступала очередь блистательного лектора - доцента Николая Петровича Ерошкина, во-первых обладателя замечательнейшего голоса, (как у Левитана - диктора знаменитого времен войны и послевоенного времени), во-вторых очень

остроумного человека, и в-третьих, блестящего ученого. Тогда в Москве не было таких специалистов. Историю госучреждений не преподавали нигде, кроме Историко-архивного института. И он с блеском освещал министерские реформы начала XIX в., раскрывал работу секретных комитетов эпохи Николая I, освещал события после реформы 1861 г. и вплоть до 1917 г. Характеризовал политических деятелей, министров, и как правило, всегда находил какую-то "изюминку" в политической деятельности государственных мужей эпохи последних самодержцев династии Романовых. К его лекциям студенты относились не просто с живым интересом, они притягивали как магнит даже тех из них, кто с прохладцей относился к занятиям. А так как тогда по этому предмету не было учебника (он появился где-то в конце 1950-х - начале 1960-х годов), то без записей его лекций сдать экзамен было невозможно. А экзаменовал он жестко. Я вспоминаю - в те времена выходила стенная газета, в ней обязательно рисовались карикатуры не только на студентов, но и на преподавателей. Помню одну из карикатур, посвященную Николаю Петровичу Ерошкину. Художником был блестящий карикатурист, наш сокурсник Марк Успенский. Об этом хорошо знает Александр Давидович Степанский, который вместе с Ерошкиным выпускали эту газету. Вот эта карикатура: Ерошкин в образе хирурга, в белом халате, в белой шапочке стоит перед операционным столом, на котором распростерся пациент - это студент, причем изображен наш студент, мы его узнаем. Ерошкин стоит с таким огромным ножом, и кругом кровь ручьями льется. И подпись: Ерошкин принимает экзамен по "Истории государственных учреждений". Ходили сдавать некоторые "госы" по 7 раз. Ерошкин на экзамене вызывал студента к доске и говорил: "Что у Вас там в вопросе? А, Министерство внутренних дел. Вот, и изобразите всю структуру учреждения.". Нужно было хорошо помнить департаменты этого министерства и экспедиции этим департаментов. Министерств в России было много, коллегий тоже немало, все это надо было в памяти держать. Поэтому это был очень трудный предмет, но я считаю что он один из самых нужных, наряду с историей для подготовки историка-архивиста. Советский период по истории государственных учреждений эпохи Гражданской войны у нас читал сначала доцент Евгений Алексеевич Луцкий, а потом историю наркоматов и министерств - доцент Нелидов. Луцкий - сын знаменитого героя Гражданской войны штабс-капитана Алексея Луцкого, который вел разведывательную работу на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, но потом попал в плен к японцам вместе с Сергеем Лазо, и был сожжен в топке паровоза. А его сын - Евгений Алексеевич - часто нам рассказывал о своем пребывании с отцом в Иркутске, где-то в 1915-1916 гг., когда он был еще мальчиком. Евгений Алексеевич прожил долгую жизнь. Еще в 1990-е годы я как-то был в командировке в Томске, вдруг узнаю, что Евгений Алексеевич, уже потерявший зрение (он ходил и в наши студенческие времена в очках с "большими" линзами), оказывается занимается в областном архиве. Он, видимо, искал документы о своем отце, событиях связанных с Гражданской войной.

Евгений Алексеевич Луцкий читал также и курс Истории СССР советского периода. Читал он своеобразно, приносил маленькие карточки с собой, похожие на каталожные карточки, на них что-то было написано, а так как у зрения у него было слабое, он брал карточку и подносил к глазам, затем клал ее и говорил свободно очень интересно и долго. Потом уже в мое аспирантство (в 60-х годах) он был заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Человек

был чрезвычайно живой в общении, любил веселую компанию. Луцкий нередко приглашал на дачу аспирантов (их было тогда немного, ведь институт был небольшим. У нас слушателей едва ли было больше 10 человек). Со старшекурсниками набиралось до 20 человек. Дача его была в СЕМХОЗе, это недалеко от Загорска. Большая дача, внушительный участок. После войны правительство выделило ему, наверное, как сыну героя Гражданской войны. На даче, кроме огромного рубленого трехэтажного дома, никаких грядок и ягодников не было. Зато в доме у него был летний кабинет, зачастую он и осенью там работал. Луцкий приглашал гостей, когда отсутствовала его супруга, которая видимо не очень любила, чтобы собиралась такая большая компания, тем более что заканчивалось, естественно, праздничным столом с определенного рода напитками, до которых он тоже был большой любитель. Но прежде чем сесть за такой праздничный стол и начать веселие по случаю открытия нового учебного года или его завершения, Евгений Алексеевич устраивал гостям марш-бросок по лесу. 22 ноября 1963 г. бушевала сильная метель, Луцкий был в кирзовых армейских сапогах, телогрейке, а мы в жалких городских пальтишках и ботиночках на микропористой резине. Когда все собрались, Луцкий объявил 15-километровый поход по только что выпавшему снегу. Но шел впереди весьма бодро. Когда мы все замерзли, а ноги промокли, мы вернулись на дачу, спустились в подвал, там горел камин. У живительного огня мы сушили свои "push" и согревались изнутри горячительными напитками. Было весело каждый должен был что-то интересное рассказать и все были очень довольны. В летнее время, обычно в июне Евгений Алексеевич нас опять приглашал на свою дачу (это каждый год было), отыскивал в лесу огромное озеро и предлагал его переплыть. Плавал-то он хорошо, а нам было как-то "неудобно" отворачивать назад. И мы вынуждены были это 500-метровое по ширине озеро преодолевать. Вообще же, Е.А. Луцкий был приятным человеком к тому же он являлся крупным ученым. Помню защиту его докторской диссертации, он занимался земельным вопросом, вопросом социализации земли, аграрной политики советской власти, эти проблемы стали сюжетом его докторской диссертации. На защите присутствовала старушка - секретарь Ленина Фотиева. После этой защиты начались перемены: Луцкого как заведующего сменила Елена Ивановна Каменцева, вскоре в институте появился новый ректор (в конце 1986 г.) - Афанасьев Юрий Николаевич, и затем состоялось преобразование в апреле 1991г. (я правда отсутствовал - был в командировке на Камчатке и о нем услышал по радио), Историко-архивного института в Российский Государственный Гуманитарный Университет.

Александра Клименко. Кто у Вас вел источниковедение?

А.И. Комиссаренко. Источниковедение у нас вел Александр Цезаревич Мерзон. Он скончался в начале 1960-х гг. Это был настоящий ученый, большой знаток особенно средневековых источников. Помню, что читал он лекции с особым "академическим" блеском. Прекрасно знал историографию источниковедения, она у нас считалась обязательной для изучения. Учебников тогда не было, поэтому его лекции были первоисточником при освоении этого довольно трудного, но нужного курса. Он читал досоветское источниковедение, а советское источниковедение читал Луцкий. Ну и кроме того источниковедение по отдельным сюжетам читал Моисей Наумович Черноморский. Он был доцентом, но по уровню своих знаний соответствовал профессору. Бывший фронтовик, инвалид вой-

ны, он любил темы, связанные с историей военного времени, предлагал семинарские доклады по мемуарам партизан, но особенно его любимым сюжетом считалась статистика: дореволюционная земская статистика и советская статистика, сборники "Народное хозяйство" были предметом нашего изучения, по этим сборникам писались семинарские доклады. Это была хорошая источниковедческая школа. Помню лекции по источниковедению первой половины XIX в. тогда еще молодой преподавательницы Ирины Александровны Мироновой. Теперь ее, к сожалению, уже нет в живых. Она тогда сравнительно недавно кончила аспирантуру где-то в 1956 г. она читала разделы источниковедения, начиная с Александра I. Как раз в середине 50-х годов появились первые статистические исследования и были опубликованы важнейшие статистические источники, и серьезные картографические материалы - все это было предметом ее лекций. И тогда же лекции по исторической географии начала читать Ольга Михайловна Медушевская. Она защищала диссертацию по картографическим материалам Дальнего востока, но читала общий курс на втором потоке, а на первом потоке читал этот курс крупнейший ученый, собственно основоположник исторической географии Виктор Корнельевич Яцунский - учитель О.М. Медушевской. Я слушал и его лекции на первом потоке, и Ольги Михайловны, читавшей на втором потоке. Это было возможно, так как они читались не одновременно. Сейчас много издано, а тогда не было ни учебников, и лекторы и студенты в основном опирались на статейный материал был, который рекомендовали преподаватели. Лекции записывали, как правило, аккуратные и добросовестные студенты, которые хотели знать предмет. Некоторые лекции фиксировались виртуозно записывали, почти стенографически. У каждого такого студента была своя система скорописи. Конечно, полной стенограммы не было, прежде чем записать что-то, нужно было обдумать мысль лектора, "ужать" ее и записать. Блестящие лекции читала доцент Марина Тихоновна Панченкова по всеобщей истории. Особенно ей удавались лекции связанные с революционным европейским движением, ее любимая тема - Французская революция, она читала по ней лекции так, что создавалось впечатление, будто она сама вот присутствовала при изучаемых событиях. Всех героев революции: Робеспьера, Мирабо, "бешеных", она всех знала и всем давала живые характеристики. Читала увлеченно. Особенно увлеченно излагала она историю Парижской коммуны, рисуя образы бакунистов, простых рабочих-коммунаров. Всегда 18 марта каждого года она устраивала Чтения памяти Парижской коммуны. Историю древнего мира на 1 курсе вел блестящий лектор, сотрудник Института Истории профессор Сергей Львович Утченко, специалист по истории Древнего Рима, автор ряда монографий об эпохе Цезаря и кризиса Римской республики. Он тоже читал лекции в свой, ему только присущей манере. Говорил медленно, каждое слово было как бы сочлено с другим и не было случайным. Это не был экспромт свойственный Сигурду Оттовичу. Четкость и логическое построение лекции у С.Л. Утченко были безупречны. И внешне он выглядел очень импозантно: мужчина средних лет, загорелый, крепкий, в блестящем темном костюме, с прекрасно поставленной речью, он производил на многих студентов (особенно студентов) неотразимое впечатление. Утченко был действительно блестящим ученым, автором ярких монографий, он преподавал как в нашем институте, так и в педагогическом институте им. В.И. Ленина. Историю средних веков вела Себенцова Марина Михайловна, тоже блестящий ученый, она преподавала

параллельно и в МГУ и у нас. Ее любимые темы: становление Французского королевства, борьба Франции и Англии за гегемонию на континенте, Столетняя война. Ее яркие, отточенные до мелочей лекции помню и сейчас.

А.К. А историю КПСС?

А.И. Комиссаренко. Во-первых, курса Истории КПСС в те времена как такового не было, формально, был общий курс под названием "Основы марксизма-ленинизма". На первом курсе эти "Основы" изучались по Краткому курсу истории ВКП(б). Его каждый год переиздавали, и он считался универсальным учебником. Я не скажу, что лекторы по этому предмету у нас были выдающиеся. Начинала курс доцент Конькова Александра Сергеевна, потом к концу 50-х годов она ушла в институт повышения квалификации МГУ, читала она, скажем прямо, не лучшим образом, как лектор ничем не выделялась, зачастую была косноязычна, поэтому слушали ее без особого интереса, тем более что знали - она просто повторяет учебник, точнее "Краткий курс истории ВКП(б)". Ее сменил пришедший из Военно-политической академии (ВПА) отставной полковник Николай Васильевич Пулькин. Он вел лекционный курс, начиная после Октябрьских событий 1917 г. и доводил его до современности, т.е. до 1953-1954 гг. Этот курс Пулькин читал, вероятно, и в академии, чувствовалось, что он опытный лектор, но тоже ведь все, что он излагал, уже было изложено в учебнике (до 1938г.), а военные события 1941-1945 гг. мы проходили довольно быстро, поскольку в годы войны ни одного партийного съезда не было, состоялся один Пленум ЦК, и тот был закрытый, после войны в 1952 г. прошел XIX съезд партии, но на этом съезде и кончался курс. Пулькин был известен тем, что он был из когорты старых партийцев в институтской партийной организации, так как в ленинскую партию он вступил в 1917 г., участвовал (еще молодым парнем) в Гражданской войне, и даже Ленина видел, по крайней мере он сам об этом любил рассказывать. Самым же "старым" партийцем с дореволюционным стажем, в июле 1917 г. вступившем в РСДРП(б), был представитель кафедры основ марксизма-ленинизма, профессор А.А. Абрамов. Но я его не слушал, он вел занятия на других потоках и вел спецкурсы, на которые я не ходил, так как предпочитал спецкурс Николая Владимировича Устюгова.

Спецкурсы и спецсеминары начинались с 3 курса, а до этого студенты писали семинарские доклады. Нужно сказать, что вообще же обязательных к написанию докладов было много. На 1 курсе, правда, писали всего один доклад - по Истории СССР. Но уже на 2 курсе студенту предстояло подготовить 6 семинарских докладов.

А.К. На какие темы Вы писали?

А.И. Комиссаренко. Например, по истории государственных учреждений я писал доклад на тему "Крестьянские присутствия как учреждения, созданные после реформы 1861 г. и их функции, компетенция...". Основным источником было Полное собрание законов Российской империи. По источниковедению (а тогда это был 1955 г.) все студенты в связи с юбилейной датой писали семинарские доклады по истории декабристов, используя следственные дела декабристов. Помню у меня был доклад "Земельная реформа Пестеля". Еще на 1 курсе по Истории СССР у доцента Ильи Андреевича Булыгина и профессора Николая Владимировича Устюгова, который вел научный кружок, в который я сразу же записался, подготовил доклад о вотчинном хозяйстве Скорнякова-Писарева, секретаря

Сената. В основу его были положены источники, опубликованные в сборнике "Материалы по истории помещичьего и крестьянского хозяйства", вышедшего в 1953 г. под редакцией профессора Константина Васильевича Сивкова. В нем имелись материалы, которые были извлечены из фонда т.н. Канцелярии конфискации (было такое государственное учреждение с петровских времен, которое ведало поместьями и вотчинами, конфискованными у опальных людей, проштрафившихся или за какие-то политические преступления лишённые должностей и земель с крестьянами). Лучшие семинарские доклады выставлялись на общую научную конференцию разных кафедр, Обычно два или три дня проводились ее заседания, давалось докладчику время (минут двадцать) и два оппонента, назначенные от НСО (научным студенческим обществом), которое объединяло научные кружки, выступали, анализируя доклад. Автор доклада должен был отвечать на критические замечания своих оппонентов, так что это было очень серьезное дело. И так каждый год. Я не пропускал таких конференций. С первого же курса Николай Владимирович Устюгов, руководитель кружка способствовал развитию у студентов интереса к научной работе. Так что научных докладов мы, студенты, писали немало. Особенно, я вспоминаю, тяжелым был 2 курс. На 3 докладов стало меньше (кажется всего 5 докладов), а потом шли только большие курсовые работы, которые, как правило, были основой будущих дипломных работ. Некоторые дипломники писали такого уровня дипломные работы, что они вскоре превращались в кандидатские диссертации. Хорошо было известно, что студент Сергей Михайлович Каштанов написал глубокое исследование об иммунитетных грамотах, это было, кажется, в 1953 г. Мне - студенту 1 курса - Николай Владимирович Устюгов пойти в ЦГАДА и начать научную работу - собирать материалы по вотчинному хозяйству князей Барятинских

(в тот период актуальными считались темы социально-экономического характера - в соответствии с марксистской теорией развития экономический фактор стоял на первом месте. Если на семинаре мне пришлось писать о Скорнякове-Писареве по опубликованным источникам, то тут надо было идти в ЦГАДА, брать фонд князей Барятинских и изучать массу документов вотчинной администрации. Но сразу же оказалось, что исследовать эти документы невозможно, поскольку фонд находился в технической обработке. Сотрудники архива занимались его описанием и перефондированием, поэтому пришлось из архива уйти ни с чем и сказать Николаю Владимировичу, что увы, фонд пока не выдается. На это он заметил: "А Вы знаете, есть одна тема, одна проблема, нерешенная в нашей науке, это вопрос о вятском хлебном рынке. Это северная территория, но в XVII-XVIII вв. Вятка производила в суровых северных условиях хлеб, который шел не только в северные же города на продажу а, более того, в больших количествах по Северной Двине вывозился к Архангельску, где грузился на корабли и отправлялся на европейские рынки, прежде всего в Голландию, в Амстердам. Я в 1991 и в 1993 г. был в Амстердаме, в архиве города, действительно нашел подтверждения этим сведениям. И я направился в декабре 1954 г. в ЦГАДА и передо мной оказалось море материалов, очень трудных для обработки: это, в основном, таможенные выписи, которые давались купцам при продаже товаров, купцов было много, так что выписей за каждый год набиралось свыше тысячи документов; а кроме этих таможенных выписей, были обнаружены и другие источники: отчеты губернаторов, материалы Вятской провинциальной канцелярии, в общем мне

хватило 5 лет работы - с 1 курса до 5 курса, который я окончил в 1959 г. Мою дипломную работу: "Вятский хлебный рынок в XVIII в.". Устюгов внимательно вычитал и буквально по каждой странице сделал уточнения и замечания. После его кончины в 1963 г. я сдал его замечания по моей дипломной работе в академический архив.

Спецкурсы у Николая владимировича были разные. Один год (на 3 курсе) он читал курс по теме: "Экономическая и культурная история России XVII в.". А на следующем (4 курсе) он тоже читал любимую тему - История народов СССР: башкир, коми, казахов (и других). Тему "История Казахстана" он знал блестяще, сам родом из южного Урала, из Челябинской области, рядом располагался Казахстан. Н.В. Устюгов закончил Оренбургскую духовную семинарию, потом был красноармейцем, в 20-е годы поступил в Московский университет на Факультет общественных наук (после революции 1917 г. исторические факультеты были ликвидированы). По окончании университета стал работать в различных библиотеках и научных учреждениях г.Москвы. В 1939 г. его как специалиста пригласили читать вспомогательные исторические дисциплины в Историко-архивный институт.

У нас же вспомогательные дисциплины он уже не вел, в 1954 г он занимался историей солеварения в XVIII в., но в 1939 г. и до 1941 г. до того, как он ушел добровольцем на фронт, он вел курс Вспомогательных дисциплин. Впоследствии, когда мне в 1961 г. выпало неожиданно приглашение стать преподавателем, а я еще только-только поступил в аспирантуру в 1961 г. к Устюгову, он поддержал меня, заявив, что ему тоже в 1939 г. неожиданно выпало предложение стать преподавателем. И буквально на следующий день позвонили с кафедры и предложили взять группу на вечернем отделении, чем повергли меня в великий шок: мне было 22 года - и вдруг преподаватель. Тем более, что я еще не ощутил себя аспирантом. Я позвонил Устюгову и говорю: "Николай Владимирович, что делать?". На вечернем отделении, где следовало преподавать, числилось очень много студентов, в целом, на вечернем их имелось больше, чем на дневном: в основном это работники архивов, библиотек. Он говорит: -Ну и что? Мне вот в 1939 г позвонили 31 августа и сказали, что у Вас завтра будет уже лекция по вспомогательным дисциплинам. Ну я, - говорит, - ночь посидел, подготовился и утром уже был на лекторской трибуне.

Я говорю: "- Ну так то Вы, а то я..."

"- Ничего. Посидите, подумаете, составите план лекции, подберете материалы, и лекция получится."

Ну пришлось посидеть, подумать. Правда не на следующий день, а через дней пять я пришел в студенческую группу вечерников. Там, в основном, были люди старше меня по возрасту, опытные работники архивов, спецорганов, майор даже какой-то был. Естественно у меня, не скрою, коленки дрожали, но я выдержал это испытание, и потом наладились очень хорошие отношения с этой группой. Опыт какой-то дали Кружок, прежде всего, научную подготовку, и, конечно, институт. Поэтому я довольно быстро освоился с аудиторией и с преподавательской деятельностью, она стала моим любимым занятием.

А.К. А как проходили занятия в Кружке?

А.И. Комиссаренко. У Устюгова они проходили в сугубо академической манере. Обычно заседали в 25 аудитории, сейчас такой аудитории нет, там кафед-

ра Отечественной истории новейшего времени. А тогда в этой 25 аудитории стояли столы, черной краской замазанные, традиционные, канцелярские, около окна садился Николай Владимирович. В те времена не считалось зазорным курить в аудитории, он брал папиросу, закуривал, доставал из портфеля тетрадь, открывал чистую страницу, писал число и номер заседания. У него все было спланировано, - либо делался научный доклад аспирантом или студентом (это наиболее частая форма), либо реферат по вышедшей монографии. Выйдет в свет, например, какая-либо монография и сразу же кому-то из кружковцев поручалось ее реферировать. Мне, помню, поручили сделать реферат по вышедшей тогда монографии Федоренко "Рудни левобережной Украины". Вот я читал эту книгу, выписывал важнейшие факты, выводы. Там, где я был согласен - отмечал, где не согласен - тоже делал пометку, и, таким образом, составлял текст реферата. Обычно рефераты обсуждались в присутствии автора. Устюгов сам приглашал автора реферированной монографии, и он слушал, что ему говорят студенты, как они его, как говорил Устюгов, "кРЬтикуют". Зачастую среди "реферлируемых" были и очень крупные научные фигуры. Помню, приходил Борис Борисович Кафенгауз. Мы реферировали его книгу "Очерки по истории внутреннего рынка России первой половины XVIII в." написанной на основе таможенных книг. Мне тоже выпала задача участвовать в реферировании. Или тогда выходили фундаментальные "Очерки Истории СССР", по различным периодам. Это - капитальные труды, они готовились по всем эпохам. Каждый том обсуждался группой студентов: назначались докладчики, по параграфам и главам делили докладчики этот материал, и выступали в присутствии авторов. Авторы, как правило, являлись действующими сотрудниками Института истории, кружковцы обсуждали их работы, и тем самым приобретали научную смелость, критикуя таких "великих" ученых. Авторы обстоятельно отвечали на наши замечания, затем начиналась нередко острая дискуссия. Устюгов внимательно слушал, в конце он подводил итоги, делал замечания, очень тактично критиковал авторов и студентов-докладчиков, которые могли ошибиться в каких-либо вопросах. Все соответствовало академической этике, критика не была обидной. Нередко мы чувствовали удовлетворение от того, что участвовали в серьезном научном диспуте. И так было постоянно. Но в 1963 г., на аграрном симпозиуме, на котором я был, в Вильнюсе, Николай Владимирович скорострительно скончался. В последний день симпозиума, как раз после моего доклада (я выступал последним докладчиком), вечером мы должны были уезжать, но у него неожиданно случился сердечный приступ, еле-еле успели отвезти его в больницу, и там он почти тут же и скончался. Симпозиум закончился трагически. После этой трагедии кружок долгое время лихорадило, не было научного руководителя, иногда занятия проводил доцент Иван Архипович Кудрявцев, специалист по историографии и истории XIX в., иногда приходил и делал доклады профессор Николай Никифорович Яковлев, специалист по истории революции 1905 г., автор монографий "Декабрьские вооруженные восстания в России 1905 г." и "Народ и партия в 1905 г.". Но регулярных занятий не было в отличии от систематических занятий кружка Сигурда Оттовича Шмидта. В институте, нужно сказать, еще действовал и кружок по истории СССР, руководимой доцентом Людмилой Марковной Зак, но он собирался не столь регулярно как кружок Устюгова или Шмидта. Были научные кружки студентов и аспирантов и на архивных кафедрах, но я не очень внимательно следил за их работой, поэтому

не могу сказать конкретно, что там происходило. не Знаю лишь, что они тоже активно участвовали в научных ежегодных сессиях, конференциях Научного Студенческого общества, объединявшем все кружки института. Обществом обычно руководил аспирант второго года обучения. Руководитель научного студенческого общества координировал работу всех кружков, планировал конференции, вместе с научными руководителями выбирал докладчиков, темы докладов, нередко старшекурсники сами предлагали темы своих работ и вывешивали тезисы своих докладов на стене института, и каждый мог их прочитать.

А.К. Когда Вы стали руководителем кружка?

А.И. Комиссаренко. Руководителем кружка я стал с 1970 г. До 2001 г. в течение 31 года я вел, как и Устюгов, регулярные заседания. Мы немного отошли от академической формы заседаний, стали сочетать академическую манеру со студенческим менталитетом. Студенты ведь приходили на заседание зачастую после работы, усталые. Поэтому, когда делался перерыв - обычно после зачитания докладчиком доклада, то обязательно ставили самовар. Иногда кружковцы (девушки, конечно) готовили пирожки, а потом завели правило, бросать в шапку монетку (кто сколько мог) и на эти монетки покупали печенье для чая. Напротив института находился продуктовый магазин и легко можно было все это купить. Поэтому делался доклад (не более чем на 40 минут - железный регламент неукоснительно соблюдался), приглашались и студенты, и аспиранты, а то и научные сотрудники Института Истории сами просились выступить в кружке. Им это было особенно необходимо перед защитой кандидатской или докторской диссертаций апробировать свои тезисы в кружке, получить порцию критики студентов и аспирантов. Так что у нас не было недостатка в докладчиках, всегда в портфеле лежали - заказы из ГИМа, Музея революции, и это объяснялось еще и тем, что мы перешли на широкую тематику, и приглашали докладчиков и по советской тематике, видимо еще и потому, что кружок советского периода, руководимый Л.М. Зак, прекратил существование с появлением ректора С.И. Мурашова в 1968 г. По его инициативе было изгнано несколько десятков преподавателей. Тогда она тоже вынуждена была уйти. В институте установился жесткий идеологический режим. Нас, "феодалов", он касался меньше всего, а вот советский период.. там надо было следовать определенным канонам. Ну вот она ушла в педагогический институт им.В.И. Ленина. В нем она заняла должность декана исторического факультета. Так что кружок по истории советского периода перестал собираться, а кружок Сигурда Оттовича работал, правда, уже не так постоянно, из-за того, что Мурашов тоже какие-то претензии предъявил Сигурду Оттовичу. И Сигурд Оттович с нашей кафедры (истории СССР досоветского периода) вынужден был перейти на кафедру вспомогательных исторических дисциплин, да и его кружок всегда имел источниковедческий профиль. Мурашов лишил Сигурда Оттовича права читать лекции по феодальной истории России, в какой-то мере невольно и этот курс вынуждено стал читать я. Сигурд Оттович оставался там на "виде" (кафедре вспомогательных исторических дисциплин), вел спецкурсы, причем безвозмездно, продолжал руководить кружком, несмотря на то, что ректорат и сам ректор Мурашов смотрел на это весьма неодобрительно.

Возвращаясь к истории нашего кружка. У нас избирался председатель, и в отличие от того времени, когда Николай Владимирович Устюгов сам вел заседания, теперь это делали избранные председатель и секретарь кружка. Председатель под

моим руководством вел организационную работу, планировал заседания, а секретарь кружка вел протоколы этих заседаний. Часто секретарем кружка была Маша Сергеева (ныне Мария Геннадьевна Фивейская, работающая ныне вместе со мной на кафедре истории российской государственности Российской академии государственной службы). Она защитила кандидатскую диссертацию под моим руководством и была приглашена на эту кафедру в 2002 г. Сейчас она заместитель заведующего кафедрой. Она была секретарем кружка, и кружок ей тему дал, я ей предложил заниматься темой, связанной с общественной деятельностью адмирала Н.С. Мордвинова, его политическими и социальными взглядами. На эту тему она и подготовила диссертацию. Итак, секретари вели протоколы заседания. Большая их часть каждый год сдавалась в архив института. Кружковая работа очень важная работа, я думаю, она в не меньшей мере была своеобразным университетом. Кружок позволял общаться на равных студентам первого и пятого курсов, студентам и аспирантам, аспирантам и научным работникам и даже профессорам и докторам, приходивших к нам со своими научными докладами. (например, профессор Александр Александрович Преображенский, бывший студент МГИАИ и воспитанник Устюгова, тоже, как и он, участник войны, долгие годы занимался научной работой в секторе феодализма Института Истории, и одно время был его руководителем, несколько лет тому назад, к сожалению, умер.

А.К. Кто был научным руководителем Вашей диссертации после ухода из жизни Н.В. Устюгова?

А.И. Комиссаренко. Он был научным руководителем, но когда он скончался неожиданно, в отделе аспирантуры его руководитель Т.И. Галкина уведомила меня, что без научного руководителя нельзя защищать диссертацию. Совет назначил мне нового руководителя - профессора Алексея Андреевича Новосельского. Он и стал вторым моим научным наставником, но сказать объективно, все было сделано еще при Николае Владимировиче Устюгове, и когда Алексей Андреевич попросил привезти ему мои материалы, я сложил их в чемодан и привез его ему на квартиру. На следующий день он позвонил и сказал: " Все нормально, все хорошо, защищайтесь как можно быстрее.". Все. На этом руководство его было закончено. Но мы общались с ним в Институте Истории постоянно. У него, конечно, не было сомнений, что работа выполнена, тем более, что в основе этой работы (она была посвящена вятскому крестьянству XVIII в. в целом) лежала как краеугольный камень дипломная работа о вятском хлебном рынке. Она и была включена целой главой в кандидатскую диссертацию. Таким образом, работа в кружке вылилась постепенно в кандидатскую работу.

А.К. А что-нибудь можете рассказать про кружок источниковедения в период Вашего студенчества?

А.И. Комиссаренко. Это надо спрашивать участников, я там был эпизодически. У нас были иногда и совместные заседания в Теремке, потом у них на кафедре, вот там, где она и сейчас находится. Как правило, рассматривались крупные научные проблемы. Я помню, например, совместное заседание по итогам Аграрного симпозиума 1970 г., я как участник симпозиума делал доклад, потом были обсуждения. Затем как-то обсуждали вопрос о Крестьянских войнах, в связи с выходом в свет очередного тома "Крестьянской войны под руководством Разина", за который отвечала главные его составитель, воспитанница института, главный археолог ЦГАДА - Елена Александровна Швецова. Член нашей кафедры, стар-

ший преподаватель, кандидат наук Леонид Владимирович Волков делал доклад (ныне сотрудник ВНИИДАД). Он этим вопросом и этой темой занимался. Это было на совместном заседании кружков. Также и первый мой аспирант, а потом кандидат Сергей Владимирович Поздняков на подобном совместном заседании представлял научные сообщения о малоюрославецких вотчинах в XVII- нач. XVIII вв.

А.К. Что Вы можете сказать про студенческую жизнь, про особенности, какие-нибудь мероприятия?

А.И. Комиссаренко. Студенческая жизнь была насыщенной и бурной. Студенты не все сразу разбежались после занятий домой. Большая часть оставалась в институте. Вероятно, потому что общежитие находилось здесь же, и женское, и мужское. Москвичи вовсе не являлись преобладающей частью, было много поступивших в институт и из других мест Советского Союза, приезжали из сельской местности, из деревень; были представители и Северного Кавказа, (Осетии, например), Средней Азии, Сибири, Урала. Но жили все дружно. Во-первых, была традиция: каждый курс каждый год должен дать капустник для всего института. Для этого надо было написать сценарий, веселый, живой, типа как КВН потом. Сценарий сочиняли сообща, но были и сценаристы. Поскольку на курсе учился будущий писатель Радзинский, то иногда он принимал участие, но не скажу, что он часто этим занимался. Наиболее активным был ныне доктор искусствоведения Лев Моисеевич Рошаль - Лева Рошаль, и сокурсница его Эля Бараль, своего рода тандем "Рошаль-Бараль". Они были самыми активными у нас на курсе, инициаторами всех капустников. Кроме того, другие студенты тоже привлекались в меру их возможностей и сил. Так и создавали капустник, веселый и интересный. Для его представления из актового зала выносились все столы, за которыми и сидели студенты на лекциях, - возникало большое пространство, и никто не сидел, все стояли, потому что после сценарного представления, обязательно были танцы, под оркестр, которым руководил мой сокурсник Гарри Поляк.

Во-вторых, имел успех институтский хор, который в 1957 г. блеснул даже на городском фестивале молодежи. Готовились к Всемирному фестивалю молодежи, который состоялся в Москве летом 1957г. На городском конкурсе наш хор, в котором преобладали женские голоса, руководимый женщиной-капельмейстером, добился хороших результатов. Он выступал почти профессионально с классическим или народным репертуаром. Кроме того, в институте активно действовал драматический кружок, ведь рядом были все театры - Большой, Малый, Оперетты, Детский, и они все контролировались нашим райкомом. Партийные и комсомольские деятели оказывали нам помощь, приходили часто артисты (я не помню кто именно, потому что в этом кружке не участвовал), они руководили драматическим кружком, который ставил обычно старые русские водевили. Кроме того, мой сокурсник, а ныне проректор по научной работе Финансово-экономической академии Георгий Борисович Поляк, а тогда просто Гарри Поляк, закончил в свое время музыкальную школу, играл на пианино, аккордеоне, кларнете и саксофоне. Он создал в институте джаз-оркестр. Джаз-оркестры после войны были запрещены, в годы "борьбы с космополитами", но потом они постепенно возродились под видом эстрадных оркестров. И он создал джаз-оркестр из студентов, в основном, нашего института, там участвовал в роли пианиста тоже мой сокурсник Игорь Жихаревич, иногда садился и сам Гарри Поляк за пианино, но

больше он играл на аккордеоне, кларнете и саксофоне. Молодежь тогда танцевала модные в то время танго, фокстроты. Были хиты, как теперь говорят, модные мелодии, особенно после фильма "Возраст любви" с Лолитой Торрес, песни из этого фильма студенты пели везде и всюду. Кроме того, приезжали тогда "ледяные ревью", особенно после 1956 г. - тогда в Лужниках был построен Дворец спорта с крытым катком. Популярностью пользовались "ледяное ревью" австрийское и американское. Американцы привезли интересный спектакль, в нем исполнялось множество мелодий из американских мюзиклов, которые у нас до этого не транслировались по радио, и не тиражировались на грампластинках. Речь идет о музыке Джона Кэрна, Бэрлина и др. Вот ее, Гарри Поляк тут же записал в нотную тетрадь, а в 45 аудитории на саксофоне разыгрывал после занятий (до занятий вечернего отделения оставалось 2-3 часа, занятий в институте не было). Так что жили как и подобает молодежи весело. Почти каждую субботу (ну по крайней мере 2 субботы в месяц обязательно), устраивали танцевальные вечера. Танцевали либо под аккордеон (т.е. под джаз-оркестр с участием аккордеона Поляка), либо под пластинки: радиолу заводили в радиорубке (ныне радиоузел - А.К.). Слух об оркестре и о том, что в МГИАИ замечательные девушки, распространился по московским вузам. Особенный интерес проявили студенты Московских авиационного и авиационно-технологического институтов. Всегда, когда устраивался танцевальный вечер, собирались перед входом в институт толпы желающих, а каждая наша студентка могла провести с собой только одного кавалера. Билеты специально печатал комитет комсомола, и, кроме того, у дверей (а они довольно узкие) ставилась комсомольская охрана, чтобы не пропускать "зайцев". Попавшие в зал считали себя счастливыми. Наши вечера славились, о них говорили в других ВУЗах. Самодеятельность была развита в этом плане очень здорово. Да и спорт тоже. Несмотря на то, что и "женский" был институт, но парней ведь тоже было немало (1/3 его все-таки мужская часть). Работали спортивный секции. Мне, например, довелось быть председателем легкоатлетической секции, и Эдик Радзинский бегал стометровку, и бегал неплохо. Проводились зимние олимпиады, обычно в Лефортово на стадионе. Летом и осенью мы занимались на стадионе "Динамо", потому что студенты института состояли в обществе "Динамо": в отличии от других ВУЗов, которые входили в студенческое общество "Буревестник", Историко-архивный институт состоял в обществе "Динамо" по той причине, что до 1953 г. он входил в ведомство НКВД. Так, по традиции, мы и остались в нем, и пользовались его материальными ресурсами: стадионом "Динамо", лыжными базами в Химках. Лыжные занятия проходили в неделю 2 раза, нужно было ехать, в Химки, брать там лыжи и идти на них по заснеженному льду водохранилища до Железнодорожного моста 5 км и 5 - обратно. Все студенты должны были сдавать нормы ГТО. За несдачу - "незачет" со всеми вытекающими последствиями. Занятия спортом, лыжами здоровью помогало. Кроме того, славилась конькобежная секция, там блистал Юрий Гробовников, его институтский рекорд на 500 м не побит и по сей день. Также не побит рекорд по метанию ядра Фомушкиной 1956 г. Не побит рекорд тоже в метании ядра студента, а ныне профессора Старостина Евгения Васильевича. Он поступил в институт, кончив военное училище и отслужив в армии на Дальнем Востоке и закончил его позже меня, в 1963 г. Занимались студенты активно гимнастикой, но здесь преобладали девушки, они тренировались в нашем небольшом скромном спортивном за-

ле. Кстати, в конькобежной секции, в которой участвовал Ю. Гробовников, да и я тоже, был выращен чемпион мира, в беге на коньках начала 1960-х гг. Виктор Косичкин. Но он, правда, учился не в нашем Историко-архивном институте, а техникуме пожарном. Но все равно представлял общество "Динамо". Я любил коньки, но рекордов не ставил. Правда, бегал тоже на 3000 м, на 5000 м. Однажды даже я рискнул пробежать на 10000 м, это тяжелая была дистанция. Так что студенты участвовали активно и в спорте.

А.К. А столовая, пьянство. Стенгазета?

А.И. Комиссаренко. Столовая была необходима, потому что рядом общежитие, надо было кормить студентов. Столовая давала льготы студентам, т.е. были такие абонементы по цене (тогда 3 рубля) обеда. А с 1961 г., когда проведена была реформа, то его стоимость стала 30 к. (первое, второе и третье блюда). При стипендии в 220 рублей, она оказывалась посильной. Но отличники на четверть больше получали. Стипендия выплачивалась практически всем хорошо учащимся студентам. Не было такого, чтобы стипендию не платили, а с тройками, если материальное положение семьи было не очень хорошее, по заявлению и студенту с удовлетворительными результатами тоже можно было получить стипендию. Сказать, что было пьянство, вряд ли возможно. Иногда некоторые студенты перебирали меру. Например, на танцах иногда вдруг появлялась (из общежития чаще всего) пьяная фигура, тогда такого студентам быстренько "эвакуировали" под конвоем туда же в общежитие и отправляли спать. Массового увлечения спиртными напитками не наблюдалось. На старших курсах у студентов появилась традиция: получив стипендии, группой могли посещали ресторан "Метрополь" пообедать и выпить 100 или 200 грамм для парней водки или коньяку. Если в группе были девушки, то заказывали вино. Это обходилось по тем временам в большую сумму, примерно 20 рублей. Ну, если стипендия на 4 курсе была около 300 рублей, то раз в месяц на такие траты можно решиться. В целом же массового пьянства не было. Да и комсомольская организация таких бы пьяниц крепко "прорабатывала".

Студенты участвовали в целинном движении. Я дважды ездил на целину от Историко-архивного института, третий раз на целину поехал будучи сотрудником ЦГАДА. Первый раз это случилось в 1956 г. - неожиданно в июне ЦК ВЛКСМ опубликовал обращение к студентам страны помочь сельскому хозяйству в уборке урожая. Видимо, на целине ожидался большой урожай. И студенты всех ВУЗов страны выделяли отряды, от Историко-архивного института человек 90 поехали на целинные земли. Оказались мы в Красноярском крае, в Ермаковском районе, рядом с с. Шушенское, где Ленин в конце XIX в. находился в ссылке. Там роскошная природа: это прямо-таки Швейцария - горные хребты, через которые дорога вела в Туву, в Кызыл, а в долине бурно шумела река Абакан. Везде: леса таежного типа, между ними лежали возделанные поля, и вот там находился Ермаковский целинный молочный совхоз. Наша задача состояла в заготовке кормов. Мы занимались стогометанием, делали стога, или по-сибирски зароды. Взяв в руки примитивные орудия труда - длинные деревянные вилы, (в виде трезубца), и старались "сметать" зарод за рабочий день. Участвовало в этом 2 бригады. Нам выделялись телега, две лошади, которых мы запрягали в эту телегу, и 8 километров ехали от нашей стоянки до полей на которых лежали валки скошенного сена. Жили мы в бараках, в них спали на нарах. Один барак был

женский, один мужской. Набивали мешки соломой, и на этих "матрацах" отдыхали. Еще в Москве было рекомендовано по возможности взять одеяла байковые или шерстяные, у кого таких не было в общежитии, то они получали одеяла, резиновые сапоги - всю аммуницию, какую необходимо. И Когда мы подъезжали к месту, где надо было ставить зарод, лошадей распрягали, телегу ставили в сторону, а к дугам приделывали постромки из кожаных ремней, они собственно входили в упряж, затем ехали к ближайшему лесу, рубили 2 или 3 березки, привязывали их к этим постромкам, скрепляя веревками. Вилами накладывали на березовую крону пучки сена. Потом веревками поклажа перевязывалась, и кто-то садился верхом (обычно девушки) и волокушу подтягивали к тому месту, где предстояло поставить зарод. Между постромок ставили в землю вверх зубьями эти вилы, и пропускали лошадь, ее гнали вперед, а веревку распускали. Естественно все быстро скатывалось. Потом парни это сено укладывали в зарод. Он обычно был метра 3-4 в высоту, метра 4 в ширину, метров 10-15 в длину. На это уходил как раз весь световой день. Продукты привозила наша поварская бригада, которая работала там, где у нас находились бараки. Так мы 3 месяца и работали. Условия, конечно, были нелегкие, особенно для девушек, городских особенно. Поднимая эти вилы, мы естественно получали хорошие порции земли и грязи, которые падали сверху на нас. К вечеру мы уже походили на шахтеров: все лица были черные от чернозема. Чтобы отмыться, принимали душ: воду нам привозили на бензовозе, часть ее закачивали в огромный чан, который мы подняли на брусках наверх, от него отвели трубу, сделали из хвороста загородку. Принимали все душ, невзирая на холодную особенно в сентябре-октябре погоду. При этом никто не заболел - организм, видимо, в экстремальных условиях выделяет какие-то силы, противостоящие невзгодам. Работали до середины октября, уже падал снег ... Так мы пробыли в Сибири три месяца. Так как не все студенты поехали на целину (всего 90 человек из 240), оставшиеся в Москве занимались с 1 сентября и ушли в наука далеко. Нам пришлось догонять, но все собрались ("целинники", как мы себя называли) и решили, что должны сдать зачеты и экзамены не хуже вот этих "бездельников", которые сидели в Москве. И действительно, сдали неплохо.

А.К. Возвращаясь к Историко-архивному. Диссидентства у вас не было?

А.И. Комиссаренко. Диссидентство было закрытое, о нем мало кто знал. Так в начале 1960-х гг. в парткоме рассматривалось дело "Золотарика". Мой сокурсник Марк Успенский стал выпускать журнал с названием "Золотарик" и в нем помещал карикатуры на политических деятелей, в том числе и на Хрущева. В итоге Марк Успенский, работавший инженером на кафедре Кинофотодела, был отчислен из института, он, его просто выгнали с работы. Но, слава богу, не арестовали. Тогда же в связи с этим делом по партийной линии пострадал руководитель идеологического сектора парткома института, участник войны, очень опытный преподаватель, блестяще читавший лекции по политической экономии, Евгений Самойлович Мельцер, которому был объявлен строжайший выговор, но он, к счастью, был оставлен в институте.

А.К. А влияние партийной организации на Вашу учебу чувствовалось?

А.И. Комиссаренко. Оно, конечно, было, но это не значит, что кто-то давил, проверял нас. Я, например, хорошо помню доцента Ивана Архиповича Кудрявцева, который в 20 гг. являлся организатором комсомола, а в 30 гг. редактором журнала "Историк-марксист", в институте он преподавал Историю СССР XIX в.

Он многократно избирался секретарем партийной организации. Он никому не отказывал в своих весьма квалифицированных советах по актуальным политическим вопросам. Это был человек очень душевный, обаятельный. Его заставили уйти из института, когда в 1968 г. лектором стал С.И. Мурашов, ярый сталинист. Он использовал идеологическую палку для погрома в институте, много преподавателей было уволено. Своеобразный "ренессанс" Историко-архивного института наступает лишь с приходом в 1977 г. Н.П. Красавченко, но, конечно, райком, партком следили, чтобы выдерживалась партийная линия, но резкого давления уже вот не было. На заочном отделении учился студент (я его не знал) Голонсков, известный потом диссидент, он умер в лагерях (в начале 1990-х гг. в институте его памяти была посвящена мемориальная доска). Кроме того, в институте с 1956 г. учился сын Якира - Петр Якир. Он вернулся из ГУЛАГа в период первой волны реабилитации, и поступил в Историко-архивный институт. Он уже был тридцатилетним мужчиной, т.е. по возрасту превосходил своих сокурсников. Однажды Комитет комсомола меня послал перед экзаменационной сессией в его группу, чтобы рассказать первокурсникам, как готовиться к экзаменационной сессии. Тогда-то я и познакомился с Якиром. Выслушав мои советы, он сказал, что все экзамены уже сдал в своей жизни, прошел, так сказать, через огни и медные трубы, поэтому он представляет, что такое экзаменационная сессия. Но не мешал мне рассказывать неопитам, как, по моему разумению, следует вообще заниматься и как готовиться к экзамену. Когда он закончил и стал аспирантом у академика Минца в институте истории СССР АН СССР, вот он и принял участие в диссидентском движении. Он грешил употреблением спиртных напитков (к сожалению, не знаю по каким причинам). Однажды пришел ко мне на экзамен, будучи совершенно пьян, я помню, и не сняв шапки, вошел в аудиторию. Студенты готовились к ответу, я вел экзамен и вдруг обратившись ко мне, говорит: "Вот у тебя тут готовится (да, обратился на "ты", ну это неважно) моя знакомая (назвал фамилию студентки) поставь ей сразу 5, она все знает". Мне пришлось попросить его покинуть аудиторию и вытолкнуть его за дверь. Студентка и без него хорошо знала предмет и сдала его на "отлично". Был еще казус в 1968 г.: студентка, кажется, заочного отделения, дочь Петра Якира - жена барда Юлия Кима - Ирина Ким, участвовала в демонстрации на Красной площади против ввода войск в Чехословакию и была сфотографирована иностранными корреспондентами. Газета с ее фотографией попала на стол ректора Мурашова. Ирина только что сдала экзамен Людмиле Марковне Зак по Советскому периоду и получила "хорошо". Ректор Мурашов тут же вызвал Людмилу Марковну Зак на заседание ректората, и, показывая ей газетную фотографию, гневно вопрошал: "Как Вы могли этой антисоветчице по предмету История советского общества поставить "хорошо"? А она завтра же после экзамена пошла на эту антисоветскую демонстрацию". Это тоже было одной из причин, побудившей Людмилу Марковну принять решение уйти из Историко-архивного института. А что касается самой студентки, ее, по-моему, исключили тогда из института

А.К. Последний вопрос о Вашем преподавании в начале 1990х гг., когда Историко-архивный уже преобразовался в РГГУ.

А.И. Комиссаренко. Можно сказать, что произошла революция во всем. Во-первых, мы получили громадное здание Академии общественных наук. Ректор Ю.Н. Афанасьев (стал им в 1986 г.) заявил, что мы будем преподавать на демок-

ратических принципах: каждый преподаватель может читать все, что он желает, никакого диктата и проверок не будет. Поначалу так оно и произошло. Очень скоро после 1993 г. ректор Афанасьев и ректорат начал "гайку крутить" в другую сторону. Ежегодно стали проводиться проверки состояния преподавания, требовалось ежегодно составлять по всем предметам учебно-методические комплексы, которые подвергались особенной комиссией ректората тщательной ревизии, и если она находила, что содержание комплексов не соответствует тем, как они говорили, "демократическим принципам", то (а всегда ведь можно было что-нибудь найти), преподаватели - составители комплексов снимались с занятий. Поскольку комиссии эти работали с 1 сентября почти весь первый семестр, то обычная учебная работа весьма тормозилась: вместо того, чтобы спокойно заниматься своим делом, преподаватели ожидали вызова на заседание в ректорат, как на Следственную комиссию. Так что были свои плюсы и минусы. Конечно, установилось тесное сотрудничество с иностранными учебными заведениями, рухнул "железный занавес", мы стали ездить в заграничные университеты. Ваш покорный слуга - в Варшаву, и в Амстердам, и в Тырново. И к нам приезжали иностранные преподаватели, международный обмен усилился, все это способствовало научному обмену знаниями и опытом. Но при этом в институте постепенно стали сворачивать семинарскую работу, вместо семинарских докладов студенты стали писать рефераты, скачивая их из Интернета, самостоятельная работа студентов уходила в сторону, что, по-моему, привело к снижению фундаментальности образования. Здесь я вижу минус. К сожалению, такая политика проводится на уровне министерства образования. К концу 1990-х годов ректор Ю.Н. Афанасьев все более и более стал склоняться к авторитарному стилю руководства в институте: перестал считаться с мнением заведующих, неугодных для него. Произошел конфликт на факультете теоретической и практической лингвистики, молодой декан был поддержан всем факультетом, но тем не менее был уволен с работы за то, что протестовал против ежегодного составления методических комплексов и их жесткой проверки, что отнимало преподавателей от регулярных занятий со студентами. Вскоре и кафедра отечественной истории древнего мира и средних веков (я ею заведовал с 1976 г.) подверглась дискриминации, наоборот, стали "урезать" штаты, увольнять преподавателей, кафедре ректорат отказывал в необходимых ставках под разными предлогами. Нагрузка осталась при этом прежней, следовательно, на оставшихся выпала дополнительная нагрузка. Все мои попытки добиться справедливости успеха не имели. И неожиданно, без всяких на то оснований, без комиссии, которая могла бы проверить работу кафедры, просто произвольно, нарушив все уставы высшей школы, меня заменили другим заведующим, поставив меня перед совершившимся фактом.

Кстати, накануне таких неприятных для меня событий Земельный комитет рассматривал вопрос о праве института занимать помещения на Никольской улице - церковь на здании Историко-архивного института предъявила претензии. Проректор Нелли Афанасьевна Власова просила меня, поскольку я давно занимался вопросами церковных земельных отношений, подготовить аналитическую записку, в связи с этими претензиями. В соответствии с законом о секуляризации Екатерины II 1764 г., и другими постановлениями, начиная с начала XVIII в., когда Синод вошел в систему государственных бюрократических органов, Синодальная типография, находившаяся в XVIII- начале XX вв. в этом здании, не

являлась чисто церковным учреждением: Синод в 1721 г. был включен в систему бюрократических учреждений Российской империи. В записке на 5 страницах много доказательств, что здание должно оставаться за РГГУ. В итоге Комитет высказался в пользу РГГУ, записка моя сыграла положительную роль. И вот после этого успеха неожиданно меня заменили на другого заведующего. Вскоре я лишился и общего лекционного курса по отечественной истории. И также без всяких оснований. Кружок, хотя и работал, но студенты чувствовали какую-то антипатию к нему со стороны руководства института и кафедры. Но мы все-таки продержались до мая 2001 г. Положение мое в РГГУ стало неустойчивым, и в конце августа того же 2001 г. я вынужден был покинуть институт, в котором учился и честно проработал около сорока лет.

Реджинальд Васильевич Овчинников. Я поступал в 1947 г. на вечернее отделение института. Первые 2 курса я проучился вечером. Пришел я после окончания Московского механического техникума, так что мне пришлось менять жизненную ориентацию. А историей я увлекался и, даже участь в техникуме, я много читал, перечитал Ключевского еще до института.

О преподавателях. Ну преподаватели представлялись такими небожителями, но оказались некоторые даже малоинтересными, но были и интересные преподаватели. Я, например, помню преподавателя истории партии К.А. Попова. Он довольно интересный был, скептически настроенный, и его почему-то звали "призрак коммунизма". Он был пожилой, по происходил из эсеров, в 1820 г. по взятии Иркутска он был председателем суда над Колчаком и подписал ему смертный приговор.

Вспомогательные дисциплины читал Л.В. Черепнин. Он, говорят, появился в 1943 г. в институте, в поношенной одежде с заплатками на штанах (он был ведь ссыльнопоселенец), он был сослан по Академическому делу в Саранск и там, значит, подвязался. Он до 1943 г. в ссылке был, а потом вернулся в Историко-архивный преподавателем. Он так увлеченно читал, что студенты со всех курсов сбегались слушать его, воспринимали его лекции как "брызги шампанского". Великолепно так читал. Он ходил в тужурке и в штормовых штанах с заплатками. И он так увлеченно читал, что когда он писал какие-то тексты на доске, часть он стирал рукавами своей телогрейки. Он сам был маститый, правда, вид у него всегда был непрезентабельный: его можно было принять за посетителя пивных забелок таких. Он толстый такой был, ходил в кепочке, и его конечно, никак нельзя было признать за академика. Он настолько толстый был, что он не мог впереди портфель нести, он его сзади носил, руки сзади у него только были. Он попал в ссылку по сфабрикованному ОГПУ т.н. Академическому делу 1929-1931 гг., конкретно же его обвинили в "недоносительстве" на фигурантов по этому делу.

Историю России, поскольку я заочник, у нас читал Александр Александрович Зимин. Он стал главным моим Учителем впоследствии. Он тоже своеобразная личность: увлеченный историей, абсолютно не следил за своей внешностью, Я помню, ходил он с поднятым воротником, в калошах. И его лекции какое-то странное впечатление производили: я привык, что вот по этому "кирпичу", так как написано. Он не учил подобным образом, у него лекции-размышления были. Он ходил и раздумывал, о чем рассказывал: такой не канонический у него был опыт чтения. Потом он у меня был руководителем диплома и руководителем диссертации. Диссертацией он руководил своеобразно, сосредоточив основное внимание на крупных методических вопросах и предоставив мне полную самостоятельность в решении конкретных проблем истории и источниковедения Пугачевского восстания.. Он сказал: "Ну, ты сам разберешься во всем".

Интересные случаи на экзаменах и зачетах. У нас в институте было необычайно легко учиться, я не знаю как сейчас. Это я считал занятие беллетристикой, потому что я в процессе учебного года не занимался, фактически не занимался, вот во время экзаменов действительно я готовился, но экзамены и зачеты у меня всегда проходили легко, и даже когда я стал учиться на очном отделении.

Диссидентство в Историко-архивном институте. Ну из диссидентов, я

помню, у нас был такой Шеин, его на 2 курсе арестовали. С чем он был связан - не знаю, может быть его за происхождение национальное арестовали, может быть у него какие-то взгляды были. Вот это я единственное запомнил. Он проучился 2 курса, его взяли и потом он уже не появлялся.

Диплом я писал у Зимина по теме "Источникам по истории восстания Болотникова". Я занимался разрядными книгами, записями в Разрядных книгах. Писал я с трудом, поскольку до этого не имел такого опыта в изучении источников, вот меня в этом и наставлял Зимин. Он вообще был замечательный человек, великолепно знал Средневековую Россию, увлекался библиофильством: собирал книги; увлекался филателией, великолепно знал поэзию Серебряного века, впервые я от него услышал, как он так читал стихи Николая Гумилева и других по памяти. Госучреждения у нас читал Н.П. Ерошкин, довольно интересная личность, он с увлечением читал свой предмет, довольно скучный, кажется, но лектор часто оснащал и украшал его всякого рода анекдотами из жизни царствующих особ и высших сановников. Архивные дисциплины у нас читал К.Г. Митяев. Такой профессор был, он сам по образованию историк, но он бросил историю и занялся архивным делом. Уже после того, как я окончил институт, у меня такое воспоминание сохранилось: шло заседание Научного совета в Главном архивном Управлении, и там кто-то отчитывался о поездке в Китай (это где-то начало 1950-х годов). Китайцы пожаловались, что они в переводе читают учебник Митяева и что-то не очень понимают его. Тот их успокоил: "Не волнуйтесь китайцы, мы и сами плохо понимаем" А заведовал этой кафедрой теории и практики [архивного дела] профессор И.Л. Маяковский. Он когда это услышал, вскочил с места (он такой маститый был, и почтенный, в генеральском мундире с галунами), вот он вдруг закричал истошным бабьим голосом: "Люди, вяжите меня, я не знаю, что с собой сейчас сделаю, вяжите меня." Его еле успокоили. Он вступился, конечно, за Митяева.

Маяковский был своеобразной личностью, он ведь упоминается в мемуарах писателя Ю. Олеши, тот ведь учился в Одессе, когда тот преподавал в гимназии. "Он входил в синем форменном сюртуке, с золоченными пуговицами, такой профессор (ну он тогда не профессор был) Маяковский. Очень строг был, похож был на Бориса Годунова" Еще до революции он переехал из Одессы в Петроград, служил там, в Морском архиве, потом работал в архивных учреждениях в Ленинграде, во время Отечественной войны он был эвакуирован в Москву, его вывезли как ценный кадр. Он вообще-то гонимый был, потому что все время попадал в какие-то оппозиции, не в партийные, а в архивные, по всяким чепуховым поводам. А тут вдруг ему предложили стать консультантом в Историко-дипломатическом направлении Министерства Иностранных дел. А тогда все ходили в формах, у него форма была какого-то чуть ли не чрезвычайного посла, он в мидовской "генеральской" форме такой ходил. Он преподавал Историю зарубежных архивов. Довольно строгий въедливый был, педантичный, ему перед каждой лекцией староста курса подавал рапорт о присутствующих и отсутствующих. Он смотрел. А на экзаменах, если у кого-то был пропуск лекции, он считал, что этот человек безнадежно потерял бесценное знание, отстал. И он ему никогда "5" не ставил. Даже если у того болезнь какая-нибудь была. [Даже за один пропуск] ни в коем случае 5 не ставил. У него одна только книга есть "История архивного дела в СССР дореволюционного

периода". Я также слушал Ю.Ф. Кононова, спецкурс по истории Государственного Архива Министерства иностранных дел. Кононов написал диссертацию о нем, а потом спецкурс у нас читал. Он перемежал свои лекции чтением стихов, он почему-то любил Александра Блока, и поэтому более серьезные студенты от него сразу разбежались, но я его до конца слушал.

Александра Клименко. А еще какие Вы спецкурсы слушали?

Р.О. Такой был В.И. Вяликов преподаватель, я у него слушал спецкурс "Декабристы - участники Отечественной войны". Он диссертацию по этому поводу написал. Он довольно неинтересно читал.

Иногда посещал кружок С.О. Шмидта, ходил на Кружок Н.В. Устюгова, но нерегулярно. Устюгов довольно интересной личностью был, он в свое время закончил духовную Академию, а потом Университет, занялся историей, во время Отечественной войны он был фронтовым разведчиком. Ему даже на поле боя вручал орден командующий Третьей ударной армией К.Н. Галицкий, когда узнал, что Устюговым была успешно проведена инженерная разведка местности. Вот он его и наградил. Историко-архивный институт хотел отозвать его с фронта, но он сказал: "Если я буду нужен по делу, то я приеду, а если чтобы спасти меня от фронта, то я останусь там и довоюю до конца". И так он до конца был на фронте. А потом он преподавал до своей кончины в 1963 г. У него большой кружок был, много учеников. Он серьезный был исследователь, конечно, несколько самолюбивый такой,

Преподавателем я был где-то с середины 1960х до 1970 г. на кафедре Археологии. Я окончил институт по кафедре Источниковедения, и диссертацию писал на этой же кафедре. Но поскольку работы не было, меня взяли на кафедру Археологии.

В столовую я не заходил, иногда в буфет заходил, обедал, но нерегулярно.

Пили в столовой и в общежитии при институте.

А.К. А преподаватели Всемирной истории?

Р.О. У нас Себенцова и М.Т. Панченкова преподавали. Потом еще Киселева Историю Востока - бесконечно длинный курс, и по-моему совершенно ненужный для Историко-архивного института. Древность у нас читал профессор Никольский. К нему на лекции сбегались со всего курса, поскольку он читал живо и занимательно: с рассказами о всяких путешествиях, пикантностях и.т.д. Никольский был либерал. Он спрашивал на экзамене Историю Древнего мира по учебнику 5 класса. Большого он не требовал. Он говорил: "Я знаю, что вы все равно ничего не знаете. Хоть какое-то общее впечатление хотя бы на уровне 5 класса"

Наталья Николаевна Ростова. Я и говорю - мне Никольских казался популяризатором. Он пришел и сказал: "Будем изучать Историю Древнего мира. Девушек, конечно, интересуется, какие носили босоножки, какие прически, наряды были в Древнем мире" Ну мне не очень это понравилось. Когда был последний зачетный коллоквиум, он меня спросил: "К какой расе принадлежали египтяне?". Сейчас бы я ответила, что к белой и.т.д. А так я прочла вузовский учебник по истории древнего мира, этот толстый кирпич, не могла сразу сообразить, и очень радостно сказала: "Они рисовали себя коричневыми.", (как хорошо я выкрутилась!), а он сказал: "Я могу себя и фиолетовым нарисовать."

Р.О. Одно время он преподавал в нескольких ВУЗах и порою путался, куда

попал, в какой институт. Он раньше был специалистом по русскому Средневековью, по XVII в. А поскольку в то время было господство школы М.Н. Покровского, а он то ли не в курсе был, то ли не желал примыкать к адептам этой школы, но его изгнали, и он занялся древней историей. Ну веселый был очень человек, рассеянный, всегда терял галоши и прочее.

Р.О. В институте пьянствовали довольно многие. Но я все больше вне стен института. Там где сейчас "Детский мир", была большая пивная, весь квартал занимала. Она в подвале находилась, ее почему-то звали "Есенинский кабачок". Говорят, там раньше все было расписано его стихами - "Плюйся, ветер, охапками листьев,

Ты такой же, как я, хулиган". Там же на одной стороне этого здания был третьеразрядный ресторан "Иртыш". Вот туда же после стипендии ходили студенты пировать.

Кто вспоминается мне среди преподавателей дряхлый старичок Колесников Иван Филиппович. Он вел у нас спецкурс "Столбцы". Он еще до Революции много лет проработал в Архиве Министерства Юстиции и в Московском Археологическом институте.

Кружковая культура. Бывал я изредка на кружке у Н.В. Устюгова. Докладов интересных не запомнил, там в основном пересказывали монографии крупных ученых.

Про мое преподавание. Я преподавал археографию, Ну это предмет довольно-таки "средневековый" по преподаванию. Читал лекции, вел семинары, практические занятия у нас проходили. У меня уже был опыт издания исторических источников, потому что после окончания института я работал в ЦГАДА и там как раз археографией занимался, делал сборники документов. Поэтому для меня все это было хорошо знакомо, и все шло довольно легко. Все же, никаких спецкурсов я, по-моему, не читал. Вел дипломников. Ну мне казалось малоинтересным, поскольку, когда работал преподавателем, я уже защитил диссертацию, и мои интересы были в другой области. Заведовал у нас такой Селезнев Михаил Степанович. Он был специалистом по советскому периоду, руководству партией, профсоюзами - тоже предмет, довольно далекий от моих интересов. Ну и он сам был сложный, самолюбивый и упрямый человек. В то время на кафедре разворачивалась затянувшаяся интрига: преподавательницы ополчились на Селезнева, который, по их мнению, ущемлял их авторские права на учебное пособие по истории советской археографии. Селезнев пытался вовлечь меня в этом "противоборство" на своей стороне, но я уклонялся от того, как человек, непричастный к сути конфликта.

Из ректоров в МГИАИ наиболее интересным был Н.А. Никифоров, крупный ученый, занимался историей русской дипломатии XVIII в., написал книгу "Русско-английские отношения", потом "Ништадский мир". За первую книгу он получил Сталинскую премию. После него были другие ректора, из бывших партийных работников. Самый неприятный из них был С.И. Мурашов. Он партийный работник, а до этого работал в НКВД в 1930-1940е гг. начальником. Последующие годы он служил в партийных органах и преподавал Историю КПСС. Был ярким сталинистом, и, говорят, имел за это после XX съезда какие-то взыскания по партийной линии. Он пытался возродить дух сталинизма в Историко-архивном институте. К нему всякие прихлебатели

примкнули, типа Митяева и других. Еще была А.С. Рослова, дама тоже из ЦК. Она так женщина довольно добрая, но, по-моему, антисемитка была, потому что она всех лиц такого происхождения старалась при распределении разослать по провинциальным городам и преследовала всех. Оставили только тех, кто занимался общественной работой.

Вообще я вспоминаю время, проведенное в Историко-архивном, как благодатное: много читали, конечно, ничем не утруждали, никаких точных наук не было, поэтому все можно было прочитать как беллетристику. И все легко училось, особых усилий я не прилагал.

А.К. А как Вы пришли к своим теме диссертации?

Р.О. Когда я в ЦГАДА пришел работать, там масса источников по истории восстания Пугачева, до сих пор этой темой занимаюсь. А диплом я писал по истории восстания Болотникова, в основном по опубликованным источникам, вообще по началу XVII в. в ЦГАДА и других архивах хранится мало источников. Изучение истории Пугачевского восстания шло у меня параллельно с исследованием источников пушкинского труда в этой области, что и определило тему кандидатской диссертации. Помню Зимин вызывал меня для консультации на свою дачу, но все ограничилось игрой в шахматы. Когда он узнал, что я играю в шахматы, он обрадовался, что нашел себе партнера, и мы часами сражались. Однажды, помню, когда я приехал к нему на дачу, мы играли, и далеко уже за полночь было, и вдруг открывается дверь, и его разъяренная супруга говорит: "Саша, ты дай человеку поспать!" Она его с треском, чуть ли не подзатыльником прогнала в семейную спальню, а я где-то там на веранде спал. Потом вдруг минут через 30 открывается дверь, и снова входит Зимин и говорит: -Реджинальд Васильевич, Вы еще не спите?

-Нет

-А то я тут шашки нашел.

Мы еще долго играли в шашки, крепко заснувшая супруга Зимина не могла нас потревожить. Часто, когда мне попадались шахматные книги, я ему дарил, а он мне в ответ дарил всякие книги, и свои и других авторов. Помню он мне подарил первое Посмертное издание сочинений Пушкина, вышедшее в 1841 г., то, что издавал В.А. Жуковский, довольно ценное издание, редкостное сейчас. Он всегда опекал меня, помог устроиться в Институт истории, где я писал докторскую диссертацию уже по Манифестам и Указам Пугачева. Помню еще был такой Елистратов, ректор института. Он такой партийный бонза был. Но они конечно приходили все и вели преподавательскую работу по Истории партии. Правда, был перед Елистратовым ректор Д.С. Бабурин, который занимался наукой. У него книга по Мануфактур-коллегии была.

Еще был из преподавателей А.В. Чернов. Он преподавал Историю архивного дела в СССР, но сам он был специалист по XVII в., у него, по-моему, была работа по истории Разрядного приказа. Он был чудовищно худ, костляв, и его институтские шутники за глаза называли "скелет на ножках". О нем еще анекдот был: как-то на студенческом вечере его пригласила какая-то студентка танцевать, и Ерощкин язвительно сказал: "Ну все. Основной костяк нашего института бросился в пляску."

Еще помню, студенты какую-то пародию сочинили под названием "Архивоград", и там всякие названия улиц, переулков. Была площадь

Маяковского, тупик Митяева, застава Ерошкина, пустырь Вяликова.

Н.Р. А Н.В. Бржостовская она очень знающий человек была, но очень путаная. И вот когда она у нас принимала экзамен, она так запутывала, и никто не мог сообразить, что нужно ответить. Поэтому экзамены так долго шли - выходили, думали еще, потом высказывали совсем ошарашенные. У нас одна выскочила и говорит: "Господи, про какого-то канцлера спрашивает, а что это за канцлер-то? Фамилия такая..." . Она была очень путаная. А потом мою однокурсницу хотели взять на эту кафедру, она работала в главке в иностранном отделе, так что ее хотели по английским архивам, ну она пришла на собеседование, а Бржостовская поговорила с ней, поговорила и говорит: "Нет, мы Вас не возьмем, Вы уже скоро уйдете на пенсию" А моей однокурснице было 35 лет, она еще 20 лет могла бы проработать спокойно. Не знаю, почему уж так Бржостовская поступила, опасалась, может быть, найти в будущем в ее лице конкурентку, она какая-то путаная была. Она очень много знала, но как-то не умела вложить...

Очень хорошо, вообще великолепно, читал лекции Л.В. Черепнин, и очень хорошо, мне нравилось - Н.П. Ерошкин. У него все логично, четко, продуманно, причем он чувствовал, когда мы уставали писать, он что-нибудь такое шутивное скажет, и сразу обстановка разрядится и опять мы готовы. А Черепнин просто красиво и содержательно излагал свой предмет. Я его 1 год только слушала, он ушел потом в Университет.

Р.О. Он только что был из ссылки, и потом он участвовал в издании какого-то сборника, и попал в буржуазные... объективисты (низкопоклонничество перед Западом) и ушел.

Н.Р. Когда мы учились, только начиналось вот это буржуазное низкопоклонничество, и их бедненьких заставляли каяться, при нас, первокурсниках. А.И. Андреев не каялся и мне кажется, Черепнин не каялся, вот они просто ушли. Каялся М.Н. Черноморский, многие другие. Мне очень стыдно было, ну что я первокурсница, и перед нами они унижаются.

Р.О. Ему 2 раза пришлось каяться - в 1949 г. и потом в 1970-х годах. Когда на евреев гонения были, он кричал с кафедры: " У меня дед кузнец был."

Н.Р. Он меня как-то поддерживал, так я должна быть ему благодарна, он почему-то решил, что я очень хорошо учусь. Какие-то доклады я делала, он хвалил, вот так... Я с ним никак не была связана, просто...

Р.О. Вообще между нами говоря, он читал так себе, начетчик был.

Н.Р. Защищалась я у В.Н. Зеленецкой, это ужас. Она очень нервная особа была - иезуит. Я была слабой по характеру, много редела. А ей нравилось, что она меня до слез доводит. У меня была очень сильная однокурсница из другой группы, она меня хватала за шиворот и говорила: " Не реви. Ей доставляет удовольствие, когда ты реवेशь." И прогуливала меня. А когда я защищалась, все потом выскочили с такими глазами, потому что она в присутствии всех на меня ругалась.

-Наташа, мы не ожидали (а у меня диплом с отличием), что ты так великолепно защищаешься. По поведению Зеленецкой мы думали, что ты прямо ничего не понимаешь

Она издевалась по настоящему. Хотя потом (прошло уже лет десять) я как-то выступала оппонентом по одному диплому, а дипломница Зеленецкой тоже время защищалась, и у этой бедной студентки от несправедливых придираков

своей наставницы была истерика жуткая. Я могла ей только посочувствовать, Зеленецкая была очень тяжелым человеком (а вела она Историю СССР в первые годы Советской власти).

Р.О. Занудным скрипучим голосом читала

Н.Р. Причем, надо сказать, что очень сильная у нас группа было, очень. Но она выбрала меня в качестве жертвы, потому что я очень легко редела. Жалко конечно ее, она очень тяжело болела и умирала...

Р.О. Еще крупный ученый у нас был В.К. Яцунский. Великолепно читал, но временами страдал запоями, поэтому пропускал лекции по несколько дней.

Н.Р. Ну он был ученый настоящий, крупный, я его боялась. У меня четверка по его предмету, потому что я от страха говорила не то, что надо. Ну я боялась его, он очень толковый, очень такой глубоко копающий, знающий, и мне казалось, что я по сравнению с ним вообще не знаю, ляпала невесть что.

Р.О. Было много блестящих преподавателей, но много и средних, вроде, пожалуй, Г.А. Дреминой, И.И. Корневой.

Н.Р. Они просто были оторваны от практики, читали нам теорию, а мы были белым листом, открытым, и все, что они говорили, мы воспринимали как истину в последней инстанции. А когда поднабрились опыта, ведь были какие-то конференции, я слушала и думала: "Что же они говорят? Почему они не спросят практиков-то?". Я была на обсуждении объединенных фондов, потому что было мало документов и нужно было объединить там что-то. Они говорили, что не надо объединять райкомы комсомола города, потому что все перепутается, ничего не найти, а я сидела и думала, что главное - составить хороший справочный аппарат и все найдется. То, что говорили нам, когда мы учились, - это была теория, которую мы воспринимали с открытым ртом и ушами, принимали все как нечто бесспорное, непогрешимое. А потом, когда работали, много оказалось слишком оторванным от практики. Вот так преподавали. Хотя учиться было нетрудно, потому что хорошую память надо было иметь и все легко.

Когда нам преподавал Маяковский, он был стареньким, и плакал, считал, что мы его обижаем.

Р.О. Да, он обидчивый был. Не мог простить, что когда в 1910 г. был в Турции, и там была какая-то поездка, и должен был проехать султан Ахмед (они его должны были увидеть). У них же отобрали все бинокли и не возвратили, беззастенчиво присвоили себе, что он не мог простить туркам и нам с обидой это все рассказывал спустя уже 30 лет после событий.

Что касается Алексея Андреевича Новосельского, то его уважали все. Он был в Институте Истории замдиректора и одновременно преподавал в Историко-архивном. Сам он бывший архивист, работал он в стародавние времена, еще до Революции, в архиве Министерства Юстиции (ныне РГАДА), обрабатывал фонд Поместного приказа, и там позднее нашли в делах его дневник, того времени, когда он был молодой. И такой довольно откровенный дневник. Он покраснел, когда ему отдали, потому что знал, что там писал. Но все перед этим прочитали этот его дневник. Его все уважали, он вообще трудяга был. И до последних дней он ходил в архив заниматься.

Н.Р. Все подсмеивались над Птичкой (Бржостовская) и Лялей (Маяковский), не очень любили К.Г. Митяева и В.В. Максакова, потому что были они занудами. А у Максакова даже была кличка Водолей, потому что много говорил. А так

персонально: Реджинальд Васильевич очень уважает В.К. Никольского, а я к нему скептически была настроена очень бескомпромиссно. По молодости казалось, что он популяризатор, хотя спрашивал действительно на уровне 5 класса. Он в общем-то резонно считал, что нам Древняя История не понадобится.

Что касается языков, то кроме Древнерусского из древних ничего не преподавали, а современные - немецкий, французский. Вот французский Реджинальд Васильевич до сих пор жалеет, что не порасспросил в свое время преподавательницу французского языка Н.В. Митурич о ее муже, известном художнике Митуриче, и жившим у него близком друге, знаменитом поэте Велемире Хлебникове.

Р.О. Митурич его вывез в поместье жены (она была урожденная княжна Звенигородская). У них имение было в Новгородской области. Вот туда и вывезли Хлебникова туже тяжелобольным, там вскоре он умер на руках у Митурича.

Н.Р. Он хоронил его, и ушел от жены к сестре Хлебникова.

Р.О. Вспоминаю одно происшествие у меня на экзамене. Чернов принимал у нас Историю архивного дела, там масса всяких сведений, все путалось. У меня в билете был довольно трудный вопрос "Архивы АССР и областей в Среднеазиатских республиках." Я перечислял и говорю: "В Таджикистане есть архив Горно-Дубняцкой автономной области." Ну "Горный Дубняк" - напиток такой был, спиртосодержащий. И Чернов так заинтересованно на меня посмотрел, а потом поправил - Горно-Бадахшанской. Потом все долго со смехом вспоминали - "Горно-Дубняцкая автономная область".

Евгений Васильевич Старостин: Прежде всего хочу сказать, что поступал в институт не очень молодым человеком: я закончил уже Кавказское суворовское офицерское училище, получил лейтенантские звездочки и был направлен служить командиром взвода на Дальний Восток. Но служба у меня не пошла, не потому что я был плохим или хорошим комвзвода, а из-за великого желания продолжить учебу, к тому же мне очень не нравилась приверженность к Бахусу значительной части российского офицерства. К сожалению, на Дальнем Востоке многие младшие офицеры спивались. В тот период я много занимался спортом и комполка полковник Кривда, видя мое прохладное отношение к службе, не стал ломать меня через колено. Благодаря не очень умным реформам Хрущева (речь шла о массовых сокращениях в советской армии в 57-58 годах), мне удалось уволиться из армии без особых потерь, т.е. без "черного" билета, что тогда было важно. Когда возвратился в Москву, оставалось дней 10 до начала экзаменов, и я не знал точно, в какое высшее учебное заведение поступать. Документы я собирался подать сразу в три, или четыре учебных заведения: в Архитектурный институт, поскольку в молодости я занимался рисованием и рисовал неплохо; хотел я также поступить в Художественное училище 1905 года, думал и об истфаке МГУ и, конечно, об Историко-архивном институте. Я любил историю и полагал, что история сама по себе интересна и будет способствовать моему развитию. Определить мотив, который диктовал выбор будущей специальности не сложно - я искал лучшие условия для саморазвития, желал добрать то, что не смог получить в суворовском офицерском училище. Хотя лучшего спартанского образования для мальчишек, потерявших своих отцов на фронте, трудно и представить.

Я поступил в Историко-архивный институт. Учеба, конечно, у меня занимала все время. Я не пропускал занятий, ходил, как и большинство студентов, на все лекции. Как бывшего военного, меня сразу назначили старостой группы, и в силу этого я не только посещал занятия, но и должен был отмечать пропуски сачков, то есть студентов, которые по тем или иным причинам пропускали занятия. Преподаватели у нас были хорошие. Несмотря на революцию, пролетарское перевоспитание, они сохраняли лучшие черты российской интеллигенции. Это были остатки старой профессуры. Сейчас подобный тип вы не встретите в аудиториях. Древний мир читал профессор Сергей Львович Утченко. Ровно, без эмоциональных взлетов, он рукою мастера рисовал историю Древнего Рима, Древней Греции в лицах, и мы получали глубокие аналитические знания о тех далеких временах. Его сменила профессор Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн, не менее интересно читавшая средневековье. Отличный преподаватель. Мне казалось, что текст лекции она знает наизусть, и если бы я или кто-то другой смог записывать ее от начала до конца занятий, то будущие студенты получили бы полный, законченный учебник по средним векам, который не надо было бы редактировать.

Конечно, нас покорила молодой Сигурд Оттович Шмидт. Он настолько увлекательно освещал историю древней и средневековой Руси, что мы все и девочки в первую очередь (он был молодой и элегантный) были в восторге, и иногда устраивали ему овации. Потом, я пытался разгадать секреты ораторского мастерства Шмидта, но, увы, этот феномен так и остался его тайной. Нужно родиться Шмидтом.

Вы просите рассказать что-нибудь из интересных случаев на экзаменах, зачетах: были, конечно, занятные моменты. Читал у нас лекции по истории государственных учреждений хорошо поставленным голосом Николай Петрович Ерошкин. Однажды, рассказывая о военном ведомстве, он остановился и говорит: "Ну, кто из вас знает слово "infanterie". Абсолютная, зависшая в воздухе тишина, хотя у нас на курсе было пять-шесть французов. "Кто даст правильный перевод этого слова, тому поставлю на экзаменах отлично". Я привстал и говорю: "пехота, Николай Петрович". В офицерском училище мы изучали французскую военную лексику. - "Хорошо, напомните мне этот случай на экзамене". Совершенно естественно, что я ему не напомнил. И при сдаче чрезвычайно сложного и трудного экзамена, он заставлял зубрить, все эти отделы департаментов, министерств, Третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии и т.п., я получил четверку, одну из немногих моем в принципе приличном дипломе. Утешает только то, что этот педагог божьей милостыни к ребятам был более строг, чем к красивым девушкам. Николай Петрович оставил лучшие в России учебники по истории государственных учреждений. И на издании 1983 г. я с не уходящей болью перечитываю: "Евгению Васильевичу Старостину на добрую память, дружески Н.Ерошкин". Нам, друзьям, его очень не хватало в особенности тогда, когда к власти пришел Ю.Н. Афанасьев.

Были, конечно, случаи, веселящие нас, но были и грустные. Из веселых эпизодов расскажу, как наши будущие доктора исторических наук Анатолий Иванов и Володя Кабанов, (по учебнику последнего Вы учитесь) устроили катание на какой-то железной тележке по нашему внутреннему дворику. Тележка жутко грохотала, звуки и хохот, усиленные акустикой нашего итальянского дворика, вызвали интерес у преподавателей, читавших лекции второй парой, которые решили посмотреть, что же там происходит. Выглянула в окно и ректор института А.С. Рослова, и увидела как, как двое ее студентов, вместо того чтобы слушать лекции по марксистской философии, смеясь, катали друг друга на этой гремящей тележке. Надо отдать должное Рословой: наказание могло быть суровым, но она ограничилась замечаниями.

Происходили и грустные случаи. На одном из них я хотел бы остановиться. Мой друг и будущий наш очень крупный ученый Александр Лазаревич Станиславский, на учебной стажировке, проходившей в РГИА в Ленинграде, был замечен в туалете архива рядом с игравшими картежниками. Увидев вошедшего сотрудника архива, проферансисты мгновенно разбежались по кабинам, оставив Станиславского с колодой карт на подоконнике. Несмотря на защиту Шмидта, Зимина и других ученых, Станиславский был изгнан из института, и смог восстановиться на курсе только через год. Впоследствии он стал крупным исследователем по XVII в., защитил докторскую диссертацию, и последние 10-15 лет провел в Историко-архивном институте, заведующим кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

А.К.: - Кто у Вас вел архивные дисциплины?

Архивные дисциплины у нас вели ряд преподавателей, среди которых встречались крупные ученые и по-своему личности, сыгравшие заметную роль в развитии отечественного архивного дела. Я имею в виду В.В. Максакова, И.Л. Маяковского. К.Г.Митяева. Татьяна Инокентьевна (Хорхордина) опубликовала

недавно полезную книжку о неизвестном Маяковском. К.Г. Митяев - крупный ученый и теоретик в области документоведения, любил русских поэтов - символистов, акмеистов и прочих декадентов. Иногда на лекции он нам читал стихи малоизвестных поэтов. Любил Митяев проводить своеобразные литературные вечера, допускал возможность диспута на занятиях, и я помню, как рассказывал ему о преимуществах классификации профессора Лазурского. Были преподаватели интересные, профессионально образованные и хорошие знатоки своих дисциплин, но меньшего, так сказать, ранга. Нина Валерьяновна Бржостовская, между собою студенты звали ее "птичка" (я сменил ее по курсу всеобщей истории архивов), знала десятки языков. Вне сомнения, она на них не говорила, но читала научную литературу. Очень культурная и порядочная женщина, перед которой я всегда останусь в долгу. Были и преподаватели средние, уступавшие по интеллектуально-культурному и профессиональному уровню нашим звездам. Однако они не портили общей картины, разумеется, не все должны хватать звезды с небес. Присутствовали, естественно, борцы, за чистоту марксизма-ленинизма. Работал у нас доцент Осипов, он вел семинары по экономике. Я помню, как совершенно спонтанно на семинарском занятии у меня возник с ним "научный" спор. Идет семинар по политэкономии. Он спрашивает: "Студент Старостин, что Вы хотите сказать по обсуждаемому вопросу?" Я говорю: " С моей точки зрения, прибавочную стоимость может создавать не только живой труд, но и мертвый". После этого не марксистского положения воцарилась мертвая тишина. Он внимательно посмотрел и говорит: Нет, не может мертвый труд создавать прибавочную стоимость, поскольку... и пошла цитата из Капитала Маркса, трудов Энгельса.

- Я возражал, мотивируя аргументацией, услышанной накануне при защите на философском факультете в МГУ кандидатской диссертации как раз на эту тему.

- Чем больше я говорил, тем краснее становилось лицо преподавателя. Наконец, он не выдержал и закричал: Все хватит. Вон из класса! Идите читайте Маркса. К счастью, все осталось без последствий. Шел 1959 год и здесь важно отметить, что общественный климат в стране уже изменился, а вместе с ним менялись и люди.

Хотел бы вспомнить еще одну деталь из своей биографии. На следующий год после поступления в институт я выдержал экзамен и был принят на Высшие курсы иностранных языков, что находились на Дорогомиловской за Киевским вокзалом. Кстати, пятигодичные вечерние курсы давали неплохое знание языка и настоящий диплом с правом преподавания французского языка. Так что у меня три трудно совместимые профессии: стрелок-пулеметчик, переводчик и историк-архивист. Я не мог предположить, что эта инициатива вскоре круто изменит мою жизнь. В 60-х гг., когда освобождалась от колониальной зависимости Черная Африка и другие страны Азии и Латинской Америки, потребовался довольно большой отряд переводчиков для работы с советскими специалистами, отъезжавшими за рубеж. Так как мгимошники и студенты других языковых вузов, мечтавших о цивилизных странах, не хотели ехать в глушь, крупные ведомства собирали студентов, знающих более или менее иностранный язык. Пришли работодатели из Министерства геологии и в Историко-архивный институт, поговорили с преподавателем французского языка Р.А. Городецким, и

он указал на меня, как на возможного кандидата. Возвратившись через год после работы в Гвинею, я восстановился в институте. На партийном собрании, где по рекомендации Л.М. Зак я пытался оформить свое членство в партии, моя будущая судьба зависла на волоске. Один мой сокурсник, знакомство которого с Лубянской у меня не вызывало сомнения, говорит: " Не стоит торопиться с приемом студента Старостина в число кандидатов в члены КПСС, поскольку не известно, как он вел себя на работе в Африке, где женщины ходят голыми. Не натворил ли он что-нибудь плохого". Я сказал, что если бы я натворил что-то плохое, то обязательно еще до моего возвращения в Москву, это стало бы известно в институте. К моей радости меня поддержали большинство преподавателей и особенно физкультурники, возглавляемые М.А. Ильинским. Светлая ему память. Эта маленькая история вошла в протоколы партийного собрания 1964 г. и мне во время моего директорства (1992-1996) один аспирант муравьевской тогда кафедры показывал выписки из этих партийных документов. Оставим это на совести времени.

Студенческая жизнь была ключом. У нас были многочисленные спортивные соревнования, капустники, я принимал участие и там, и там. Проводились французские вечера, на которых мы читали стихи французских поэтов. Вечера, как правило, заканчивались танцами в нашем большом актовом зале, где мы отодвигали кресла и стулья.

Столовая находилась там, где сейчас располагается ресторан "Кружка". Как все студенческие столовые она пользовалась дотацией, и в ней за 30-40 копеек можно было вполне прилично покушать.

А.К. А что там было из еды?

Е.В. Старостин. Стандарт. Закуска - овощной салатик, на первое - борщ с мясом, да нет не тюремный, на второе - картошка или какой-нибудь другой гарнир с мясом или котлетами, в дополнении омлет, сырники и просто каши, на третье - сладкий компот. Типичная для студенческо-школьной аудитории еда, которая позволяла нормально дожить до вечера. До вечера, потому что после этой столовой, мы, как правило, шли заниматься в Историчку. В ней мы получали знания и удовольствие не только от чтения трудов великих предшественников, но и от общения друг с другом. У нас были перекуры, на которых мы обсуждали различные новости в научной, да и не только в научной жизни. Это было местом встреч молодых людей, симпатизирующих друг другу. Приятно также, что в залах библиотеки можно было встретить великих историков: Б.А. Рыбакова, Б. Поршнева, А.З. Манфреда и др. На одной из встреч со студентами последний не раз повторял: "история, молодые люди, бездонна". Историчка работала до 23 часов и, как правило, из нее мы уходили последними. Москва оставалась безопасной, и для девушек в том числе, поэтому возвращались домой нередко поздно.

Я продолжал заниматься активно спортом, притом спортом профессиональным. Играл, в ручной мяч в одной из команд мастеров, вначале за областной Медицинский институт, куда, кстати, меня уговаривал перейти учиться сам ректор в 1958/59 гг., а потом выступал какое-то время за московский Спартак. Это команда мастеров, и мы заняли в 1963\64 гг. по Союзу вполне приличное, четвертое или пятое место.

Научная деятельность - это конечно кружок Шмидта. Шмидт как-то

встретил меня в коридоре, и говорит, что пора быть поближе к науке и пригласил меня на кружок. На одном из первых заседаний выступал гениальный юноша Сережа Каштанов, и я, волнуясь, не четко формулируя мысли, возражал ему по каким то философским вопросам. В тот период я увлекся анархистским видением истории П.А. Кропоткиным и по мере возможности пропагандировал взгляды этого великого человеколюбца.

Ректором тогда была А.С. Рослова, внешним видом напоминавшая директора средней московской школы. Ей удалось найти золотую середину в отношениях и с преподавателями, и со студентами. Во всяком случае, она не гоняла студентов за какие-то вольнолюбивые взгляды и прочие выверты. Уже при ней появляются ростки того оппозиционного движения, которое вскоре выйдет на большую арену. В институте двумя курсами ранее учился Петр Якир, сын крупного советского военачальника И.Э Якира, расстрелянного в 1937 г. Петр Якир, полагаю, многие знают его, тогда имел, не совсем обычные взгляды на прошлое и настоящее страны. Был ли он наживкой и находился ли он под колпаком спецслужб? - не знаю, думаю, что да. Насколько я помню, Рослова предоставила ему возможность закончить институт. Приятельские отношения у меня сложились с другим "диссидентом" Леней Петровским, сыном другого выдающегося партийного работника. Гинзбурга и Голанскова - я не знал. Кто-то из них учился на вечернем отделении МГАИА. Именно эти студенты впоследствии заявили себя видными оппозиционерами и диссидентами.

А.К. Вот к предыдущему вопросу: как вообще обстояло дело с партийной стороной жизни и как повлияло это на студентов?

Е.В. Старостин. Партийная жизнь текла своим чередом. Студентом я не был партийным, и по совету старых товарищей подал заявление только в конце учебы. Думать, что мною руководили карьерные соображения, было бы не верно. Хотя все мы знали, что не члену партии в гуманитарной сфере путь закрыт. Идеи социализма и коммунизма с их призывом к общему счастью, равенству и братству, хотя и содержавшие изрядную долю утопизма, мне казались привлекательными, в то время как их реализация не переставала удивлять. Маразм какой-то. Роль партии в жизни института была значительной, но какого-то тяжелого давления, которое наверно ощущалось в предшествующий период, не было. С 1956 началась "хрущевская оттепель", и я не помню диких случаев, когда студента могли выгнать за немарксистскую мысль, высказанную на занятиях. Нет, господствовал определенный дух бытового вольнолюбия, не либерализма в современном понимании этого слова, но допустимости других мнений, если они не затрагивали жизненно важных вопросов партийной политики. Мы анализировали различные общественные концепции, и нам разрешалось высказывать какие-то неординарные мысли. Когда, если я не ошибаюсь в 1961 г., Иосифа Виссарионовича "попросили" из Мавзолея, то вся Москва, или почти вся Москва, вышла на Красную площадь. Совершенно естественно, я был среди студентов, и мы с Мишей Макаровым, выпускником МГИИАИ 1961 г., автором теоретической статьи по источниковедению, были на Красной площади и видели, как снимали часть панно с надписью "Сталин". Происходило сие действие ночью, и, полагаю, что присутствовавшие на площади чувствовали - начинается новая эпоха. Особой горести ни у кого не было, наоборот, мне показалось, что это событие было встречено с радостью и

надеждой на лучшее.

А.К. А вот Сигурд Оттович у вас вел источниковедение?

Е.В. Старостин. Да, Сигурд Оттович у нас вел источниковедение, не только Сигурд Оттович. Общий курс по источниковедению читал Мерзон - очень хороший ученый-систематик. Тихим голосом, аккуратно, логично, немножко нудно, как по - печатному рассказывал об основных положениях отечественного источниковедения. Шмидт вел у нас на 4 курсе историографию источниковедения и члены этого семинара стали впоследствии довольно крупными в своих областях специалистами. Шмидт, говоря о своих учениках, всегда вспоминает этот семинар. В качестве дипломной работы я выбрал Кропоткина. Тема - "П.А.Кропоткин, как историк..." меня привлекла, и я попросил Шмидта быть моим научным руководителем, а оппонентом Ф. А. Коган-Бернштейн. Я писал эту дипломную работу на основании архивных источников, не очень оглядываясь на марксизм-ленинизм. Конечно, там, где надо было покритиковать Петра Алексеевича, я критиковал, хотя внутренне я симпатизировал его взглядам. Этот социальный пророк, по выражению Горького, правильно указал на возможные будущие беды России. И мне была особенно приятна натура Кропоткина, его широкая душа, безграничная любовь к простому человеку, прекрасное знание иностранных языков. Князь-рюрикович свободно владел всеми основными европейскими языками. Этой исторической фигуре была посвящена моя и кандидатская диссертация.

А.К. Возвращаясь к прежнему вопросу - как Вам первые лекции по истории России и семинары по Вспомогательным историческим дисциплинам?

Е.В. Старостин. Первая лекция по истории России была в 42 аудитории, читал ее Шмидт. Она была вступительной. Мы были в восторге. Он читал без бумаги, иногда ходил по проходу между столами. Свободное изложение довольно сложного материала, и не только с точки зрения первокурсников, конечно же привлекало студентов. По ходу лекции он изящно цитировал наших поэтов - Пушкина: "Архивны юноши толпою / На Таню чопорно глядят..." и т.д., других поэтов, которые так или иначе отзывались об архивах. Все были довольны, хотя имелись студенты, которые искали большей глубины и методичности в изложении. Шмидт рисовал историческое полотно широкими мазками и это было полезно для первокурсников, выбравших историко-архивоведение своей будущей специальностью.

А.К. А затем кто вел лекции?

Е.В. Старостин. Затем Шмидта по русской истории сменил И.П.Кудрявцев. Это был другой лектор, неплохой методист. Ходил с палочкой, и нам он казался тогда пожилым. Его ораторское искусство было не на столь высоком уровне, но материал он излагал достаточно логично и, в принципе, интересно. Это был неплохой преподаватель. А потом советский период у нас читала Людмила Марковна Зак. Фактического материала в ее лекциях у нее было маловато, зато его отсутствие она компенсировала эмоциями. Она сама чуть ли не плакала, рассказывая о первых отрядах целинников, которые осваивали дикие земли Восточной Сибири и Казахстана.. Впоследствии я подружился с Зак, переехавшей жить из центра Москвы в далекое Беляево. Она увлекалась французским языком, историей Франции, писала книги о летчиках полка "Нормандия-Неман". Именно Людмила Марковна дала мне рекомендацию в

партию. Недавно она умерла, забытая своими многочисленными учениками, и я был очень расстроен, что не смог уделить ей должного внимания и проститься. Из других преподавателей, которых, хотелось бы помянуть добрым словом, можно вспомнить В.Е. Иллерицкого. Он читал довольно серьезный в меру политизированный курс по историографии, обработанный до мельчайших деталей.

В институте были, конечно, случаи, напрямую связанные с идеологией, но в основном, они касались борьбы различных преподавательских групп. Одна из таких подковерных операций в кругу преподавателей закончилась увольнением А.С. Рословой после публикации пасквильной статьи, по-моему, в "Правде" или в "Известиях", не помню точно, названной "Семь ученых и один плагиатор", и Рослова Анна Сергеевна вынуждена была уйти из института. Обычно я не обращал на эти разборки внимания; у меня были свои планы, свои студенческие привязанности, студенческая любовь, спорт, друзья-суворовцы, которые отнимали много времени. Главное - было хорошо учиться, в том числе и для того, чтобы получать повышенную стипендию. В конце учебы я стал председателем научно-студенческого общества, и стремился по мере сил сплотить тех, кто занимался наукой.

А.К. А вот в это время еще была так называемая борьба историков и архивистов? Или этот период уже закончился?

Е.В. Старостин. Борьба историков и архивистов не прекращалась никогда. Она то затухала, то возгоралась. То есть, перетягивание каната в сторону преобладания архивоведческих или, наоборот, в сторону исторических дисциплин, наблюдалось постоянно. В мое время преподаватели не втягивали в обсуждение этих вопросов студентов. Конечно, архивные сюжеты не представляли такого интереса, как история, это я говорю как профессор кафедры истории и организации архивного дела. Наверно потому что читали не совсем блестящие преподаватели, хотя сказать что-то плохое, язык не поворачивается. Особых загрузочных дисциплин у нас не велось, даже преподавание марксистско-ленинской философии или экономики не вызывало какого-то отторжения, потому что философию у нас читал Белых, прекрасный преподаватель, а марксистскую экономику - Мельцер - слушать которого было одно удовольствие. Все зависит, конечно, от преподавателя. Можно самый интересный предмет сделать самым скучным и, наоборот, самый скучный привлекательным для студентов. Встречались преподаватели на кафедрах марксизма-ленинизма и Истории КПСС, сохранившие в своем сознании идеологический груз 30-х годов, выражавшийся и в формах поведения и в лексике. Помню, что первый год я ходил в военной форме лейтенанта и немного выделялся среди гражданско одетых сокурсников. Подходит ко мне М.С. Белоусова - а она у нас вела семинары по истории партии - и говорит: "Евгений Старостин, вот если бы сейчас вернуться в революционные годы, то Вы были бы эсером". Тогда я пропустил эту фразу мимо ушей, во-первых, потому, что не очень понимал, кто такие эсеры, поскольку шел только первый или второй месяц учебы, а во-вторых, уже не было страшно. В жизни послевоенного молодого поколения не было ночных допросов, лагерей, стенок. Сейчас, однако, я удивляюсь партийному чутью Марьи Сергеевны: действительно, если бы повторилась революционная ситуация я, скорее всего, влился бы в партию

социалистов - революционеров. Были преподаватели, которые сохраняли ругательную лексику по отношению к "врагам народа" и прочим оппортунистам. Шилова, преподавательница кафедры истории КПСС на лекциях, не стеснялась, костила их всех. "Троцкий, Каменев, Зиновьев - это грязные, жалкие трусы". Мы дружно хохотали над этой двусмысленной фразой с ударением на последней букве. В отличие от вас, мы сдавали экзамены и всегда волновались, потому что сдача экзаменов тогда и сдача экзаменов сейчас - это совсем разные вещи. Тогда чтобы сдать экзамены нужно, по крайней мере, ходить на лекции - раз, их записывать - два, заниматься, читать книги по дисциплине - три, и очень интенсивно готовиться к сдаче экзаменов, по крайней мере, за 5-6 дней до их начала. Необходимо было получать отличные оценки, чтобы заработать повышенную стипендию, а небольшая добавка предоставляла больше возможностей для занятий. Не было нужды искать время для подработки. Деньги имели значение, потому что все были бедны, располагая, однако прожиточным минимумом. Позорные сцены, которые я наблюдал недавно в нашей студенческой столовой, когда девушка заказывает на обед кашу со стаканом чая, я не встречал в наше время.

А какой у Вас был метод подготовки к сдаче - Вы первым ходили или наоборот ждали до конца?

Е.В. Старостин. Обычно, я был в первой пятерке, я не любил ходить первым, и никогда не ходил последним. Где-то 2-3 человека проходило, и я шел отвечать. Во-первых, было немножко больше времени, чтоб подготовиться, маленькая тактическая хитрость, хотя это большого значения не имело. Я не могу сказать, что я был прекрасным студентом, получение красного диплома у меня просто сорвалось, потому что я не был допущен к сдаче выпускного экзамена по марксизму-ленинизму, из-за отсутствия отзыва Шмидта на диплом. Пришлось по требованию секретаря приемной комиссии срочно ехать к Шмидту домой. Комиссия, ждавшая только меня, попросила отвечать не готовясь. Я рассказывал о работе XIV съезда партии и еще что-то такое об отношении советской власти к крестьянству. Член комиссии Угаров говорит: " Ну ладно, мы ставим Вам четверку, надеемся, Вам большой разницы нет. Абсолютно нет. Потом, правда, он узнал, что эта четверка определила качество диплома. Я не очень горевал, поскольку это не имело большого значения. Я и сейчас считаю, что это не главное, а главное - это внутренняя уверенность в том, что ты выбрал правильную дорогу.

А.К. И все-таки про семинары по Вспомогательным дисциплинам, это же очень важно

Е.В. Старостин. Семинар по вспомогательным историческим дисциплинам. Да, мы разбирали, читали древние грамоты, документы,

А.К. Кто вел?

Е.В. Старостин. Вели разные преподаватели. По советской истории вел Е.А. Луцкий. Прекрасный педагог. По дореволюционной истории, по-моему, Каменцева и Медушевская. Да, Ольга Михайловна, тогда красивая, очень симпатичная, молодая, элегантная, немножко с претензией женщина, на нее засматривались преподаватели, да и некоторые студенты тоже. Учебный процесс шел в рамках утвержденной программы, пропитанной марксизмом-ленинизмом.

Когда сейчас я слышу, что это кафедра проповедовала чуть - ли не концепцию источниковедения Лаппо-Данилевского с его неокантианством, то меня это изумляет. Этого не могло быть, по той простой причине, что советская школа действовала в рамках марксизма, и никто бы не осмелился тогда вытаскивать на свет божий Лаппо-Данилевского, внедрять его представления в студенческие головы, хотя у нас были доклады о концепции Лаппо-Данилевского, как правило, в критическом духе. Конечно, историки, работавшие на этой кафедре, может быть, где-то в глубине души симпатизировали его теории, я имею в виду Андреева и его учеников. Но эта традиция прервалась; 70 лет не могли не оказать влияние на новые поколения преподавателей.

А.К. А Л.В. Черепнин у Вас не преподавал?

Е.В. Старостин. Черепнин у нас не преподавал, но я много раз слышал его выступления в институте по самым различным поводам. У нас преподавал А.А. Зимин, но я не пошел на его семинар, а пошел на Шмидта, хотя слушал и Зимины и Черепнина. Черепнин великолепный ученый, "голова", как говорили студенты в мое время. Ему действительно студенты-пятидесятники устраивали овации, это был по-настоящему крупный ученый. Преподавал в 50-е гг. В.Т. Пашуто, но он уже ушел ко времени моего поступления в институт. Все они очень крупные ученые, сейчас историков их уровня я не встречаю в коридорах на Никольской.

А.К. А Вы сталкивались с Устюговым, Бахрушиным?

Е.В. Старостин. Устюгов читал у нас спецкурсы, но я его не слушал, он преподавал студентам, которые занимались XVI в., нет, скорее - XVII в. Устюгов и по внешнему виду и по внутренней сущности - ученый, притом был очень большим спорщиком. Я не увлекался феодализмом, меня интересовал XIX в., народничество и поэтому своего первого консультанта по диссертации профессора М.Г. Седова я нашел в МГУ, на истфаке, у которого я консультировался, когда в этом была необходимость. В плане написания диссертации у меня были довольно большие контакты с рядом ученых за пределами Историко-архивного института, и я имею в виду Анатолия Васильевича Адо, и Виктора Моисеевича Далина. Именно они мне помогали в изучении историографии Великой Французской революции расставить правильные акценты, и они опубликовали первые мои работы. Адо, кстати, написал огромную рецензию на мою дипломную работу, рецензию где-то в пределах 8 - 9 страниц, на которых изложил свое видение истории крестьянства в годы Великой Французской революции и места в ней трудов П.А. Кропоткина. Наблюдения А.В. Адо для меня были бесценны. Тогда еще существовала какая-то интеллектуальная и профессиональная связь между студентами и старшими товарищами, преподавателями. Легко можно было познакомиться с учеными, которые выступали в наших аудиториях, и в свою очередь мы могли присутствовать в Институте Всеобщей истории и в Институте Российской истории на тех научных заседаниях, которые были для нас интересны. Когда приезжал, крупный специалист, допустим, Б. Поршневу, И. Андронников читать лекции по социальной психологии или рассказывать о Ю.М. Лермонтове, аудитории были полны. При посещении Москвы известным французским историком Ж. Собулем, мне не составило труда вступить с ним в прения по поводу достоинств и недостатков книги Кропоткина "Великая Французская революция". Манера отношений преподаватель-студент была более

действенной. Преподаватели не отгораживались китайской стеной. Мы могли покушать у Шмидта, когда были голодны. Звонили и говорили: "Сигурд Оттович, мы к Вам приедем чаю попить", он никогда не отказывал: "приезжайте". Мы, 5-6 человек его учеников шли к нему на Арбат. Или другой случай, когда мой товарищ и спортсмен Володя Волков звонил Коган-Бернштейн и говорил: "Меня жена выгнала из дома, можно я заночую у Вас?" Приезжайте, Володя, у меня для Вас найдется раскладушка. Но с женой надо жить мирно". И он ночевал неделю у Фаины Абрамовны. Это то, чего нет сейчас, да не может быть, потому что жизнь изменилась. Причины лежат в изменениях отношений между преподавателями и студентами, в понижении социального статуса преподавателей - тогда преподаватели были уважаемые люди, во всяком случае, они располагали какими-то финансовыми возможностями, чтобы принять студента. Они сохраняли традиции старой университетской дореволюционной школы. Эта традиция русской науки позволяла иногда проводить занятия дома у преподавателя, за чаем. Она прослеживается наверное - через Герье, Кареева, Виппера, Петрушевского и многих других. Из переписки Платонова, Любавского, Готье видно, что они нередко проводили занятия у себя дома, не только потому, что были стары и не могли приехать в университет, но потому, что дорожили той невидимой внутренней связью, которая возникает в этой неформальной обстановке между Учеником и Учителем. Сейчас этого нет и, насколько я понимаю, эта потеря обеднели обоим. Вы меня понимаете? Здесь надо быть очень тонким психологом, чтобы распутать клубок причин, которые вызвали эту потерю. Это, конечно, нанесло определенный ущерб развитию отечественной науки. Эта традиция умерла совсем недавно вместе с последними могиками: Зимин уходит в начале 80-х, вслед за ним Пашуто. У Зимина вообще, его ученики составляли семью. Он их возил на дачу, дома принимал, чаем поил, благославлял на браки. Жене Маматовой, симпатичной смешливой девушке, в будущем преподавателю древнерусского языка в институте, он шуточно говорил: "выходи, дура, за Сережку (Каштанова) замуж, женой академика будешь". Теперь все это ушло.

А.К. А вот когда Вы учились, в этом университете [в смысле институте] были комнаты, где кто-то жил или уже нет?

Е.В. Старостин. Когда я учился, под Теремком и слева от него располагалось студенческое общежитие: две-три большие комнаты по 6-7 человек. Ниже размещались спортивная кафедра, и еще этажом ниже - спортивный зал.

А.К. Это тоже Теремок или?

Е.В. Старостин. Да, Теремок, имеющий замечу три этажа. Если Вы смотрите на него прямо, то дверь в общежитие располагалась в левом углу, где размещалась спорткафедра, а под ней спортзал. Наверху жили студенты, и мы иногда после лекций приходили к ним, могли и выпить и просто поболтать. Нам рассказывали, и показывали комнаты, где жили преподаватели, чуть ли не в этом архивном коридоре, где мы с Вами находимся. [Кафедра истории и организации архивного дела, Кафедра архивоведения и археографии] Хотя впоследствии институт получил студенческие общежития: на Стромьнке и Андроновке, и ребята туда переехали. Студенческая жизнь кипела. Это ощущение родства и какой-то близости сейчас не ощущается. Вы, конечно, более разобщены.

А.К. Да, а как у вас с группой были отношения? Быстро сложились?

Совместные поездки, там "на картошку"...

Е.В. Старостин. Да, моментально образовалась группа приятелей, в которую я вошел, несмотря на то, что я был старше многих года на четыре.

А.К. Ну это не так много

Е.В. Старостин. Как не много? В молодости это очень много. Я смотрел свысока на этих, ну не будем говорить грубо, совсем желтых юнцов. Позади меня была уже долгая дорога. Первый год прошел, на второй год появились контакты с ребятами, которые занимались наукой: с Виктором Муравьевым, Виталием Бляхером, Иосифом Беленьким, Геннадием Королевым, Валерием Ведерниковым, Валерием Мирошниковым - то есть с людьми, которые входили в кружок Шмидта, и которые часто просиживали в библиотеках. Выезжали мы за пределами Москвы, на пленэр. За два года посетили со Шмидтом монастыри Великого Новгорода. Вместе с нами ездил академик Янин, тогда еще молодой Валентин, не помню сейчас отчества, да Валентин Лаврентьевич Янин. В поезде мы подшучивали над ним: "ходят, ходят тут всякие, а потом дети рождаются". Посмотрели прекрасно сохранившиеся фрески монастырей Великого Новгорода, тогда еще малоизвестные. Не всегда у нас было достаточно денег, во всяком случае, я помню, как у Виктора Александровича не оказалось денег на обед, и мы ради шутки взяли огромную кастрюлю и 20 человек туда положили свои часы и попросили отнести Муравьеву в комнату, чтобы он мог покушать, продав любые часы. Посещали автобусами (в основном по линии кружка) Суздаль, Владимир, а затем Дмитров. Отправлялись каждое лето на раскопки в разные места: на Каму, там сейчас все затоплено в связи со строительством известной плотины. Потом я ездил на раскопки в качестве художника в Молдавию, некоторые копали в Крыму. Объявления, приглашавшие принять участие в студенческих археологических отрядах, висели в коридоре института. И мы с удовольствием месяц или полтора проводили на раскопках, подрабатывая какие-то деньги. Если подводить итоги, то эти студенческие дни и годы можно вспомнить как о светлом времени. Случались моменты сложные, но хорошего - было гораздо больше. Что говорить - молодость!

А.К. Вот там[в вопроснике] еще вопросы. Про кафедру, про Вашу преподавательскую деятельность

Е.В. Старостин. После института я поступил работать. Сначала я хотел уехать из России, чтобы преподавать историю в какой-нибудь освободившейся от колониальной зависимости стране, поскольку, как и большинству из нас, мне нужно было решать квартирную проблему. В Министерстве высшего и среднего специального образования мне предложили сначала поработать референтом в управлении внешних сношений. На что я сразу согласился. Год я пребывал в ранге чиновника этого елутинского Министерства, за время которого стало ясно, что поездка за рубеж так и останется мечтой. Третьему миру нужны были строители, а не историки. Однажды проректор, который занимался подготовкой иностранных специалистов в Московском автодорожном институте Георгий Александрович Юдин, после беседы со мною предложил мне перейти к нему преподавателем. - Будете читать лекции на французском языке иностранным студентам. - А какую дисциплину? - Историю. Я пошел в Автодорожный институт и там, в течение восьми лет читал русскую историю выходцам из афро-азиатских стран: Мали, Гвинеи, Сенегала, Туниса, из Камбоджи, Лаоса и т.п. Это

довольно симпатичные люди, и я тоже с большим удовольствием вспоминаю нашу совместную работу в МАДИ. Одновременно я поступил в аспирантуру на кафедру Источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин к С.О. Шмидту. Я не могу сказать, что я защитился вовремя: поступил в 1966 г., закончил в 1970 г., защищался в мае 1972 г. Почти на год мою работу попрдержал не любивший Шмидта Михаил Степанович Селезнев. Особого значения это не имело, я защитился и сразу получил приглашение от ректора МГИАИ перейти на работу в институт.

А.К. От Мурашова?

Е.В. Старостин. Да, от Мурашова. На кафедру истории и организации архивного дела. Я удивился, потому что я знал о неприязненных отношениях Шмидта и Мурашова. Они - антиподы. Мурашов, поговорив со мной, и не знаю, по каким причинам, предложил перейти на место Бржостовской, которая незадолго до этого покинула институт. Я не могу сказать, что был в восторге, потому что я хотел специализироваться по кафедре истории дореволюционной России Иллерицкого. Им нужен был специалист по экономике средневековой России, и тогда он пригласил специалиста из ЦГАДА. Потом заведующий кафедрой жалел, что не взял Старостина. Впрочем, я не страдал от того, что попал на архивную кафедру. Работавший заведующим кафедрой В.И.Вяликов, ко мне отнесся прилично, и мы с ним проработали до его пенсии. И так, с января 1973 г. я оказался в кругу преподавателей МГИАИ. Мне пришлось читать лекции по сюжетам, о которых я имел самые, самые нетвердые знания. Иногда приходилось буквально в 6 часов утра дописывать лекцию, чтобы потом в 9 часов прочитать ее студентам дневникам. Как я выдержал эту бешеную нагрузку, я до сих пор понять не могу? - то есть по-настоящему я ее не выдержал. Конечно, я прочитал курс в 32 лекции более мощный, чем сейчас, включавший - Англию, Францию, Испанию, Италию, США, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Болгарию - страны соц. Содружества, плюс еще восточные страны, т.е. тогда объем читаемого материала был более значительным, чем в настоящее время, и сорвался на каком-то этапе. Во всяком случае, на пару лет у меня пропал сон. Вот так, просто пропал сон, и я с большим трудом восстанавливал потом трудоспособность. Мне друзья посоветовали плавать день и ночь, пообещав, что все пройдет. Что я и сделал. Я начал плавать в пруду Тропарева - вначале один, потом вместе с Аркадием Ивановичем Комисаренко, замечательным историком и спортсменом, с которым впоследствии мы подружились. И мы плавали до поздней осени, по-моему, где-то до числа 11 ноября. Во всяком случае, здоровье было подправлено, и я продолжил работу в институте.

А.К. А он тоже тогда преподавал

Е.В. Старостин. Он сменил Иллерицкого на посту заведующего кафедрой Истории России. Комиссаренко - титан, прекрасный специалист, очень хороший преподаватель, методист. Обладая нечеловеческой трудоспособностью и прекрасной памятью, умением построить в логичную концепцию рассматриваемый материал, он снискал большую любовь слушателей Академии Управления при Президенте Российской Федерации. Очень жаль, что Историко-архивный институт расстался с этим преподавателем. Кстати, он вел кружок по истории России. Вместе со шмидтовским этот кружок пользовался равной популярностью.

А.К. А интересные случаи уже за время преподавательской Вашей деятельности?

Е.В. Старостин. Масса интересных случаев.

А.К. Из наиболее запомнившихся, или наиболее ярких?

Е.В. Старостин. Допустим, наиболее яркий. Я читал на всех потоках, в том числе, и на вечернем и заочных отделениях. Студенты ходили нормально, и я не испытывал какого-то большого напряжения. Правда, среди заочников иногда были такие, которые в силу разных причин оказывались за пределами лекционного курса. И они приезжали просто сдать экзамены, получить свои троечки и т.д. Эти потоки были большие по 70-80 человек, а может быть даже и больше. Прихожу однажды принимать экзамены, стоит огромная толпа, которая мне показалась значительно больше, чем присутствовало в аудитории. - Может быть, Вы меня пропустите, - говорю я последним, да и что Вы сдаете? В ответ слышу. - Какому-то там иностранцу в голубом костюме импортные архивы.

Студент, к которому я обратился - на сдачу экзамена не пришел. Кому он сдавал экзамены - я до сих пор не знаю, и сдал ли он их вообще? Поэтому я читаю "импортные архивы" и сейчас, как всеобщую историю архивов. Были, конечно, случаи интересные. Один еврей, учившийся плохо, пришел сдавать экзамены по источниковедению советской истории профессору Моисей Наумовичу Черноморскому, как Вы понимаете тоже принадлежавшему к этой этнической группе, и свой ответ начал с рассказа о своем тяжелом детстве, о том, что он бедный еврейский мальчик голодал, холодал в молодости и что сейчас голодает. У Моисея Наумовича появляется одна слеза, которая падает на зачетку, потом вторая. А он все продолжает накручивать и накручивать, и вот он получает заветное 3 и покидает аудиторию победителем. Нечто подобное он проделывал с несколькими преподавателями.

Научным руководителем у меня был Шмидт. Несмотря на свою седую голову, я продолжаю его считать своим Учителем, об этом я заявлял публично.

А Ваши Ученики?

Е.В. Старостин. Мои Ученики? Шмидт имеет особый талант - притягивать к себе людей. Он просто родился для этого, и у него была, по-моему, самая большая школа учеников в системе высшего образования и академии наук, т.е. кружок Шмидта - это явление какого-то планетарного характера, во всяком случае, в рамках России. У меня отсутствуют подобные таланты. Конечно, имеются Ученики и их много, более, чем 25 защищенных кандидатов и докторов наук. Но мне почему-то всегда было стыдно говорить о том, что вот вы мой Ученик. Наверно, потому что наше поколение немного задержалось в развитии, поскольку нас постоянно держали на положении подрастающих молодых людей. Это типично для партийного аппарата, советской школы. Мне вспоминается случай, когда ректор Красавченко, встретив меня и Комисаренко в коридоре, хлопает нас по плечу и говорит: ну, что молодые люди. Николай Прокофьевич, какие молодые люди - под пятьдесят. Молодые, не как я под семьдесят. Мы принадлежали к поколению, не рвущемуся к власти, оно слишком долго задержалось на положении каких-то пасынков, что, в конечном счете, привело к определенному инфантилизму. Сейчас положение изменилось: сорокалетние стали управлять правительствами, министерствами, серьезными предприятиями и т.д. Тогда подобной практики не существовало. Надо было дорасти до совсем

седых волос, чтобы получить важный пост. Наши интересы лежали в других, не карьерных областях, я до сих пор горжусь, что я был чемпионом института по отдельным видам спорта.

А.К. А по каким?

Е.В. Старостин. Допустим, по прыжкам в длину. Я прыгал за 6 метров. Правда, вскоре мой рекорд был побит Толей Данилевичем, моим другом и секретарем нашего институтского комсомола, которого потом изгнали с этого поста за снохободное отношение к студентам-комсомольцам, увлекавшимся восточной эротикой. Я занимался также метанием копья, диска и даже толканием ядра. И рекорды Старостина не побиты до сих пор! Мне это приятно, потому что спортсмены с моими данными, с весом, где-то за 80 кг, и с моим ростом 180 см., вряд ли смогли достигнуть большего. Откровенно говоря, я всегда отказывался от каких-то должностей, если они не соответствовали моим внутренним потребностям. Однако меня почему-то всегда толкали на карьерные должности.

А.К. На какие должности?

Е.В. Старостин. На те должности, которые встречались на моем жизненном пути. В автодорожном институте меня, совсем еще молодого преподавателя назначают заведующим кафедрой общественных наук после инфаркта у бывшего заведующего А.Г. Долгополова. И ректор МАДИ Афанасьев предложил занять пост проректора по работе с иностранными студентами. Я все-таки ушел в Историко-архивный институт, где через какое-то время освобождается кафедра археологии. Говорят: - Старостин, поработайте -. Я говорю: -Я не хочу заведовать этой кафедрой, поскольку не занимался археологией; и хотя мне приходилось публиковать много исторических источников, я никогда не читал этот курс. - Ничего, ничего, на год... - И год я выполняю обязанности заведующего кафедрой археологией. Проходит какое-то время, ставится вопрос об освобождении по возрасту заведующего кафедрой ИОАД В.И. Вяликова. В принципе он мог бы еще поработать. В общем, это неважно и назначают заведующим кафедрой ИОАД. Я не желал работать заведующим кафедрой, но спорить с руководством не хотел. И по существу, начиная с 1981 г., больше чем кто бы то ни было в Историко-архивном институте, заведу кафедрой Истории и организации архивного дела. Начинается перестройка. Я выступил одним из инициаторов создания общества историков-архивистов, потому что был убежден, что рядом с ГАУ в стране необходимо иметь профессиональную антибюрократическую организацию архивистов. В это время Юрий Николаевич Афанасьев приступил к созданию университета, и освобождается место директора Историко-архивного института. И я не знаю, какая-то сила, которая оказалась сильнее меня, толкнула принять участие в кампании по выбору директора. Все, выставив свою кандидатуру - И я в составе 4 человек, принял участие в кампании по выбору директора Историко-архивного института. Моими соперниками были профессор А.Д. Степанский, декан А.Б. Безбородов, и профессор Илизаров Борис Семенович. И вот на общем собрании студентов, преподавателей и сотрудников, на котором присутствовало где-то с 130-150 человек, актов зал их не вмещал, мы выступали, доказывая правоту своих концепций, пути выхода института из кризиса, и проч. проч. И я мечтал, чтобы меня не выбрали. Но выбрали меня. И я стал директором Историко-архивного института

А.К. *удивленно* Вы были директором Историко-архивного института?

Е.В. Старостин. Да, конечно.

А.К. А как долго Вы были директором?

Е.В. Старостин. Я был директором Историко-архивного института 5 лет. Первый срок. И мечтал как можно быстрее уйти с этого поста, потому что не очень был рад той ситуации, которая сложилась и вокруг выборов, да и после. Афанасьев показывал, что он хотел бы видеть на посту директора Б.С.Илизарова, который был у него в фаворе и с которым он сходил по многим политическим вопросам. Басовская, реальный дирижер спектакля, видя настроение аудитории, в середине процесса голосования призвала сторонников Безбородова голосовать за Старостина. Тогда сработал механизм еще неразрушенной демократии 90-х гг. Я стал работать директором Историко-архивного института, и полагаю, что с небольшой группой преподавателей мы, по существу, спасли Историко-архивный институт. В 1991/92 гг на Никольской была жуткая картина. Афанасьев, получивший новое здание на Миусах, прекрасные учебные корпуса бывшей Партийной школы, приказал перевести туда основные кафедры. И все кафедры туда побежали открывать свои филиалы. Естественно в главное здание переехали и учебно-методические и технические службы. Их сотрудники вырубали телефоны, снимали розетки, увозили редкие компьютеры, пишущие машинки, холодильники... Мне приходилось в буквальном смысле слова снимать с машин все эти вещи. С Афанасьевым было довольно трудно работать, и это история слишком близкая, поэтому я лучше помолчу. Басовская Наталья Ивановна, Муравьев Виктор Александрович, Архипова Татьяна Григорьевна и др. все туда бросились. И здесь, по-моему, остались одна - две кафедры, кафедра Старостина и проф. Илизарова, возможно еще какая-то. В таком виде институт существовать не мог. Его нужно было восстанавливать. Нам нужно было вернуть Магидова, что и произошло. И Владимир Маркович, как никто другой способствовал возрождению факультета технотронных архивов. Кстати, название факультета принадлежит ему. Нам необходимо было вернуть обязательно делопроизводство.

А.К. И делопроизводство на Миусы?

Е.В. Старостин. Конечно, нам нужно было вернуть Кузнецову Татьяну Вячеславовну, и мы первые 3 года занимались воссозданием структуры Историко-архивного института, которая должна была бы включать хотя бы три факультета. Это удалось сделать, и мы, во всяком случае, могли чувствовать себя спокойно, жизнь потихонечку восстанавливалась.

А.К. Коррупция?

Е.В. Старостин. Что? Коррупция? Нет, я бы не сказал этого, просто Юрий Николаевич был заинтересован в создании крупного гуманитарного университета, где бы Историко-архивный институт занял подобающее последнее место. Конечно, я сейчас утрирую, не последнее, но в хвосте. А наша задача была сохранить Историко-архивный институт, не потерять его оригинальность, его нужность, его традиции, его преподавателей. Безбородов, который был моим заместителем, трудился рядом. И приходилось бороться по существу с людьми, которые не разделяли с тобой эти идеи. Неважно, во всяком случае, работа была нелегкая, и я попытался вести себя по-человечески, чтобы сохранить старые кадры.. Конечно, мне помогали многие, это совершенно

понятно, поскольку в руководстве отделов Университета работали в основном выпускники Историко-архивного института. Мы с ними быстрее находили язык, и они в какой-то степени помогали решать проблемы.. Помогали- С.О.Шмидт, О.М.Медушевская, В.Б. Киор, Н.И. Басовская и другие.

А.К. Она же не любит Историко-архивный?

Е.В. Старостин. Это сложный вопрос. У меня были разные периоды в отношении с Басовской. Она работала в системе идей и принципов, устанавливаемых Афанасьевым, но там где нужно, и где она чувствовала, что должна занять позитивную позицию, она ее занимала. У нее было и есть и стремление увеличить количество часов по своему предмету, каждый преподаватель, каждый заведующий кафедрой за это борется, это совершенно естественно, это поле для конкуренции. Она сделала много в институте, возродив интерес к Средневековью через свои Суды истории. Как бы они ни были политизированы, я все-таки хочу отметить, что они сыграли определенную роль в просвещении студентов. Участники одевались в костюмы Марии Антуанетты, Людовика XVI, или в костюмы революционеров, шли в актовый зал и спорили, спорили. Я помню, как на суде деятелей Великой французской революцией я защищал "бешеных". Накануне Наталья Ивановна позвонила мне и говорит: - Евгений Васильевич, Вы занимаетесь французской революцией. Выберите какого-нибудь деятеля, которого Вы бы хотели защитить. Я говорю: - хорошо, кто у Вас в списке? Она называет одного, второго, третьего, я говорю: - Я буду Жаком Ру, т.е. защищать Жака Ру. (Жак Ру - это один из представителей "бешеных"). Это левее, чем якобинцы. Жак Ру - крупный деятель французской революции, друг Марата и.т.д. И вот суд над Французской революцией идет по сценарию Басовской как событие резко критикующее Робеспьера развязанный якобинцами террор, и так до выхода Жака Ру, т.е.- Старостина. Я выхожу на трибуну и говорю: - Как вы смеете критиковать Робеспьера, Марата, представителей "бешеных". Вы и вы, сидящие справа и слева здесь. Посмотрите на ваши руки. Покажите ваши руки. - Ну, зал показал. Ни одного мозоля. - Вы аристократы, которые не вспахали ни один гектар земли, не взяли в жизни ни разу лопаты, не знаете, что такое крестьянский труд. Один студент показывает руку. Опустите ее, - говорю я, - Ваш мозоль от теннисной ракетки. В общем, я их разделал, как положено, нарушив сценарий Басовской. Ко мне подходит студент: - Евгений Васильевич, если бы Вы не были нашим преподавателем, мы бы Вам... , у Вас была бы... - Ничего страшного в этом нет, я готов. - Это не значит, что я защищаю левые общественные течения, но меня всегда возмущало и возмущает, когда люди, сами ничего не сделавшие, с каких то псевдо аристократических позиций начинают критиковать низы - Ну вы там - ничто, быдло, вот. Копайтесь и копошиться и не лезьте вверх. Вы понимаете, да?

А.К. Да, это возмутительно

Е.В. Старостин. Меня это всегда возмущало, потому что человека труда надо уважать. По крайней мере, надо понимать, почему он стал таким, и ценить его позицию.

Потом, когда прошло 5 лет, я был очень доволен, что расстался с этим постом. Афанасьев сохранил за мной кафедру, поблагодарил за работу, и я был предельно рад, потому что вырвался из ситуации человека, которому не давали нормально работать. Т.е. не давали сделать то, что я хотел сделать сам., лично,

навязывали определенную систему взглядов, которую я внутренне отвергал.

А.К. А как было с пьянством в Историко-архивном институте? Ну, вечеринки, какие-то...

Е.В. Старостин. Они были, как и в любом другом ВУЗе. Смотря, какие годы

А.К. Ну, годы Вашей учебы

Е.В. Старостин. Годы учебы. Допустим, проводилась какая-то встреча, которая завершалась танцульками. Совершенно естественно, ребята удалялись в какую-то комнату в общежитии и слегка принимали. Я не помню, чтобы были какие-то жуткие неприятные сцены. Т.е. это был какой-то допустимый уровень нетрезвоты, нормальный для того времени. У нас обязательно была дружина, дружинники, которые внимательно следили за поведением. И если человек перебрал, то извините, они его за белы ручки выпроваживали из института. Преподаватели тоже принимали, иногда немножко больше, чем нужно, но мы на это смотрели снисходительно. Подходит ко мне пожилой преподаватель архивоведения и говорит: - Я тебя не знаю. Ты откуда - Я говорю - Как же, Вы у меня читаете лекции по научно-справочному аппарату архивов, он: - хочешь, я тебе.. набью - Нет, давайте лучше я Вас провожу до дома. И обнявшись, я повез его куда то на северо- восток Москвы. Были тяжелые медицинские случаи. Все знали об этом, жалели этих людей, и они, как правило, вскоре умирали. Алкоголь, который они принимали, безусловно, несовместим с работой живой клетки. Какого-то тяжелого, хамского, бытового пьянства я не помню. Мы много раз ходили к Шмидту, часто на его круглом столе выставлялась бутылочка винца, одна на 10 человек. В армии, когда я приехал на Дальний Восток, офицеры пили по-черному. Там в буквальном смысле слова спивались, после каждого рабочего дня, приходили, расписывали "пульку". кстати, это стало одной из причин, почему я бежал из армии, просто можно было спиться. А здесь нет, этого не было, хотя эти радости жизни не были чужды преподавателям, принимали, ну так, в меру, не больше - не меньше, чем в других ВУЗах.

А.К. Подворотни. Тут же было очень красиво в Историко-архивном, много где можно было ходить...

Е.В. Старостин. Целый комплекс зданий принадлежал Историко-архивному институту

А.К. И около Китай-города

Е.В. Старостин. Да, около Китай-города была маленькая база, где мы читали лекции и вели занятия со студентами-заочниками, мы там потеряли, потом, насколько я знаю, на улице Забелина, у нас там были большие помещения и там тоже мы теряем. Историко-архивный институт был всегда красивым зданием, и Теремок, хотя и неухоженный, всегда привлекал внимание. Сейчас он даже выглядит лучше.

А.К. Но не было такой атмосферы: история, древность, неухоженное здание...

Е. В. Старостин. Была такая атмосфера, что вы заходите в исторический ВУЗ. Это бросается сразу в глаза, когда вы приходите молодым студентом: во-первых, вид преподавателей, они такие вот... вы сразу чувствуете, что идет человек, буквально набитый знаниями.

А.К. А все были в костюмах всегда?

Е.В. Старостин. Да, преподаватели всегда были в костюмах, это совершенно

очевидно, это потом появились преподаватели, которые начали одевать джинсы, рубашки в клеточку, но это скоро прошло. Эти помещения, эти здания создают историческую ауру, Не знаю, может я сейчас потерял остроту чувствования. Но молодая душа должна это чувствовать. Очень жаль, что мы расстались с половиной зданий Историко-архивного института. Потому что разбит комплекс. Это недопустимо по многим по причинам: во-первых, сама топография этого двора, этого помещения, созданы для обучения. Мы потеряли Теремок, где у нас были занятия, где находились кафедры. Это тоже огромная потеря для Историко-архивного института, восприятия его целостности.. Я думаю, что со временем мы вернем себе что-нибудь. Я не хочу говорить о том, кто виноват, но это положение должно быть исправлено. Какие тут Кружки! Это здание нужно сохранить для нас, для вас студентов и для будущих поколений.

А.К. И последний вопрос о краеведении. Я имею в виду экспедиции, возможно, археографические экспедиции в города, в села.

Е.В. Старостин. Вы понимаете, краеведение, когда я учился - находилось в зачаточном состоянии. Шмидт тогда не выступал с организацией краеведения. Оно было разбито, его уничтожили, по существу, в 1920-е годы. Оно почти прекратило свое существование, и Сигурд Оттович не носился тогда с идеями краеведческий экспедиций. Все пришло попозже, т.е. тогда, когда стало возможным возвратиться к этой теме и создать уже общероссийскую организацию краеведов, где Шмидт занял должность председателя. Очень приятно, что он нашел умного помощника в лице Козлова Владимира Фотиевича, настроенного в пользу развития краеведческих исследований. Приятно, что они создали кафедру, создали Центр москвоведения и краеведения и делают очень много для этого движения. К сожалению, я лично, я не принимаю участие в этом движении, поскольку нет времени, да и возраст не тот, хотя сама идея блестящая. Дай Бог написать историю своей семьи.

А.К. Вы сейчас этим занимаетесь?

Е.В. Старостин. Я ишу время для того, чтобы заняться этим вопросом. Потому что, если я не напишу, то ближайшее мое поколение не напишет. Какой - никакой, но я профессионал. Я знаю, где найти эти документы, у меня дед был очень образованный и известный московский детский врач, хочу описать его эпоху. В старости многие пишут свои воспоминания, это вполне нормальное явление.

А.К. Вот и мемуары.

Е.В. Старостин. Нет. Это торопливый разговор между лекциями.

Сергеева Алла Герцевна - вып. МГИАИ 1966 г., канд. ист. наук, зав.

Отраслевым центром научно-технической информации по документоведению и архивному делу.

Андросова Марина Ефимовна - вып. МГИАИ 1974 г., канд. ист. наук, доцент кафедры теории и методики архивоведения ИАИ РГГУ.

Алла Герцевна Сергеева. Я окончила институт в 1966 г. В те годы действовал такой эксперимент - мы все дети неудачных экспериментов, - что без двух лет стажа не брали десятиклассников, надо было два года отработать. В 1959 г. я поступала в МГУ, получила одну четверку, но меня не приняли, в 1960 г. я опять поступала в МГУ, две четверки получила, но меня опять не приняли, а в 1961 г. я приехала поступать из г.Кирова, отработав 2 года в областном архиве архивариусом, Мне очень понравилось работать в архиве, потому что я наводила справки разным людям, была молодая и получала от этого радость. В 1961 г. я сюда поступила. Ну, какие особенности студенческой жизни? Как у всех, в общежитиях. На Стромынке, конечно, начиная с 3 курса, потому что до 3 курса на Стромынке мест не было, а наши студенты жили либо в Теремке, либо на Андроньевке. А преподаватели у нас были разные. Кто же у нас был? Из живых... Я про мертвых скажу, кто уже умер, к сожалению... Значит Чернов, Галина Александровна Дремина, моя любимая учительница, Моисей Наумович Черноморский, ну что про них говорить-то...

Александра Клименко. Ну как, были интересные случаи, на зачетах, экзаменах... Какие-нибудь во время лекций, фразы может быть какие-нибудь запомнившиеся?

А.С. Я помню только когда я сдавала экзамен по Истории и организации архивного дела Галине Александровне Дреминой (там сейчас у нас завкафедры Е.В. Старостин), кто-то из моих друзей (да я хорошо помню Люду (фамилия нрзб), которая долгое время была директором краеведческого музея в Сухуми, доктор исторических наук, сейчас живет в Австралии), она крикнула: "А, быстрее, он (??) уже пришел", Галина Александровна быстренько ей поставила 5 баллов, а через 20 лет она меня спросила: " Скажите, Аллочка, это был он?" Я долго хохотала и сказала:

"Галина Александровна, там никого не было". А еще я очень хорошо умела падать в обморок. Я вам расскажу, будете хохотать. Вообще я не знаю, для чего я это все рассказываю, как Ларин (М.В. Ларин - директор ВНИИДАД) говорит, что я только по устной истории могу выступать. Значит, мы сдавали ГОСы. Вы знаете, что такое ГОСы? Такая телефонная книга. Николай Петрович Ерошкин у нас принимал, , классный был дядька, хорошо его знала и дружила с ним много лет. Сдавала я ему второй раз, это был единственный случай, когда я пересдавала экзамен, потому что он там двойки ставил направо и налево, а я взяла и ушла. А потом все-таки пришла (мне степуху-то не платили по материальному положению). А сдать надо было. А тогда еще до Сандомирской (?) была Галкина по учебной части, она меня загнала туда палкой (это на втором курсе было), там сидела такая девушка (я как сейчас помню - Лариса Иванова), она мне говорила - а упади в обморок. Я говорю: "Я все знаю". Ну, она меня уговорила и я (слово нрзб), и Николай Петрович схватил веер и начал вокруг меня так махать. А она говорит: "Николай Петрович, можно я пойду за валерианкой?". Он говорит:

"Идите Иванова", и она ушла. Я гляжу - а ее нет. Знаете, чем кончилось? Он сказал: "Я не могу Вам поставить 5, потому что второй раз приходят только на 4". Мы еще долго хохотали, всю жизнь до его самой смерти над этим случаем. Забыть было невозможно.

А.К. А какие-нибудь студенческие мероприятия?

А.С. О, да, конечно, я ездила на целину в 1964 г. Вот мы ехали одни девчонки, все те, кого Вы можете сейчас узнать, это Лариса Владимировна Самкина, она тут преподает (на кафедре Документоведения - А.К.), Светлана Владимировна Праслова, долгие годы работавшая в РГАЭ, Рудольф Мордвинов, он тоже "трется" все время в институте, ну вот я уже не помню, никого здесь нет, в ближайшем окружении. Но зато я запомнила, что на поезде, на котором мы ехали, [висел] такой транспарант, на нем было написано: "Целина женихов береги - это девушки МГИАИ". Еще ездила я в спортивный лагерь, в Одессу. Это был 1962 г. Значит, такая есть дама, Галина Ивановна Ведерникова, директор Музея истории реконструкции Москвы. Она тогда со своим женихом, Ведерниковым, (училась в одной группе с В.А. Муравьевым, Е.В. Старостиним - "звездный курс", долго работала в Музее революции) пошла на станцию, купила ведро слив на рубль, говорит: "Валера, есть будем только сливы", а он ей с верхней полки: "Пурген дешевле". Так, диссидентство. Вот про диссидентство я Вам могу сказать. У нас в институт учился П.И. Якир, сын Якира, он учился раньше меня, но мы его все знали. И к нему ходили Юлий Ким (вся эта "шашка-бражка"), а здесь у нас в Теремке, у Л.М. Рошала (кто там был завкафедрой я уже не помню). [до этого Петр Якир сидел в тюрьме, учился уже в возрасте 40 лет. А его дочь Ирина Якир была замужем за Юлием Кимом, училась в этом же институте, рано умерла. Ее биография: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/9/yakir.html>]. Самый расцвет диссидентства. Во-первых, был тут Миша Одноралов, его мама была замужем за Фальком вторым браком, а как раз эта выставка прошла [посвященная 30-летию МОСХа - А.К.]. И у Мишки Одноралова картины были в доме, он парням показывал эти картины, а парни такие были (может Вы их знаете, есть такой в Институте Востоковедения Евгений Михайлович Рожковский(?), потом вот Толя (Анатолий Макаров, кажется), Данилевич, который был в Известиях (Анатолий?), Марк Успенский, который тут вот у Л.М. Рошала в подсобных ходил в Теремке - короче говоря, они там значит все балдели от этого дела (ну мы там все от этого дела балдели), а был такой Греков (если Вам будут нужны картинки, я Вам дам одну фотографию), а был такой (фамилию не надо называть, наверное), стукнул он на всех в КГБ, а в партии "шум-бум" был). Я уже тогда кончала институт, мне было некогда, замуж выходила. Так что диссидентство у нас тут было очень развито.

Марина Ефимовна Андросова. А Гинзбург и Голонсков - это уже после?

А.С. Тогда их не было здесь. Вот когда я училась, был П.И. Якир(к нему ходил Ким постоянно), Марк Успенский... Может еще были, Марин, я же не всех знала!

М.А. А Целков - это уже после?

А.С. Целков здесь никогда не учился.

М.А. Ну в твоей команде-то?

А.С. В моей команде это когда мы уже новую квартиру купили, мы там жили. Я уже кончила институт, Целков это уже начало 1970-х гг.

Диплом я писала у Л.М. Рошала, диссертацию я защищала во ВНИИДАДе, А.К. А какая тема диплома, диссертации?

А.С. Диплом у меня был "Каталог фотодокументов по истории движения сторонников мира". Тогда такие были темы. Диссертация у меня была "Состояние и развитие научно-справочного аппарата, классификация научно-технической информации в государственных архивах НТД". Мы же тогда этим занимались.

Преподавать я никогда не преподавала. Столовая. Во-первых, столовка была всегда внизу, очень классенькая. В 1960-е гг. там давали хлеб бесплатный и капустный салат, если денег совсем не было, можно было за 3 к. купить чай и салат поест с хлебушком.

Пьянство. Ну, я никогда не пила. У нас всегда пили, но я-то не пила никогда. Личности

А.К. Ну имеется в виду, с кем вы были знакомы из знаменитых ученых...

А.С. Ну, во-первых, мы все прекрасно знаем Шмидта. Смотря кого Вы считаете личностью, у нас были такие классные личности...

М.А. В спецсеминаре у кого занималась, специализировалась у кого? Ну скажи, как ты на диплом попала.

А.С. Это такая история. Я хотела писать свой диплом по немому кино. Был такой кинорежиссер Протазанов. Но для того, чтобы писать курсовую и диплом по Протазанову, надо было пойти (я, конечно, училась как попало, хотя меня тут все преподаватели знают). Я хотела писать по Протазанову и у Г.А. Дреминой, конечно. Но меня не пустили в ЦГАЛИ.(я не буду объяснять почему, ну не пустили). Сказали, что ремонт. И тогда я поехала на практику в Красногорский архив. Там было очень интересно Вот это как раз мне запомнилось, потому что в это время Ромм снимал фильм "Обыкновенный фашизм". И туда никого не пускал в свой зал. Он гнал километры этой пленки. А мы с таким вьетнамским студентом Шао, который потом стал главным архивистом Южного Вьетнама, выбирались в этот зал и с утра до ночи это кино смотрели. Мне тогда некогда было учиться, я устраивала личную жизнь, влюблялась, в меня влюблялись, и в результате, когда пришло время писать диплом, мы с Рошалем договорились (он был руководителем практики), что я быстренько этот каталог и нарисую. Но оказалось значительно интереснее, чем я предполагала, Самое смешное в моем дипломе было, это касается моей личности, что когда я делала ссылки, я перепутала два издания Ленина, 4-е и 5-е. В одном месте было 4-е, в другом 5-е. Это была такая грубая ошибка, что меня вообще должны были выгнать из института с позором. Но поздно ночью мне позвонила (имя, фамилия - нрзб), мой оппонент, и сказала: "Алла, что ты наделала? Встань завтра пораньше, все это исправим." Она мне там много чего накидала, и мы с моим мужем 2 ночи резали и клеили. Но в результате диплом я защитила, естественно.

Значит, в кружки я никакие не ходила, ходила к Шмидту, так, послушать. Ничего мне не запомнилось - что там запоминать? Туда все ходили, они сейчас у вас тут все профессора - ну С.М. Каштанов, В.А. Муравьев, ныне покойный В.В. Кабанов, недавно погибший Паша [П.Н.] Зырянов, Они все туда ходили, делали всякие интересные доклады. Конечно, Муравьев занимался Павловым-Сильванским и мог говорить о нем сутками, И.Л. Беленький занимался Иконниковым, он вообще мог говорить годами, так что, конечно, это все было

интересно.

Организация работы института. В наше время была красота: у нас ректор был Н.А. Никифоров, начинали в 10, заканчивали в 14.00, целый день сидели в историчке и ничего не делали.

Дух времени.

А.К. Ну вот, отношения с группой

А.С. Прекрасные. Группа была периферийная, когда пришло время окончания института, распределять было некого - все остались в Москве. Жили в общежитии. Ну что, тогда было, конечно, намного интереснее, в том плане, что мы могли за рубль вон там вон в бараке сидеть целый день и кофе пить, чебуреки есть. Нормальная была группа, хорошая. Вот в прошлом году 40 лет было, как мы закончили институт.

Ректоры. Вначале была А.С. Рослова, потом она быстренько ушла из-за этого скандала с (имя, фамилии - нрзб) , и после нее стал [Н.А.] Никифоров. Никифоров - он был ректор прекрасный. И вообще, какая мне разница, какой ректор?

Атмосфера? Ну 1960-е гг., они и есть 1960-е гг.

Партийная организация меня не интересовала никогда. Никак она на меня не влияла, я ее просто не видела

А.К. А про расположение комнат, про кафедры? Где что находилось

А.С. Здесь (42-ая аудитория - А.К.) была аудитория всегда. Значит, в Теремке была общага внизу. А, еще знаете, как смешно было однажды. Мы когда поступали, парень еще с нами поступал, я не знаю откуда он, я уже забыла, я только помню, что у него была совершенно потрясающая полосатая пижама, а там, в Теремке, внизу на окнах были такие решетки, так он встал, держится (1961 г., представляешь? только "оттепель" началась), он за решетку вот так держится, а тут у нас иностранцев привели, и они тут во дворе Теремок рассматривали. Они как увидели этого парня - и бежать (?). Ну это был такой случай очень интересный, но это все было очень давно. А работаю я всю жизнь в архивной системе. Вначале я работала - был такой Центральный Государственный Архив Города Москвы. Как сейчас помню, 1 августа, 1966 г. я пришла на работу, как положено. Дернула дверь, она закрыта. Я звоню в звонок. Открывает мне дверь (тоже очень классный архивист, ныне, к сожалению, покойный, Руслан Николаевич Ефименко). И он так мне говорит: "Вы к нам?", я: "Да, я на работу!". Я вхожу и первой что я вижу - вот так через всю стену лозунг висит: "Вся жизнь борьба - до обеда с голодом, после обеда со сном". И работал там Сергей Петрович Стрекопытов (был недолгое время завкафедрой Истории государственных учреждений - А.К.), потом я работала в ЦГА НТД СССР, там таких ярких [впечатлений] не было.

А.К. Кто вел советские госучреждения?

А.С. Нелидов, у меня читал Нелидов. И был еще такой Куликов, почему-то у него была еще кликуха Партизан. А еще у нас был преподаватель по Истории Партии - совершенно потрясающий человек, двое их было: один был Иван Федорович Угаров, которому советская власть "помогла" не стать доктором наук, а второй был Михаил Афанасьевич Пережогин. Он был участник войны (не знаю, жив он сейчас или нет, если умер, то очень жаль), у него глаза одного не было. И второй участник войны у нас тут был Моисей Наумович Черноморский,

источниковедение [вел], статистические источники, у него не было ноги. Хотите анекдот?

Принимают экзамен Пережогин с Черноморским. И вот Пережогину говорит Черноморский:

-Миш, ты принимай экзамен, а я пойду пообедаю, а ты тут сиди, смотри в оба

-Ну а ты давай быстро, одна нога здесь, другая там

А.К. А историографию?

А.С. Историографию читал Иллерицкий

А.К. А что Вы о нем можете сказать?

А.С. Ничего. Про Иллерицкого ничего не могу сказать, кроме того, что он был руководитель диссертации Муравьева, а потом Наташки Башериной (?) он был руководитель. но она не успела у него защититься, он умер. А кто может что сказать про Иллерицкого? Достаточно закрытый был человек, правда? А вот "госы" советские преподавал Нелидов. Он потом во ВНИИДАДе работал, но я уже не помню этого. Философию преподавал совершенно потрясающий человек по [имени] Аркадий Иннокентьевич Верден, который сразу понял, что отличить истмат от диамата я не могу и ко мне не цеплялся. А еще была Клавдия Ивановна Рудельсон, Марины Ефимовны мама, совершенно потрясающая женщина, в которую мы все были влюблены. Она, во-первых, была красивая, умная, первый доктор наук по архивоведению, мною вообще глубоко любимая. Она совершала поступки, о которых можно говорить, за которые никогда не бывает стыдно, а всегда бывает гордо. Совершенно потрясающая женщина, Клавдия Ивановна Рудельсон. И еще у нас была совершенно потрясающая женщина Нина Валериановна Бржостовская. Птичка! Она когда у моей подружки (имя нрзб) Птичьинной экзамен принимала, взяла зачетку и говорит: "Надо же, а Вы тоже Птичка". А еще помню Е.В.Чистякову, Фаину Абрамовну Коган-Бернштейн. Фаина Абрамовна была женщиной совершенно потрясающей. Она всегда нам говорила: "Когда вы будете в Париже...", а мы сидели, смотрели на нее и думали: "Во дает. Когда это мы в Париже будем?". Фаина Абрамовна преподавала у нас и Историю Древнего мира, и Историю Средних веков. Потому что до этого перед ней историю Древнего мира какой-то другой читал профессор (С.Л. Утченко - А.К.). А еще был такой прекрасный преподаватель, Иван Афанасьевич (на самом деле Архипович - А.К.) Кудрявцев. Все они были очень сильно поцоканы войной, наши преподаватели, потому что они прошли еще подмосковное ополчение, и вот Боря Богатов, который работал в (слово нрзб) всегда мне говорил: "Я не просто на 20 лет тебя старше, я еще старше тебя на целую войну". Они все здесь учились после войны, целое поколение их было: Кастрикин (?), Пережогин, Николай Чертократов, Богатов. Пришли с фронта молодые, офицеры, в погонах, экзамены сдавали вот в этой аудитории.

М.А. А В.Б. Киор у тебя не преподавал? У меня преподавал

А.С. Киор у меня не преподавал. Ты еще спроси, Е.В. Старостин у меня не преподавал... Историю партии преподавали Пережогин, Угаров, такие были люди... Они Историю Партии преподавали... ну наверное жизнь такая была. Совершенно потрясающие. Однажды Пережогин нам сказал: "Когда мы учились в институте, мы совершенно точно знали, что обойти Кремль вокруг - это 45 минут." На следующей лекции никого не было: все пошли проверять достоверность слов.

Марина Ефимовна Андросова. Поступление было связано с тем, что это семейное. Мало того, что мама здесь преподавала, так еще дача от Историко-архивного института, и почти все детство прошло вокруг людей, которые... тот же Пережогин у нас на даче был, Чистякова, Бржостовская. Про них рассказать ничего не могу, тогда я маленькая была, они взрослые, это какие-то личные впечатления, я, конечно, видела некоторых из них, и вот даже Наталья Константиновна у нас жила, Митурич, она давным-давно преподавала немецкий, так у нее фамилия Митурич по мужу, художник такой был - Митурич. А у художника Митурича была сестра - т.е. у поэта Велимира Хлебникова была сестра, которая увела у Надежды Константиновны мужа Митурича. Вот эти люди моими соседями были. А она вообще княгиня, Наталья Константиновна по происхождению, тоже преподавала, отчего у нее и была дача на станции "Детская". Так что вопрос, куда поступать был решен сам собой как-то, это династия. К тому же для девочек это был хороший институт, поскольку действительно он не сильно нагружает, он в центре Москвы, приличное такое общество (сейчас оно может другое, тогда оно действительно было приличное, поскольку люди тянулись к интеллигенции какой-то, вместе с тем не были такими зарвавшимися, поэтому тут была демократия всегда). Но, с другой стороны, вот как резко прочерчивается грань Никифорова, и уже я поступала в первый год Мурашова, в 1969 г., как раз прошел разгром Историко-архивного в связи с делом Гинзбурга и Голонского, всех повыгоняли, это был первый набор, когда он решил набрать рабоче-крестьянскую молодежь, интеллигенция вся по-минимуму, а в основном это были люди: либо ребята после армии (это всегда приветствовалось в любом советском ВУЗе), либо периферия, причем, как ни странно, интеллигентные (?). Это был первый набор довольно примитивный. Как приняли - сразу послали "на картошку". И я помню комментарий моих однопалатников (из Твери приехали), там просто был неправильный русский язык. Вот он старался выправить эту интеллигентскую диссидентину, набором очень простых и достаточно заорганизованных людей.

Особенность студенческой жизни. Студенческая жизнь всегда в любое время веселая и хорошая. Просто лучшее время жизни - это школа, на втором месте - ВУЗ. Ну в школе все-таки более беззаботно. Стипендию мне тоже не платили первые два года из-за материального положения, а с 3 курса стали платить - за учебу.

Алла Герцевна Сергеева. А мне и за учебу не платили, но когда я вышла замуж, я стала такая "нищая" и мне заплатили стипендию за последний год, потому что я была женой студента - такого же "нищего".

М.А. Так вот 42 рубля - это нормальная стипендия.

А.С. 22 у нас была

М.А. А у нас вначале [стипендия] была 28, а потом вдруг стала 42. Посидеть в кафе "Московское" с мороженым и бутылкой вина - рубль пятьдесят максимум. И поэтому мы, как правило, встречались ко второму часу первой пары и шли либо в "Московское", либо в "Космос". Довольно часто так бывало. Потом очень часто мы ездили к Саше Казанцеву масленицу отмечать, потому что у него был дом в Царицыно, там сейчас уже все снесено, а тогда у него бабушка в Царицыно жила, и это был почти загород. Очень любили в кино ходить - все это в учебное время. И самое замечательное мое воспоминание - такой вот солнечный

мартовский день, мы со Славкой Гончаровым идем из кинотеатра "Мир" в кинотеатр ""Ударник" (мы в "Мире" посмотрели уже кино и идем в "Ударник" пешком прогуляться), а навстречу Милка Голубкова с Ленкой Евсюковой, они из "Ударника" в "Мир", и все это как-то до сих пор помню, потому что мы по 2 фильма в день смотрели, и еще пешком гуляли. В "Ударнике", точно, помню шла "Старая дева" с Анни Жирардо. Т.е. жизнь была достаточно активная.

А.К. А мероприятия вроде там танцев, капустников?

М.А. Я целину хорошо помню, стройотряды хорошо помню, а вот такое проведение времени... Был ансамбль "Вятичи", но я в нем не участвовала, у меня как-то была своя компания, а заниматься, я занималась плаванием, была приличной пловчихой, и как-то вместо Кружков я ходила плавать в бассейн "Москва", у нас было 3 раза в неделю, мы тренировались. Вот значит эта сфера спортивная. И мне вполне хватало группы, очень интересные, очень разные люди были. Вот я не знаю, как у вас было, но я помню Слава Гончаров приносил стихи Марины Цветаевой, переписанные от руки.

А.С. Мы не будем про это, ты же знаешь, весь мир читал диссидентскую литературу.

М.А. Ну это потом было, а на 1-2 курсе поточная лекция по истории КПСС, а он, значит, приносит эту Марину Цветаеву, а мы так потихоньку читаем. Конечно, стремились к знаниям, это очень такая "манкая" вещь, когда запрещают что-то, молодежь читает, когда все можно, она ничего не читает и не смотрит.

А.С. А Абрамов у вас не был по Истории Партии?

М.А. Был,

А.С. Вот я вспомнила,

М.А. Он, по-моему, был военный какой-то.

А.С. Я не помню насчет военного, ;[помню] он вон там стоит, а мы тут с Лизкой (фамилия нрзб) на последнем ряду сидим, и вот кофточку она вяжет, распускает. А он значит оттуда, с кафедры, говорит:- До меня дошли слухи, что некоторые девушки вяжут.

- Да мы уже распускаем!

М.А. Безобразие какое. КПСС у меня преподавал-таки В.Б. Киор, семинары вел, а читал Абрамов. И Киор у меня вступительные принимал.

Теперь значит по поводу [стройотрядов]. Действительно 2 раза были стройотряды, тогда всех московских студентов бросали убирать помидоры в Астрахани или рис сажать. Чем примечательны именно мои поездки, что в первую поездку 1970 г. в СССР была зарегистрирована эпидемия холеры. И мы, попав в этот стройотряд, попали в эту самую холеру. Очень хорошо помню, как прилетел вертолет из центрального штаба строительных отрядов, и из него вышли два абсолютно пьяных человека, видимо, комиссары центрального штаба - они облетали все отряды, садились (нас всех высаживали за столами на этой открытой кухне) и начинали говорить, что "в области выявлено острое кишечное заболевание, протекающее очень тяжело", и начинали перечислять симптомы. А в то время в Историко-архивном учили девочек медицине, и каждая из нас имеет не только диплом медсестры, но еще и воинское звание, потому что страна готовилась к войне. И когда они зачитывали в пьяном виде все признаки, я что-то сидела-глядела и спросила: "Это холера, что ли?". (я же 5 получила по медицине). Она страшно испугались и сказали: "Нет, холеру не высевали".

Видно, чтобы не создавать панику, в СССР не сказали, что у них холера, но когда народ стал вымирать, конечно, молодежь надо окружить. Но мы люди грамотные были, и мы знали, что этот вирус (тогда это был вирус эльтор) погибает в кислой среде. А кислая среда в организме возникает после приема ликеро-водочных изделий. В самой Астрахани запасы спиртного вышли в 2-3 недели, а подвоз тяжелый, все перекрыто. У нас и так выпивали в стройотряде, а что началось после этого: медицинский спирт у врача весь выпили, одеколон пили, все в лечебных целях. Потом, к чести Советского правительства и советской власти, нас всех, 9000 московских студентов, которые работали в Астраханской области, в конце смены погрузили на пароходы, и все 10 дней обсервации плыли Астрахань-Москва по Волге, это был такой пелетон, туристов не было, все было перекрыто, а мы таким длинным пелетоном плыли. И студенты с одной стороны проходили обсервацию, а с другой стороны - круиз по Волге был. Естественно все это было бесплатно, и к нам каждое утро подходили катера: на первом были врачи, а на втором - "Пиво-водка", девать-то некуда, туристов нет. А в стройотряде сухой закон. Так вот, первый раз завезли, стояла в буфет очередь, а сзади меня Вова Докторов, а он у нас был командир в стройотряде. Думаю: "Что теперь делать, Вова увидит, что я покупаю водку или портвейн", и я решила правильно, [спросила]:

-Вов, что лучше, водки или портвейна взять

-Наверно лучше водки, чистый продукт

Я решила: "Ну, все, разрешил". Значит, это был первый случай 1970 г. Мы, когда вернулись, все загорелые, все в этой форме студенческой, и у кого сзади написано (ну, у меня было "Астрахань-70" написано, самое невинное), у кого "Холера-70" на всю спину, у кого Eltor по-английски. На нас смотрели как на героев. Для Советского Союза такое ч/п... (сейчас каждый день такое встречается, а тогда страна была заорганизованная сильно). А тут - загорелая, нахальная молодежь, которая вырвалась оттуда, и в общем с нас чаевых не брали, когда мы ходили отмечать по всяким "Метелицам" (это все были молодежные кафе, не как сейчас там казино). Это был первый год. Потом мы поехали в Астрахань в 1972 г. - и опять холера. В то время уже сделали прививки,

Так, что тут еще? Случаи на экзаменах зачетах? У меня единственный, пожалуй, с тем же Мурашовым связанный был случай. Была у нас какая-то информатика (на ФНТИ), я ее сдавала, и получила бы 3, но я сказала: "Не ставьте мне ее, я пойду пересдавать", и мне ее не поставили. И мы уехали с Голубковой в Крым отдыхать, в Бурзум, в сентябре (Филиппов нам все разрешил). Я пересдала ее на 5, Филиппов у меня тогда был декан, потом пришли к Филиппову (он нам разрешил в сентябре взять отпуск, потому что мы были в стройотряде). Потом закончился год, выдают диплом, а там у меня тройка стоит. И я пошла к Мурашову, говорю: "Почему 3, ведь я на 5 пересдала с разрешения декана (документы есть)?" А было запрещено тройки пересдавать, двойки можно, а тройку пересдавать нельзя. Я пошла к Мурашову, потому что ничего это уже не изменит, я уже защитила диплом, и он говорит, что вот учиться надо было сразу хорошо, вот вы получили тройку, так с ней и уходите, а я вообще экстерном заканчивал институт. Поскольку мне ничего не грозило, я подошла к двери, сказала:

"Чувствуется", и закрыла дверь. Вот это я до сих пор помню, потому что все

равно сделать ничего нельзя было, ну я и сказала, что экстерном - это видно сразу. Просто когда он пришел, началось выживание порядочных людей, которые были в институте. Клавдия Ивановна ушла (ему не понравилась ее фамилия), к тому же она была слишком независима, она была завкафедрой, она была профессор и первый в мире действительно доктор наук [по архивоведческому дисциплинам]. Дело в том, что его даже в ЦК вызывали, потому что на Мурашова много писали, и было разбирательство в ЦК, его вызывали и то, что ушла мама, как раз поставили ему в вину. Потом и ее вызвали и предложили стать директором ВНИИДАД с одним пожеланием: чтобы она свою девичью фамилию, если уж не взяла, то хотя бы перед фамилией Рудельсон (а это фамилия отца) писала вначале Булычева-Рудельсон. А Клавдия Ивановна сказала, что уже все-таки лет 30 носит эту фамилию и не считает нужным. Люди прошедшие войну и имеющие чувство собственного достоинства, на такие вещи не покупаются.

Конечно, сохранилось что-то, ведь тот же Филиппов разрешил и в отпуск уехать, и пересдавать, а для Мурашова надо было показать, какой он важный, поэтому атмосфера все же сильно изменилась. Вот я помню, тот же Женька Лукичев, со мной вместе учился, хороший человек, был у нас секретарем комсомольской организации, и он на общем собрании что-то такое хорошее предлагал и сказал такую фразу: "Ну, мы же не очень сильно заняты по основной работе, можем что-то и другое сделать", так потом на госэкзамене (тоже через 3-4 года) Мурашов ему 3 по Истории КПСС поставил, потому что он помнил, как 3 года назад Женька Лукичев сказал, что мы не больно сильно заняты по учебе. Такая вот мелкая мстительность, и это когда начинается сверху, то оно постепенно... Кстати, я училась с Еленой Николаевной Евсеевой, из тех, кто работает сейчас в институте.

Про дисциплины. Я поступила на ФГД, когда я поступила на ФГД, тогда объявили, что набирается [новая специальность].

А "госы" у меня преподавала Т.П. Коржихина (советский период, тогда досоветского не было, программа так была построена), а Т.Г. Архипова, она тогда только начинала и вела у нас семинары. А у нас был народ - "оторви и брось", либо рабочий класс, либо такие вроде меня и Славы Гончарова, и, конечно, мы ее тоже воспитывали, но как раз первую курсовую работу я писала у нее, "Комиссариат иностранных дел" по Генуэзской конференции. И это был как раз мой первый выход в историчку. Как-то мы ее называли, не Птичка, а еще как-то. Она молодая была, красивая! По-моему мы ее все-таки Птичкой звали, у нас Бржостовская уже не преподавала.

А.С. А Вы знаете, что когда я поступила в Историко-архивный институт, мой папа сказал друзьям: "Моя дочь поступила в институт. Гуманитарный - напротив ГУМа"

М.А. А на самом деле, когда мама приехала из деревни, папа ее (дедушка) работал в Москве, и у него была комната в коммуналке вот напротив - прям вот желтый дом, вот там вот где 3 ступеньки магазин (???), вот в этом доме наверху она жила. Она пошла в Историко-архивный только потому, что это было напротив. Я говорю: - Мам, а если б Медицинский был?

-В Медицинский бы пошла

Так вот получилось.

А.С. 90 % моих знакомых, не считая детей преподавателей и детей старых артиллеристов, поступили в институт в Историко-архивный потому что проходили мимо. Значит, не поступил в МГУ - пошел [сюда]

М.А. Диссидентство. Понятно, когда я поступила, диссидентство громили.

Диплом писала у Кузина Александра Авраамовича, название не помню, но это было связано с изменением документооборота в научно-производственных объединениях. Тогда создавались НПО промышленности, я даже в Ленинград в командировку ездила от института.

А диссертация "Научная организация документов в государственных архивах СССР". Чтобы не писать "классификация и учет", написали "научная организация".

Столовая была, работала хорошо, стоил обед копеек 30, наверно, весь.

А потом у меня был такой сокурсник Осокин, который все время ходил есть пирожки.

Компот был очень вкусный.

А.С. Что касается кружков, то были археографические кружки у Доры Михайловны Эпштейн и у Людмилы Марковны Зак. Какая была женщина, на колени перед ней встать. Уж, какую школу вырастила, какие ученики (например - Тамара Юсуповна Красовицкая). Все, которые занимаются археографией (например - Водопьянова) - это ее школа.

М.А. Организация работы института. Вроде все нормально работало. Вот то, что сейчас - разрывы в расписании, глупостей этих не было. Как правило, с утра учились, мотаться в разные помещения не надо было. При мне проводился ремонт зданий на Забелина, вот мы там, на субботах, работали. Туда должен был переехать ФГД. А так все были в этом здании, спортом занимались: ездили на "Динамо" на лыжи, тут был спортивный зал, сейчас уже давно нет. И Милка Голубкова не сдав зачет вот здесь по кремлевской стене, сдавала зачет по лыжам бежала. Бубенчик (???) Ильинский умер, преподавал Кочановский.

А.С. А у нас преподавала женщина, она была мастером спорта по травяному хоккею

М.А. Бассейн был, была секция, и все это, конечно, тоже было бесплатно. Мы много времени проводили в историчке, где было общение не только с нашим, но и с другими гуманитарными ВУЗами.

А.С. До театра всегда ходили в историчку, допоздна не засиживались. Много ходили в театры (через день).

М.А. Дело в том, что не было такой криминализации страны, и можно было ходить и днем и ночью, студенчество засиделось, могли пойти, погулять, до утра дожидаться. Не было опасности нападения, и в этом отношении совсем другая молодость проходит, когда все свободно и легко.

А.С. Мы ходили от "Синей птицы" (ул. Чехова) до Стромьинки пешком, по дороге покупали в магазине молоко по 15 к. бутылка и по 30 к. ведро продавали

М.А. [Про пьянство] Славка Гончаров, курсе на 5... Вот кого мы дрессировали, даже не Архипову, она была симпатичной, а тогда только пришла дочка Резника Юлия Иосифовна Новосельская. А тогда уже на 5 курсе, "волки" были, а она нам техническую библиографию читала. Она бедная читает, а Славка приволок магнитофон и самодельного домашнего вина (у него мама из винограда делала вино). Наливает под столом и магнитофон завел. Говорю:

"Выключи, все же человек преподает, неудобно". Она нас выгнала. Мы встали под дверь, завели магнитофон и стали все время заглядывать. С тех пор мне конечно перед ней было стыдно, а потом думаю, [что] мы были первый поток, который ей попался, Но это не пьянство, так, легкое домашнее вино, всем по чуть-чуть. Были люди, которые здесь выпивали в подвалах, мы предпочитали более культурное [времяпрепровождение] на блинах, или на квартире. Вот на Стромьинке, где я была пару-тройку раз на каких-то праздниках, действительно сильно пили. Наркомании не было, мы даже не знали, что это, может кто-то и знал, но я этого не знала. Хотя был у меня случай, что как-то, раз я лежу все-таки после выпивки какой-то, потому что голова у меня болит, папочка мне дает сидальгину (это тогда было очень дефицитное лекарство) [говорит]: - Марин я тебя об одном прошу, ты гадость этой не ешь

- Какую?

-Наркотики

- Да ты что!

Т.е. видимо эти вещи ходили, я в жизни никогда не пробовала. Хотя я знаю, что Наташка Безносова, тоже моя однокурсница, она покуривала что-то где-то (более богемная женщина была, папа - председатель Совмина республики Коми, у нее квартира где-то на Калининском проспекте), но это уже после института с ней было. Так что выпивали, конечно, но случай, чтобы кого-то забрали в вырезатель я не помню, в моей группе, по крайней мере.

А.С. Был такой курс не помню на каком. Парень из Коми, фамилия у него была Кайнайчонок (??), очень хорошо помню. Вот он напился и вокруг памятника Пушкина стал ходить. Милиционер подошел и сказал, что в другую сторону надо ходить. Он сказал - хорошо, и стал ходить в другую.

М.А. А партийной организацией в процессе моего обучения секретарем (?) стала Морозова. При Мурашове все было очень жестко, и ее лицо напоминало гестаповское.

А.С. А в мое время председателем профкома была Дремина, а секретарем парторганизации - Александра Николаевна Тимофеева.

М.А. Нет, я помню Морозову. И помню, что поскольку у меня по [Истории] КПСС была тоже пересдача (уже опытная [сказала], чтобы поставили сразу 2, и пошла пересдавать) а мне говорят - больше 4 нельзя, потому что с 2. И перед тем, как я закончила институт, мне пришло предложение из Болгарии, и мне должен был партком давать разрешение. А поскольку у меня была 2 по этому предмету, а потом 4, Морозова была против того, чтобы я поехала в Болгарию. Я как раз не получила характеристику для поездки в Болгарию. А потом Киор вышел и говорит: "Что тебе эта Болгария, поезжай в Ереван, там интереснее.". В Болгарии я поехала через год, уже работая во ВНИИДАДе, там с меня не спрашивали. Вот тебе, пожалуйста, роль партийной организации в маразме. Маразма было много. Хотя и еда дешевая, и свобода, и преступности нет, но в Болгарию не поедешь, ежели что не так сказал.

А.К. А как Вы экзамены сдавали? В 1-ой пятерке или наоборот?

М.А. Для меня главное было вымыться накануне, чтобы голова была чистая. Вымыться, прийти аккуратной, чистой, говорить хорошо. Мы сдавали обычно всей группой, потому что потом шли отмечать, поэтому как сговоримся человек 5-7...

По идее я считаю, что первым ходить не надо, но и последнем тоже. Первых запускают, они 40 минут готовятся, время умирает. Вторая пятерка придет и каждому шпаргалку на колени положат.

В принципе, мы хорошо учились, нам было интересно. Шпаргалки может и по каким-то предметам, хотя зачем шпаргалки, с учебника легче списать.

А.С. Ну, научный коммунизм предмет совершенно потрясающий, его понять невозможно. Мы его расписывали, делили между собой вопросы. Входит вторая пятерка, им вопросы кладут на колени.

Степанский Александр Давидович - вып. МГИАИ 1957 г., д-р ист. наук, проф., проф.-консультант кафедры архивоведения и археологии ИАИ РГГУ.

Александр Давидович Степанский: В Историко-архивный институт я поступил почти случайно: я со своей золотой медалью пошел на филологический факультет (МГУ - А.К.), но неудачно. Я задумался, куда еще можно поступать. Одна подруга моей матери посоветовала Историко-архивный институт (ИАИ), сказала, что историю там преподают не хуже, чем в МГУ. Я пришел в Историко-архивный, меня приняли по итогам очень серьезного собеседования. Фактически времени на подготовку у меня не было, но, если в МГУ меня гоняли полчаса - минут 45, то в МГИАИ послушали 5 минут и приняли. Прошла буквально неделя со времени, когда мы приступили к занятиям, и я сказал спасибо той женщине, которая посоветовала поступать в Историко-архивный: это было как раз то, что мне было нужно.

Студенческая жизнь существенно отличалась от нынешней, поскольку были другие времена (я поступал в 52-м году). У нас было очень много приезжих, не москвичей, общежитие было вот здесь, на Никольской, в "Теремке"; было помещение и еще в одном районе. В общем, наличие большого числа приезжих и общежития сказывалось. Одного студента, который явился в институт вдрызг пьяным, отвели и уложили спать. Я был активным общественником, один год даже членом комитета комсомола, из которого вышли 3 доктора наук и недавно скончавшийся главный редактор "Юности" - Витя Липатов, но особенно яркое впечатление осталось от участия в редколлегии стенгазеты "Историк-архивист". Я очень жалею, что сейчас не издается стенгазета; нет ни драмкружка, ни хора, ни оркестра: все это было, даже, можно сказать, при Сталине. У нас были регулярные вечера отдыха, а дискотек тогда нигде не было - вся Никольская улица ходила на наши вечера, и приходилось ставить специальную охрану, чтобы не пускать алкашей. На вечерах играла "околоджазовая" музыка, не звучавшая по радио. Я в драмкружке играл, было очень интересно. Наша общественная жизнь была очень культурной, наша редколлегия вообще была чудной по составу. Институт был довольно большим: на курсе учились человек 150, потом 175, потом все 200. Мы делились на группы, и как-то при материальной скудности и грошовой стипендии умудрялись вести довольно активную жизнь.

Александра Клименко: Расскажите, пожалуйста, про интересные случаи на экзаменах и зачетах.

А.С.: Мне как-то попался вопрос, к которому я не был подготовлен, но я вдруг вспомнил, что я читал на эту тему статью в журнале "Вопросы истории". Преподаватель был поражен, что я читал журнал...

А.К.: Вы не помните, что это был за предмет?

А.С.: Источниковедение. Родители, заботясь обо мне, выписывали "Вопросы истории", а потом (с 1955 года) и "Исторический архив". Нам интерес прививали именно преподаватели. Уникальность нашего института и поныне в том, что нам сразу указывают, откуда взята конкретная информация. Учителя в школе не говорят, откуда все это берется; не рассказывают ни про источники, ни про историографию. На первом курсе меня потряс древнерусский язык. Я потом школьной учительнице подарил учебник: из него было ясно, откуда вышли многие положения современного русского языка. Предметы зачастую были

очень интересны, хотя и Историю партии преподавали, ну, да Бог с ней. 1 сентября 1-ю лекцию прочли по истории КПСС, а вторую прочел молодой Сигурд Оттович Шмидт, по которому все девушки сходили с ума (лекции он читал блестяще - в 1-м семестре). Вообще был очень сильный состав преподавателей. Историю Отечества Древнейших времен и Средних веков читал профессор А.А. Новосельский (он вел также кружок Истории феодальной России - его преемником стал А.И. Комиссаренко), потом Елена Викторовна Чистякова, хорошая была дама, и Николай Никифорович Яковлев. Лекции по всеобщей истории древнего мира читал известный "шут гороховый" - профессор Никольский, главный атеист Советского Союза. Он был абсолютный юморист, чудак большой, но гениальный лектор. Я запомнил знаменитую его фразу: "Юлий Цезарь - в о мужина". На его лекциях хохотали страшно.

Еще Всеобщую историю преподавала Мария Михайловна Себенцова. Сейчас ее забыли, т.к. она почти не оставила печатных трудов. Она была ученицей Кареева, окончила в 1914 году Высшие женские курсы и должна была ехать в Париж, учиться дальше. Помешала Первая мировая война. Мария Михайловна была из старой интеллигенции, знала несколько иностранных языков. Это было потрясающе. Преподавали Всеобщую историю затем Марина Тихоновна Панченко, Вера Ивановна Киселева.

Вот, кстати, Новейшую историю принимал тогда молодой Юрий Алексеевич Писарев - будущий академик. Это был потрясающий случай в моей жизни: он поставил мне пятерку по итогам первого вопроса, не выслушав второй. Вопрос мне достался очень хороший: приход фашистов к власти в Германии.

Это исторические дисциплины, а источниковедческие вообще были как гром среди ясного неба - вспомогательные исторические дисциплины: палеография, метрология, хронология, сфрагистика... Тогда мы были больше ориентированы на древность. На ней отрабатывалось источниковедение. История "увеличивается", XX век бурный... Моя судьба распорядилась так, что в редколлегии стенгазеты "Историк-архивист" я познакомился с ее главным редактором - молодым тогда преподавателем Николаем Петровичем Ерошкиным, который стал моим учителем на всю жизнь. Он тогда преподавал историю государственных учреждений дореволюционной России, это была суперсенсация. Он знал точно, какие департаменты входили в какое министерство. Лектор он был просто потрясающий, и я у него написал семинарский доклад на втором курсе в семинаре на тему "Государственный совет в период Первой революции", и этот семинарский доклад на втором курсе превратился в курсовую работу, в дипломную работу, а потом в кандидатскую диссертацию. Я студентам до сих пор говорю, что диссертации надо писать со второго курса, если не с первого. Диплом я получил красный, на нашем курсе было 3 человека, которые учились на одни пятерки. Первую четверку я получил на вступительных экзаменах в аспирантуру, вследствие чего я оказался в заочной аспирантуре, а не в очной.

О диссидентстве в Историко-архивном я ничего сказать не могу, в наше время этого не было. Петр Якир и Леонид Петровский появились позже (1951 или 1952 годы). Затем стал ректором С.И. Мурашов, который все прижал. На уровне кухонных разговоров диссидентство, конечно, было.

Что я особенно хочу отметить. Мы застали еще преподавателей Института

красной профессуры. Один из них - профессор Е.А. Луцкий - извинялся перед студентами за то, что вынужден цитировать Л.Д. Троцкого по памяти. В эпоху XX съезда преподаватели поделились на готовых (на тех, кто в душе многое хранили, знали и были морально подготовлены к переменам) и неготовых. Последние не могли или не хотели принимать новое. Когда началась перестройка, я сразу вспомнил XX съезд: опять подготовленные и неподготовленные.

А.К.: Расскажите, пожалуйста, о Ваших семинарских докладах.

А.С.: На третьем курсе по государственным учреждениям я писал у Анатолия Александровича Нелидова доклад на тему "Комитет по делам высшей школы (1936-1938 гг.)". Это многое дало - там было про то, как ректорам объявляли выговоры за принятие двоечников: абитуриентов не хватало. Это было абсолютное проникновение в эпоху. По истории СССР у Людмилы Марковны Зак был доклад на тему "СССР в борьбе за мир (1935-1937 гг.)", при этом в 1955 году (!) я получил допуск в отдел печати Исторички, где мне дали "Литературную газету" и "Правду" за 1935-1937 годы, которые без допуска не выдавали - это было прямо-таки погружение в эпоху, "прорыв в прошлое".

Уважаемый нами профессор Моисей Наумович Черноморский читал про различные виды источников. Правда, читал не очень-то объективно...

Илья Лукич Маяковский ходил в генеральской форме. Я, когда его видел, к стенке прижимался, боялся.

Директрису Анну Сергеевну Рослову мы звали Нюшка. В 2004 г. я вспомнил, что ей должно было исполниться 100 лет, и предложил устроить заседание в память о ней. Меня горячо поддержал Сигурд Оттович Шмидт, и состоялось очень теплое заседание. Я сказал в выступлении, что прекрасное познается на расстоянии - мы тогда не знали, как нам повезло: какая-то грубая деревенская баба, пришедшая к нам из ЦК партии, жена полковника МВД, и только теперь мы поняли, как нам повезло. Она проводила прекрасную кадровую политику, чисток не было. При ней ИАИ жил очень неплохо, мы были популярны, наши конкурсы были на уровне ВГИКа и ГИТИСа. Со мной на курсе были парни, которые проучились год на юрфаке и бросили: тогда профессия юриста, мягко говоря, не была настолько популярной.

В общем, студенческие годы вспоминаю с большим удовольствием. У меня до сих пор остались друзья, дети которых писали у меня дипломные работы.

С академиком С.О. Шмидтом мы до сих пор целуемся. Его ровесница О.М. Медушевская, она у нас не вела, но уже преподавала. На курс старше училась Т.В. Кузнецова. У нас на курсе учились 6 будущих докторов наук. Я уже вспоминал Витю Липатова. Очень пестрый состав: были личности, которые еле тянули. Был кружок источниковедения, потом молодого А.И. Комиссаренко. Я членом не состоял, но ходил на разные мероприятия, когда было интересно.

А.К.: Не могли бы Вы рассказать о тогдашней организации института?

А.С.: В плане организации института все было проще, чем сейчас: меньше бюрократических проблем (это я уже себе позволяю определенный юмор). Что касается XX съезда, кто-то реагировал положительно. Я даже выступал, требовал более активного участия в общественной жизни. В общем, атмосфера была более-менее благополучной.

В порядке юмора: мы поставили в драмкружке комедию Дыховичного

"Свадебное путешествие", которую, как мы потом узнали, ругали, в ЦК. Я играл профессора, мне наклеили бороду. Стоял хохот. А потом нас пригласили сыграть этот спектакль на заседании комсомольского актива, причем на сцене Ленкома. Там я увидел за кулисами стенгазету, на которой впервые появилось имя И.М. Смоктуновского.

А.К.: Расскажите про пьянство.

А.С.: Было, конечно. Один пьяный прославился тем, кто выпрыгнул из окна второго этажа. Одного провожали на вокзал, по дороге положили ему в портфель пудовую гирию, которую он обнаружил уже дома.

А.К.: Общага...

А.С.: Общаги на Стромынке тогда еще не было, нам ее дали позже. Одного студента, который пришел в институт пьяным, отвели в общагу, где он и проспался.

А.К.: Расскажите, пожалуйста, о защите Вашей первой диссертации и о преподавании в институте.

А.С.: Я поступил в заочную аспирантуру в 1959 г., а защитился в 1965: 2 года не мог защититься из-за отсутствия опубликованных работ. В 1966-м меня призвали читать курс Истории государственных учреждений, который я преподавал 20 лет. Потом, после защиты докторской диссертации, мне предложили возглавить кафедру археологии (предложил, кажется, Николай Прокофьевич Красавченко). Заведующим этой кафедры я был 10 лет (в 1986-1996 годах), а потом нашу кафедру объединили с кафедрой архивоведения под эгидой последней. Поставить во главе кафедры археологии было некого, я сам никогда не преподавал до назначения этот курс.

В 1968-1976 гг. у нас директором был откровенный сталинист С.И. Мурашов, при котором атмосфера была репрессивной. Потом был Н.П. Красавченко. В общем, я считаю, что при Красавченко было лучше всего. На партсобраниях при Мурашове бывало всякое, но вообще я вспоминаю парторганизацию с некоторой ностальгией. Почти все преподаватели были членами парторганизации. Были понятия "критики" и "самокритики" - можно было предъявлять претензии к администрации (в рамках марксизма-ленинизма). Я председательствовал на последнем партийном собрании Историко-архивного института. Партийные собрания я вспоминаю, в общем-то, неплохо. В годы перестройки я был членом парткома. Кстати, прекрасным секретарем комитета комсомола был наш нынешний первый проректор - В.В. Минаев, после него секретарем комитета комсомола был нынешний директор ИАИ А.Б. Безбородов.

А.К.: Расскажите, пожалуйста, про выборы 1991 года.

А.С.: Я не был активным участником. Один из студентов предложил мою кандидатуру. Это была величайшая ошибка. То, что победил другой человек, меня несколько не удивило. Всегда ругал себя за то, что сунулся в это... Я был 2 года и.о. деканом ФАД (декан Дурновцев ушел в докторантуру) - с подачи Красавченко. Сейчас я уже полуставочник, правда, появился импульс в связи с воссозданием кафедры археологии. В РГГУ Историко-архивный институт отошел на второй план, будем надеяться, что новый ректор - Е.И. Пивовар, хотя он и не наш выпускник, что-нибудь предпримет: спрос на архивистов в фирмах есть.

А.К.: Интересные случаи за время Вашего преподавания.

А.С.: Я по примеру своего учителя - Николая Петровича Ерошкина - ставил много доек. Сейчас почти не ставлю: я свою норму уже выполнил. Вы знаете, когда я уже был преподавателем, я спросил одну девочку, почему она не подготовлена. Она ответила, что 5 раз прочла учебник, но так ничего не смогла запомнить. Я ответил, что ей это просто не интересно. Раньше был лимит - 8 дипломников. Я много лет набирал по 8. По ИГУ и археологии я давал темы, которые интересовали меня самого. Мои дипломники очень мне помогли, я ссылаясь в своих работах на их дипломы. До сих пор бережно храню доклад, сделанный на втором курсе М.Ф. Румянцевой. Многие директора федеральных архивов и нынешних руководителей Историко-архивного института - мои ученики; многие с удовольствием вспоминают, как они у меня учились.

А.К.: Спасибо.

Владимир Александрович Коляда. Я поступил в Историко-архивный институт в 1965 году. Конечно, понятие о том, что такое архивы, было самое приблизительное, в основном-то поступали в институт те студенты, кто тогда интересовался историей. Первые представления о том, что такое архивы - как они связаны с историей, и как история не может быть без архивов, - мы получили, естественно, из первой лекции на первом курсе, которую прочитал нам, тогда еще "свеженьким" и еще мало знающим, Сигурд Оттович Шмидт. Начинался, как правило, первый курс с его лекции, которая во многом объяснила нам, что мы будем здесь изучать и кем мы должны быть.

Из преподавателей, которые в течение пяти лет нас обучали, можно очень многих вспомнить, конечно. Может быть, кого-нибудь просто так с ходу и не назовешь, но это не потому, что они какой-то след не оставили, а просто сейчас уже много времени прошло. Если идти от первого курса к пятому, то нужно непременно сказать о лекциях Фаины Абрамовны Коган-Бернштейн по истории древнего мира и лекциях по Отечественной истории Сигурда Оттовича Шмидта. Семинары по Отечественной истории у нас вел Леонид Алексеевич Никифоров, который кроме исторических знаний давал студентам очень хорошую методическую подготовку -учил, как работать с документами, как организовывать работу. И с написанием первой курсовой работы на I курсе, в семинаре Леонида Алексеевича, у меня въелась на всю жизнь вот эта система делать выписки и карточки. То есть, уже тогда закладывалась сама технология работы.

Еще можно вспомнить преподавателей по истории КПСС - дисциплине, которая, казалось бы, не может представлять особого интереса: Михаила Николаевича Пережогина и Ивана Федоровича Угарова, который очень интересно вел семинары по истории партии и давал нам гораздо более широкие сведения о своем предмете, чем того можно было ожидать, и очень честный подход к этой дисциплине. Историю философии преподавал Аркадий Иннокентиевич Вербин. Он был человек вообще в чем-то своеобразный, но чувствовалось, что предмет он знает досконально и глубоко. Как все студенты, мы изучали это, в основном, "лишь бы сдать", но, тем не менее, очень многое в памяти осталось от этих семинаров.

Николай Григорьевич Филиппов вел у нас дисциплины, связанные со специальными архивами, так же, как и Александр Аврамович Кузин, который читал лекции по архивам научно-технической документации и аудиовизуальным документам - тогда же это все было в пределах одного факультета. Николай Григорьевич вел семинары. Но вообще, это человек, оставивший о себе очень хорошую память просто своими личными качествами и тем, как он умел общаться со студентами.

Конечно, история государственных учреждений в лице Николая Петровича Ерошкина. Это была легендарная личность: перед первой сессией весь первый курс дрожал, потому что говорили: живыми от Ерошкина не уходят. Но, надо сказать, что никогда он не цеплялся и никогда он искусственно никому отметку не занижал - если человек предмет знал, то никаких проблем не возникало. Он всегда очень спокойно ставил хорошие отметки и отличные, и в нем не было желания кого-то уколоть или докопаться, что именно человек не знает.

Тогда же на кафедре Истории государственных учреждений работал

Александр Давидович Степанский, а историю государственных учреждений советского периода преподавала Татьяна Петровна Коржихина. Это всё люди, которые из одной дисциплины сделали, в свое время, практически научное направление, которое, по-моему, до сих пор является одним из основных в Историко-архивном институте.

Советское источниковедение преподавали Евгений Алексеевич Луцкий и Моисей Наумович Черноморский, а дореволюционное - Николаева и Миронова.

Надо сказать, что у нас тогда многие дисциплины переплетались. Например, лекции по Отечественной истории читались Кудрявцевым и, чуть позже, по XIX - началу XX в., Николаем Петровичем Яковлевым - историками, которые много работали с документами. Поэтому в лекциях, казалось бы, чисто исторических, равно присутствовало и источниковедение, и документоведение. Тогда ведь каждая группа обязательно закреплялась за преподавателем, который был кем-то вроде классного руководителя. В нашей группе таким был Ким Борисович Герман-Виноградов, который одно время вел у нас семинары по кино-фото документам и по источниковедению советского периода. Аркадий Иванович Комиссаренко - тогда он был еще, по-моему, аспирантом, - вел семинары по истории СССР.

Это те, кто вспоминаются в первую очередь. Еще, пожалуй, Евгений Самойлович Мельцер, который вел семинары по политэкономии. Я помню, как он нам всегда говорил: "Вы можете прочитать все эти учебники, и все равно вы политэкономии знать не будете. А вот вы пойдете, поторгуйте неделю на рынке, и вы будете знать политэкономии больше, чем любой академик". Надо сказать, политэкономии он знал блестяще, но в равной степени он, по-моему, знал театр и литературу. Его семинары всегда выходили далеко за рамки только его предмета, и тематика была самая разнообразная. Но это ни в коей мере не вредило делу. Наоборот, давало серьезную подготовку и широкий кругозор, который потом в профессии мог пригодиться.

Можно еще упомянуть о преподавателях кафедры физкультуры, которую обычно забывают. Это Алексей Иванович Качановский, заведующий кафедрой, и Михаил Иванович Ильинский. Редко их вспоминают. Ильинский был известен тем, что много лет был главным судьей эстафеты по Садовому кольцу, которая на майские праздники проходила. А Алексей Иванович - он бывший спортсмен, вернее даже - военный, только в спорте. К сожалению, тогда как-то мы на устную историю внимания не обращали, а вот он многое чего мог рассказать о спортсменах, о спорте. Оба они, несмотря на то, что физкультура считалась в Историко-архивном институте предметом вроде бы ненужным, всегда прекрасно ладили со студентами, и занятия - что стадионе "Динамо", что в зале (он находился в подвале института) - всегда проходили в хорошей обстановке, и зачеты все мы получали по физкультуре, проблем не было в этом плане.

Александра Клименко: Какие интересные случаи вспоминаются на зачетах, на экзаменах?

Может быть, какие-то фразы, сказанные преподавателями?

В.К.: Знаете, трудно сразу вспомнить. По-разному было, кто как сдавал. Мы все знали, что Сигурд Оттович даже тройки старается не ставить. Он всегда к студентам относился очень доброжелательно и старался помочь, и экзамен у него

всегда проходил как беседа "на тему". И Николаю Петровичу Ерошкину, несмотря на все страшные рассказы, сдавали экзамен безо всяких проблем, не было никаких страшных случаев. Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн - та могла просто сразить студентов. У нас учились студенты из Прибалтики, и одна девушка пыталась сделать вид, что плохо говорит по-русски. Фаина Абрамовна:

- А Вы откуда?

- А я из Вильнюса.

- Ну, говорите по-литовски, я понимаю прекрасно. Я хорошо могу ориентироваться в польском и литовском.

Образованного человека удивить было трудно такими моментами.

А.К.:

В.К.: Диплом я писал у Сигурда Оттовича Шмидта, он был моим научным руководителем. И диплом-то у меня был по статейным спискам русских послов времен Ивана Грозного, но потом архивная жизнь меня к аудиодокументам, если так можно сказать, "перепрофилировала".

А.К.: На Ваш диплом повлиял кружок, может быть?

В.К.: Вы знаете, и кружок. Кружков тогда было несколько, и жесткого посещения не было - ходили туда, где интересней. Узнавали по объявлениям, чему будет посвящено следующее заседание. На кружок Сигурда Оттовича нам повезло в каком плане: туда приезжали и там выступали те же Рыбаков и Черепнин, которых стоило послушать. Рыбаков, кроме всего, был прекрасный популяризатор - он умел очень эффектно подавать информацию.

И кружки имели большое значение, потому что давали студентам какой-то опыт уже в научной работе, причем это было не формально, но в форме беседы, в форме обсуждения. По-всякому было: иногда со спорами, иногда доходило до шума и крика. Это было уже совершенно другое общение даже с [научными] руководителями, с тем же Сигурдом Оттовичем, - это было уже общение коллег, а не преподавателя со студентом. Студентам это давало привычку на будущее и определенный опыт существования в архивном и научном мире - опыт построения отношений, подготовки научных работ, вот эти вещи. Я бы сказал, что атмосфера была более творческая, нежели сейчас, ведь часто доклад был только поводом к началу дискуссии, а дальше споры уходили очень далеко и могли продолжаться хоть на следующем заседании.

А.К.: А при Вас уже было краеведение? Нет, не в смысле предмета, а может быть, каких-то краеведческих собраний по интересам?

В.К.: Понимаете, тогда в стране считалось, что краеведение - вроде и не наука и не дисциплина, а что-то вроде развлечения, поэтому краеведение было на уровне школьных кружков, домов пионеров или районных музеев.

А.К.: Что Вы можете сказать о диссидентстве в ИАИ?

В.К.: Когда мы учились, как раз разворачивались эти события. Правда, те люди, которые принимали в них непосредственное участие, учились-то, в основном, на вечернем отделении, но отзвуки все равно слышались. До нас доходили, конечно, и ходили по рукам какие-то самиздатовские вещи, на папиросной бумаге. Но нельзя сказать, что все поголовно были в этом увязаны:

кто-то интересовался, кто-то был в стороне. Как деталь - может быть, слишком натуралистическая: был тогда туалет внизу, там, где столовая, и в мужском отделении на двери была "газета": "Голос совести и свободы МГИАИ". Там писалось все, что угодно, - ручками, гвоздями, карандашами...

Вообще, Историко-архивный институт всегда был сомнительным с официальной точки зрения. Это и понятно: люди, которые учат историю довольно глубоко, изучают документы и умеют с ними работать - во всяком случае, обучаются работе с архивными документами и умению анализировать - они по-другому начинают подходить к официальной истории, у них взгляды определенные вырабатываются, отличные от официального изложения. В тот период, когда ректором был Леонид Алексеевич Никифоров, институт был не только формальным учреждением, но и чем-то вроде клуба: студенты "толклись" здесь целый день. Ходили, конечно, в библиотеку, но в основном всегда были в институте. Преподаватели со студентами всегда были вместе, и никакой формальной номенклатурщины не ощущалось. В столовой - и то стояли в одной очереди, и ничего не было из ряда вон выходящего, если Леонид Алексеевич стоял за каким-нибудь студентом и перебрался с ним словами, что: "Да, сегодня вот что-то у нас котлетки-то неважные..."

Была какая-то другая атмосфера в институте, с которой позже, когда пришло другое руководство и начало проводить борьбу с тем, что оно называло "идеологическим браком", всячески пытались изменить - но до конца, по-моему, так и не сумели этого сделать. Да и люди были несколько другие. Может, потому, что им незачем было что-то подчеркивать, они и так многое значили в науке, и со студентами умели прекрасно контактировать, да и между собой тоже.

А.К.: А Вы можете что-нибудь сказать о Мурашове?

В.К.: Мы уже были на IV курсе и его "по касательной" зацепили. Был введен госэкзамен по истории КПСС, который нам пришлось сдавать еще раз, причем все это надо было бухтеть с догматических позиций. Некоторые преподаватели просто вынуждены были уйти с кафедры истории КПСС, потому что эти люди - тот же Пережогин, тот же Угаров, - старались преподавать историю партии честно и преподносить ее как науку, а требовалась догма, требовалось талдычить решения и резолюции. И тогда начались все эти партсобрания - в худших традициях, с "проработками", с выяснениями. При Никифорове не было такого. Была и партийная организация, и комсомольская, но все - в разумных пределах.

Конечно, удар довольно сильный был нанесен по преподавателям и, наверное, по студентам, кто в это время учился на младших курсах. Мы-то уже были на выходе, и нам - что нам был Мурашов? Правда, многие студенты пострадали в каком плане: человек шел на красный диплом, а ему ставили тройку, бывали такие случаи. Говорили постоянно: "Смотрите, в дипломах не допустите..." или почему-то предупреждали: "Смотрите, избегайте плагиата!". Может быть потому, что я писал по такому периоду, меня это меньше касалось. Есть цитата одна в начале и одна цитата в конце - и хорошо, и дальше никакой партийной борьбы при Иване Грозном не было. Мурашов был то, что у Салтыкова-Щедрина названо "помпадур и разрушитель". У него была идея: все в институте было не так до него, а вот он что-то новое сделает. Но нового он, конечно, ничего создать не мог.

А.К.: А сложность с публикациями?

В.К.: Нет, тогда было проще. "Труды Историко-архивного института" выходили довольно регулярно, и там помещались студенческие работы. Это не было проблемой. Со временем была растяжка, но никаких супер-трудностей не было. Я даже не знаю, сейчас-то как - "Труды Историко-архивного института" они выходят или нет?

А.К.: Насколько Вас сразу привлекли архивные дисциплины? Или это лишь потом?

В.К.: Мы собственно архивными дисциплинами начинали заниматься со второй половины третьего курса, в основном уже ближе к выходу из института, а сначала у нас шла в основном история, и поступали в Историко-архивный институт те, кто интересовался историей - об архивах у всех понятие было весьма приблизительное.

Конкурсы были, по нынешним временам, вообще фантастические. Считалось, если пятнадцать человек на место - это мало. Когда мы поступали - было двадцать шесть, после нас - тридцать семь, и это было в порядке вещей. Но тогда, правда, и принималось меньше - сто или сто двадцать человек, потому что факультетов было меньше.

Факультета делопроизводства еще не существовало - он появился, когда мы учились на втором курсе, до него было две группы. Факультет полностью назывался факультетом государственного делопроизводства, сокращенно - ФГД. Те, кто тогда пришел сюда, всё ходили и говорили: "Вот закончим институт - будем заведующими канцеляриями крупных министерств или Управделами Совмина, не меньше", - конечно, жизнь потом их несколько разочаровала в этом. Кроме факультета Архивного дела и ФГД, больше и факультетов-то не было - остальное всё были кафедры, и кафедра Аудиовизуальных документов относилась к факультету Архивного дела.

А.К.: Вы помните, где располагались кафедры? Вообще, расположение помещений? Ведь многое теперь поменялось.

В.К.: Актный зал где есть, там и был. Аудитории все так и остались. Кафедра медицины для женского состава на ближайшие три года обучения и кафедра физкультуры были в подвалах, в самом-самом конце. В торце одного коридора, на втором этаже, так и остался ректорский кабинет, а в торце другого - кафедра Истории государственных учреждений. Во время перерыва Николай Петрович Ерошкин с неизменной трубкой стоял в коридоре и очень всегда благосклонно воспринимал просьбы студенток прикурить. Николай Петрович вообще был импозантная фигура, поэтому он всегда выделялся в этом плане.

Конечно, сначала производили впечатление наши лабиринты: вверх коридор, вниз коридор, туда-сюда. Теремок еще был полностью учебным. Там была кафедра источниковедения, а внизу был НГД, Кино-фото-фоно. Там периодически зашторивались окна, и что-нибудь показывали на экране. А вообще впечатление такое, что многие кафедры как были, так и остались на насиженных местах.

А.К.: А там показывали студентам учебное кино?

В.К.: Знаете, учебное кино нам показывали только на четвертом курсе. Была такая наука в наше время - научный атеизм, вот там Курантов очень любил показывать всякие атеистические фильмы. Но мы воспринимали ее как шутку, эту науку, хотя зачет приходилось сдавать - никуда не денешься.

А.К.: Может быть, Вы ездили в экспедиции какие-нибудь там, археологические? Или в стройотряды?

В.К.: Нет, у нас такого не было. Единственно, где-то курсе на третьем нас послали на месяц строить новый Останкинский телецентр, под башней. А так, у нас не было ни картошки, ни стройотрядов. Даже не знаю, почему. Быть может, считали, что не нужно это Историко-архивному институту. Знаете ведь, взгляд какой часто? Я помню, как-то на стадионе Динамо мы должны бежать три тысячи метров. Мы бегаем по кругу на этом малом стадионе, а на трибуне сидят какие-то мужички:

- Ребят, вы откуда?

Мы говорим: "Историко-архивный институт"

- Ну вы скажите там, - встают, естественно, к преподавателю, - вы ему скажите, что вам бегать-то не надо будет никогда!

Вот такие были понятия. Поэтому проскочили мы мимо всего, и не было у нас обычных радостей, типа картошки и стройотрядов.

А.К.: А какие у вас были практики? Делопроизводство и архивные?

В.К.: Да, была делопроизводственная практика. Во-первых, занятия у нас были в Лефортовском дворце, там тогда лаборатория была. Практику делопроизводственную я проходил в Минсельхозе, а архивную мы с Борисом Семеновичем Илизаровым проходили в Рукописном отделе Библиотеки имени Ленина у Сары Владимировны Житомирской и Валентины Григорьевны Зиминой уже на четвертом курсе. Тогда направляли в архивы по спискам, это сейчас студенты сами выбирают.

А.К.: Теперь тоже списками.

В.К.: Сейчас намного проще. Вот, у нас работают студенты Историко-архивного института, они у нас же и проходят практику, что их еще куда-то посылать? Тут же все гораздо лучше, чем на практических занятиях: все узнается просто в процессе работы.

А.К.: Да. Но может быть, можете вспомнить какие-нибудь студенческие капустники? что-нибудь устраивалось в шестой аудитории?

В.К.: Да нет, что-то я не помню капустников и чего-то такого. О КВН' ах ходили разговоры, но тоже как-то это вот не врезалось в этот период. Но был в наше время большой энтузиаст ДОСААФ - Городецкий, преподаватель французского. Он был, конечно, человек с очень интересной биографией, ведь благодаря знанию иностранного языка в войну он занимался очень интересной, серьезной и опасной вещью. По-моему, это называлось тогда "Седьмой отдел" - работа с войсками противника, агитация. Он как-то всегда об этом вскользь упоминал. Вот тоже, не было тогда устной истории: его бы посадить перед микрофоном, он бы рассказал! Хотя не думаю, что он бы многое рассказывал. Но

ДОССАФ - это было всегда, были соревнования. Вот в этом плане он был энтузиаст. Только что с парашютом не прыгали.

Пьянство в ИАИ - было, естественно, а куда от него деваться-то? Это традиция давняя, судя по тому, что рассказывали выпускники и до наших лет, и более ранних.

А.К.: Что они рассказывали?

В.К.: Что, особенно когда было общежитие там же, на Никольской, это все процветало и поддерживалось. Студенты Историко-архивного ничем не были в этом плане хуже других.

А.К.: Вот Илизаров рассказывал, что в аудитории оставались люди на ночь.

В.К.: Бывало всякое. И в читалке употребляли напитки люди, которые потом становились докторами наук. Место ведь надо было найти? Опять же, было известное заведение на Большом Черкасском, где была подача напитков - пива, и так далее. Не говоря о бутербродной, которая существует до сих пор. Я бы не сказал, что Историко-архивный в этом плане уж очень выделялся, но и хуже других тоже не был.

Александра Клименко: Расскажите о том, как Вы сюда поступали, первый запомнившийся случай из преподавания, обязательно - семинары по вспомогательным историческим дисциплинам и лекции по истории России.

Татьяна Григорьевна Архипова: Почему обязательно именно это? ... Я со второго курса уже знала, что буду заниматься государственными учреждениями, потому что мой будущий научный руководитель Николай Петрович Ерошкин уже на втором курсе предложил вместе с ним работать, и поэтому подавляющее число других дисциплин я как-бы "прошла"...

А.К.: Но ведь Вам должны были запомниться какие-то выдающиеся лекторы?

Т.А.: Безусловно. Ну, что Вам сказать...

Поступила я в Историко-архивный институт в какой-то степени случайно... Почему? Потому что собиралась поступать на факультет журналистики в МГУ. У меня было очень хорошо с русским языком, с литературой. Я ... еще в школе стишками баловалась, какие-то рассказы писала, куда-то их посылала, в редакции разные, и собиралась поступать на факультет журналистики. Но, придя туда, в МГУ, я узнала, что там существует большой творческий конкурс - и я, в общем-то, струхнула. И в "растрепанных чувствах" пошла по Москве, рассматривая вывески на домах. И увидела Историко-архивный институт на улице 25-го Октября. Тогда так называлась наша Никольская. Вошла, прошла по институту. И вспомнила, что я, оказывается, уже бывала в этом здании год назад - когда приезжала в Москву в "ГУМ за покупками". Я заходила в этот институт и спрашивала о нем, и вот это воспоминание меня подвигло еще раз подумать: не поступить ли мне сюда. И подала документы.

В этом году были введены квоты для тех, кто после школы отработал более двух лет - им выделялось до восьмидесяти процентов мест, для выпускников школ в Историко-архивном институте конкурс на одно место был двадцать пять человек. Поступить на дневное отделение мне не удалось, я не добрала одного балла, и, идя по институту, опять в "растрепанных чувствах", плача, - встретила Николая Петровича Ерошкина, с которым я общалась ровно год назад в стенах этого же института. Он говорит: "Девочка, что Вы плачете? Зайдите ко мне в кабинет".

Он тогда был деканом заочного отделения. Я ему сказала кто я и что я. Говорю: "Вот, я закончила школу с золотой медалью, но не добрала баллов" - в этом году впервые было отменено собеседование, никаких преимуществ не было для выпускников школы с золотой медалью. Он меня выслушал и сказал: "Ну вот, даю Вам неделю, попробуйте устроиться на работу по профилю, и я тогда Вас с этими оценками возьму на заочное отделение". Он всегда всех студентов и аспирантов на Вы называл и я у него переняла эту манеру.

Я вернулась домой (мы тогда жили в Подольске), попросила папу попытаться меня куда-то устроить, ну он, конечно, отправился первым делом в архив Министерства обороны (он находится на территории города Подольска). Ему сказали, что "мы ее на работу возьмем, пусть работает, но ставки делопроизводителя у нас нет. Но мы можем оформить уборщицей с исполнением обязанностей делопроизводителя". Папа приходит домой и говорит, что вот так и так. Я говорю: "Конечно!". И первая запись у меня в трудовой книжке - "уборщица архива Министерства обороны". И когда я защищала докторскую ученый секретарь Совета говорил о том, что "прошла

славный путь от уборщицы архива Министерства обороны до защиты докторской диссертации".

И я проучилась первый год на заочном, сдала все экзамены на "отлично", и была переведена на дневное отделение. И второй, третий, четвертый, пятый курс училась на дневном отделении, не в одной группе, а на одном курсе, на одном потоке, с Евгением Васильевичем Старостиным, Виктором Александровичем Муравьевым... Еще Геннадий Иванович Королев - он сейчас болеет, к сожалению... И все мы с одного курса здесь оказались.

Дело все в том, что у нас был, как потом выяснилось, очень талантливый курс. Как-то собирались и подсчитали - сто человек вышло из стен института тогда, и вот из ста человек половина - кандидатов и докторов наук. Так вот сложилось. И действительно - учились такие, очень способные. Особенно мальчишки у нас были необыкновенно способные, было очень интересно с ними учиться, потому что когда мы, допустим, устраивали какие-то диспуты - философские там, исторические, - то обычно делились на несколько лагерей, друг с другом спорили. И это было конечно, необыкновенно интересно.

Так получилось, что Николай Петрович Ерошкин определил мою судьбу. Считайте, что со второго курса, потому что я у него на семинарском занятии по истории госучреждений написала доклад, и он мне говорит: "Может, Вы напишете со мной курсовую работу?" Я написала курсовую. Потом он мне говорит: "Может быть, Вы придете ко мне на спецсеминар, на спецкурс?" Ну, слушайте, великий ученый приглашает меня на спецсеминар, на спецкурс - и я буду отказываться, что ли?

Я к нему так и прилепилась. Ну и потом уже, когда на старших курсах мне были и другие предложения, от других преподавателей, я вынуждена была им отказываться и говорить о том, что "я другому отдана и буду век ему верна". И, в общем-то, я никогда не думала, что действительно останусь с ним работать, и когда-нибудь буду во главе кафедры, которую он создал. Потому что дальше, чем получение высшего образования, я тогда и не загадывала.

И он мне ничего не говорил... Поэтому когда состоялась защита диплома и когда оба оппонента стали говорить о том, что "ей надо дать рекомендацию в аспирантуру", я просто... опешила. И так, знаете, все получилось как бы случайно... Потом он взял меня на работу, потом... да, я уже здесь защитила кандидатскую диссертацию. Потом, когда его не стало - вот видите, я во главе этой кафедры...

Теперь, что касается самих лет пребывания в институте...

Я ведь всегда студентам говорила, что прошу их поверить мне на слово, что это, в принципе, самые лучшие годы жизни, когда еще молод, когда еще где-то мама с папой рублишко подкинут - необязательно тогда было, как сейчас студенты подрабатывают, подрабатывать. То есть это, в общем-то, конечно, такая... абсолютно другая жизнь, нежели та, которая наступает потом.

Что сказать о преподавателях... Я считаю, что нас учили замечательные преподаватели. Сейчас попытаюсь их вспомнить, потому что это было давно.

Ну, безусловно, Николай Петрович Ерошкин - это для меня конечно эталон. И чтение лекций, и манера общения со студентами. Лекции он читал вообще, как бы Вам сказать... можно было сидеть разинув рот все полтора часа. Так вот читал. Потому что это всегда был какой-то всплеск - неожиданных умозаключений,

юмора, иронии, сарказма, хотя дисциплина - история государственных учреждений - она довольно-таки сухая, и, наверно, ее читать только так и можно, иначе у студентов уши завянут. Но вот он умел будить интерес у студентов, и я ему, знаете, когда начала преподавать сама, я ему в какой-то степени даже поначалу завидовала, потому что он мог рассказывать про царских сатрапов, про царей, про их какие-то такие ненормальные выходки. А что мы могли рассказать, читая советские государственные учреждения, что мы могли сказать о государственных деятелях советского периода? Информация о них была довольно-таки скупая, мемуаров не было. Как можно было привлечь внимание студентов? Ну как-то привлекали...

Значит, Николай Петрович... Владимир Евгеньевич Иллерицкий, Моисей Наумович Черноморский, источниковедение читал. Вот сейчас мне очень стыдно, не вспомню имя-отчество... Источниковедение у нас читал Мерзон.

А.К.: Александр Цезаревич?

Т.А.: Да... Ой, как читал он лекции! Вы знаете, он читал всего-навсего один семестр, всех заворожил, и самое печальное было то, что он нам курс дочитал и сказал: "Вот у нас с вами зачет с оценкой...", я не знаю, что это такое - я знаю экзамен, знаю зачет, но я думаю, что все-таки мы придумаем с вами, как провести этот зачет с оценкой". Ну вот... а на следующий день мы приходим в институт и узнаем, что его не стало...

Конечно, очень интересно читала Ольга Михайловна Медушевская. Сейчас ведь очень мало осталось тех, кто нас учил, уже теперь мы - старшее поколение. Кого бы я еще назвала сейчас? ... Да, Сигурд Оттович Шмидт, конечно. Но он у нас читал немного, как, в общем-то, и у вас.

Ну, почему-то самые светлые у меня воспоминания о Николае Петровиче Ерошкине. Потом ведь Вы не забывайте, что у нас чуть ли не четыре курса была история партии. У нас был истмат, диамат, марксистско-ленинская философия, марксистско-ленинская эстетика... и все это, безусловно, читалось интересными преподавателями, но я уже тогда как-то к этому ко всему относилась не то что бы критически, а просто почему-то считала, что это мне не пригодится. Видимо, Николай Петрович меня ориентировал на такой прагматический подход к изучению тех дисциплин, которые нам преподавали.

Ну что еще...

А.К.: А архивные дисциплины?

Т.А.: Архивные дисциплины, к моему великому стыду, как-то я просто "прошла". У меня конечно были пятерки по этим дисциплинам, но к ним я наверно с самого начала, почему-то относилась не совсем серьезно, хотя очень хорошо помню лекции Юрия Федоровича Кононова. С одной стороны, я не предполагала, что буду заниматься научной работой, а с другой - я почему-то не уделяла им такого вот внимания, как, допустим, истории госучреждений. Тем более что у меня уже была тема, и я как-то на все семинары приходила со своей темой. Я говорила: "Вот я занимаюсь Секретным Комитетом 6 декабря 1826 г. и что я могу у Вас про него написать?" Либо, там, источники по истории комитета, либо историография комитета, либо, я там не знаю, еще чего-нибудь такое - ну все про этот самый несчастный комитет.

А.К.: Кто вел историографию?

Т.А.: [В.Е.] Иллерицкий.

А.К.: А вот про моменты студенческой жизни? Вы говорили, у Вас диспуты были...

Т.А.: А это вот знаете... Сейчас, в связи с тем, что количество часов на семинарские занятия отводится небольшое, чаще всего на семинарских занятиях "проходят" какие-то темы. Хотя мы у себя на кафедре сохранили форму конференции, проведение семинарских занятий в форме конференции, как было тогда. И вот когда, допустим, читался доклад - тогда к таким семинарским занятиям студенты подходили очень серьезно, готовились дополнительно, читали литературу по теме, которую будем обсуждать на предстоящем занятии - возникали диспуты.

Но чаще всего диспуты возникали по истории философии... ,когда, допустим, группа делилась: одни были идеалисты, другие - материалисты, третьи были позитивисты и т.д., так велись споры. Причем все это было по серьезному, не так - "ля-ля-тополя", по принципу "сам дурак"... Нет, все было очень серьезно...

Хотя, Вы знаете, и тогда были преподаватели, которые не могли увлечь за собой студента, безусловно.

А.К.: Ну вот, если брать уже начало Вашего преподавания - там, были ректоры [С.И.] Мурашов, [Н.П.] Красавченко. Что Вы можете сказать об атмосфере тех лет, о том, как все проходило?

Т.А.: Знаете, когда я закончила институт и меня рекомендовали в аспирантуру, действовала норма, согласно которой нужно обязательно отработать два года по специальности, а потом поступать в аспирантуру. По существу я ведь в аспирантуре и не училась, потому что два года мне надо было ждать, пока я отработаю, а потом все не было места на кафедре. Потому что всегда мест в аспирантуру было недостаточно для того количества, которое хотело поступить в нее, и они распределялись по кафедрам, на все кафедры их не хватало. И я, помню, пошла к Никифорову (а я ведь училась, когда была Анна Сергеевна Рослова ректором Историко-архивного, а потом Николай Алексеевич Никифоров), и говорю: "Ну что ж такое, Николай Алексеевич, может быть, как-нибудь дали бы на кафедру место?" - потому что мне Николай Петрович сказал: "Сходи к нему". Он посмотрел на меня и сказал: "Вы знаете, Вам, с Вашей внешностью, я бы не советовал заниматься научной работой, зачем Вам это нужно? Вы можете другую какую-нибудь карьеру сделать". То есть он с одной стороны вроде мне сказал комплимент, а с другой стороны - обидел: "с такой вот внешностью Вам ни к чему аспирантура".

А потом появилось место в аспирантуре (а я за это время сдала кандидатский минимум по философии и иностранному языку) и я поступила в заочную аспирантуру, сдав один экзамен - по специальности. И это произошло почти одновременно с тем, что меня пригласили работать в институт, потому что после института я какое-то время работала в архиве Министерства путей сообщения.

Пришла, а ректором уже был Мурашов.

Ну что я Вам могу сказать? Сергей Ильич Мурашов.. он представляется мне двуликим Янусом. Когда речь заходила о каких-то бытовых вопросах, о чем-то таком обыденном - он был замечательным человеком. Но когда дело доходило до какой-то идеологической составляющей, он становился непреклонным, он становился просто... невменяемым. Ну, например, тема дипломной работы Реввоенсовет - нельзя упоминать фамилию Троцкого. Тема Наркомпрос - нельзя

упоминать фамилию Луначарского. Почему? А потому что он в свое время был "богостроителем", поэтому у партии к нему соответствующее отношение. Вот такой он был человек. Его партия сюда прислала наводить порядок, изживать - или выжигать, правильнее сказать, инакомыслие. И он исполнял волю партии.

А.К.: А как происходило - кроме того, что многие преподаватели ушли, как происходило в Вашей среде?

Т.А.: Вы знаете, я об этом мало что могу сказать, ведь меня в институт взяли тогда, когда уже почти все ушли из института. С нашей кафедры никто не ушел, а меня взяли на место - знаете кого? Был такой Анатолий Алексеевич Нелидов, преподавал он на кафедре, на нашей. И он был человеком... как бы это сказать, не вполне здоровым... И он ушел работать во ВНИИДАД, долго там работал, а меня взяли на его место. К этому времени многие, учившие меня из института ушли.

Теперь, когда стала говорить, кто ушел, я сразу вспомнила, кто еще меня учил. Конечно, Людмила Марковна Зак, конечно Елена Викторовна Чистякова, это отечественная история. Видите как, сходу их не вспомнила, к сожалению. Кто еще?

А.К.: [Н.В.] Бржостовская, наверно...

Т.А.: Птичка, конечно! У нее было такое прозвище. Ну, у каждого преподавателя свое...

А.К.: Расскажите вот про прозвища?

Т.А.: Вот она у нас была Птичкой. А Вы знаете, у нее действительно профиль был - птичка с клювиком, птенчик такой. Вот запомывала - когда я только начинала работать, у меня ведь тоже была какая-то кличка, мне студенты говорили, я просто забыла.

А.К.: А сейчас нету...

Т.А.: Нету сейчас, точно? Ну слава богу... Нет, одно время было такое, что я была - считай, не я была на нее похожа, а она была на меня похожа - было время, когда на меня была похожа Пугачева. Было-было! Когда я была рыжеватой блондинкой такой лохматой. Так я очень обижалась на это, я быстренько прическу сменила, перекрасилась - чтобы ни в коем случае никто меня с ней не сравнивал.

А.К.: Ну вот еще какие-нибудь фразы, которые говорили преподаватели, наиболее запомнившиеся, может быть, какие-нибудь театральные представления...

Т.А.: Вы знаете, вот Людмила Марковна Зак - я запомнила ее не только по лекциям, но и по экзамену. Дело в том, что, в общем-то, я сдавала экзамены неважно. В каком смысле неважно? Я их не плохо сдавала, а я очень переживала их сдачу.

А.К.: А как Вы сдавали? Приходили в первой пятерке или наоборот?

Т.А.: Ближе к концу. Нет, на амбразуру не бросалась! У нас, в общем-то, как-то с самого начала сложилось, кто идет в первой пятерке, а я же пришла на второй курс и я должна была где-то вклиниваться, поэтому чаще всего ходила в конце. Вы знаете, сейчас я Вам расскажу два эпизода, я их часто вспоминаю.

Первый был связан с Людмилой Марковной Зак. Значит, беру билет, сажусь, читаю, решаю, что на пять не сдам. Я всегда старалась получать повышенную стипендию. Ну, тогда стипендия позволяла месяц прожить, ничего особо не

покупая. Рубля в день хватало на питание. Повышенная стипендия была тридцать пять рублей, представляете, еще и оставалось пять рублей на театр или кино.

Встаю, подхожу к ней, говорю: "Я не буду сдавать, приду в другой раз". А она говорит:

- Что Вы уходите-то?

- Ну я не знаю.

- Нет, садьте, пожалуйста. Садьте, пожалуйста!

Я сажусь - она меня даже не посадила подготовиться. И начинает мне задавать наводящие вопросы. Задаёт вопрос - я отвечаю, задаёт вопрос - я отвечаю, задаёт вопрос - я отвечаю. Потом, , помню, в билете там были Сталинские удары. А сзади нее висит карта, она про эти Сталинские удары в годы Великой Отечественной войны меня спрашивает - я глазами туда-сюда! Она видит, что я и по карте спокойно ориентируюсь. Она берет мою зачетку, ставит мне пять и говорит: "Ну? Ну что ты отложила билет-то?"

Вот запомнила это.

Запомнила еще... ага! У меня ведь диплом не с отличием из-за одной тройки - по всеобщей истории. Вы знаете, я думаю, что была, наверное, неспособна к восприятию ее. Объясню почему. Мне все-таки кажется, что нам ее тогда..., ну не совсем так читали. Это была отдельная история Англии, отдельная история Америки, никак не связанная с историей нашей страны. Понимаете, мы даже не всегда просекали, что вот, допустим, события 1812 г. во Франции - это наша Отечественная война 1812 г., потому что история Франции была сама по себе, история СССР - тоже. Потом, Вы знаете, ведь тогда всеобщая история была иной.... Изучали историю какой-нибудь страны и обязательно надо было знать программу коммунистической партии, программу рабочей партии. Это был набор фактов, не очень-то и отличающихся друг от друга. Конечно, какая-то специфика у каждой компартии любой страны [была], но это, видно, было не по моему уму. И вот к экзамену по всеобщей истории я впервые решила подготовить шпаргалки. Я никогда не списывала, потому что у меня мама учительница, а папа работник правоохранительных органов. Представляете, как они меня воспитывали? Нельзя, нельзя, нельзя!

Ночью перед экзаменом чувствую, что не успеваю. Мы сдавали два вот таких толстых кирпича, по всеобщей истории тогда были такие учебники. И вот я сажусь и начинаю писать. И я не знала - я никогда не писала шпаргалки - что, оказывается, читать - готовиться - быстрее, чем писать шпаргалки. И я успела законспектировать только один том. Все.

Значит, завтра экзамен - конспекта второго тома у меня нет. А мне мои одноклассники говорят: "Дадим, успокойся". Ну, естественно, то, что я законспектировала, я знала хорошо, а вот то, что я не успела - я ведь даже не открыла вторую часть... Значит, рассовала по разным местам шпаргалки, пришла на экзамен, и, конечно, ничего вспомнить [не могу]... То есть, по первому вопросу я все знаю, а вот по второму вопросу я ничего не знаю - и достать не могу, потому что никогда не списывала; тряусь, как овечий хвост.

Сажусь перед Мариной Тихоновной Панченковой, ну про ответ на первый вопрос она говорит: "Какая молодец! как хорошо! Отвечайте второй вопрос". Я говорю: "А второй вопрос я не знаю". Она говорит: "Как? совсем нет? Ну

почему! Ну не может быть!". И я ей честно все рассказываю. Говорю: "Вот, знаете, шпаргалки - они при мне - все, вот, но я их не достала". "Ну что, - я Вам только "три" могу поставить. Я, конечно, все понимаю, но больше "трех" Вам поставить не могу".

А потом, когда уже пятый курс подходит, мне в учебной части говорят:

- Ну что это, несколько четверок и одна тройка, можно тройку ведь пересдать.

- Ни за что! Никогда! Опять эти кирпичи читать? Не буду!

Марина Тихоновна - вот тут вот у них была кафедра - идет мне навстречу:

- Зайди ко мне, сдашь!

- Нет, не пойду!

Она мне уже потом сказала: "Да я бы тебе так поставила четыре, ты зашла бы ко мне!"

И еще один экзамен мне очень запомнился.

Это было делопроизводство, Константин Григорьевич Митяев читал и экзамен принимал. Пришла, взяла билет, села, смотрю - в столе лежит книжка, учебник лежит. А он сидит напротив, и говорит: "Ну, шпаргалки-то убирайте, иду смотреть". Вот я быстренько эту книжку вынула и бросила на пол. Она лежит на полу, он идет. Подходит: "Что там лежит?". Садится рядом, отодвигается вот так вот, а книжка - надо же! То ли она была так открыта... То ли открылась на том вопросе, который был у студента, сидящего до меня... Он поднимает книжку, смотрит, немеет - он видит, что у меня-то другие вопросы. Он потом, знаете, рассказывал и на партсобрании, и где он только не рассказывал: "Ну, студенты пошли! кладут книжку на пол и ногами перелистывают. Ногами перелистывают, и видят, что там написано!" Такое не забывается.

Ну что я еще могу Вам сказать, я вроде все рассказала...

А.К.: Про кружковую культуру...

Т.А.: Вы знаете, у меня нет каких-то впечатлений о других кружках, потому что все вспоминают кружок Шмидта, почти все вышли из этого кружка, ведь он преподавал на первом курсе и всех заинтересовал, и пригласил к себе в кружок. А я-то на первом курсе где была? На заочке. И я пришла, Шмидт где-то там, вдали, а тут - Ерошкин, и, конечно, я участвовала в работе кружка по истории госучреждений.

А.К.: Вот Вы рассказываете, я совсем не знала, например, что был кружок по истории госучреждений.

Т.А.: Был. Николай Петрович, а потом Татьяна Петровна [Коржихина] вели. Это тоже было, как бы Вам сказать, занятие по типу конференции, то же самое. Выбирался из какого-нибудь семинара, из группы, доклад хороший, и мы его слушали. Допустим, это была другая группа - тогда же было четыре группы историков-архивистов - и кто-то читал в другой группе, где я не училась. И было очень интересно послушать, обсудить.

А.К.: Ну как он проходил? На кафедре или где-то...

Т.А.: На кафедре.

А.К.: За чаем или так "научнообразно"?

Т.А.: Всегда на кафедре. "Научнообразно".

Николай Петрович потом, когда мы уже становились его соратниками, коллегами очень любил кафедральные чаепития. Мы отмечали дни рождения друг друга, ходили друг к другу в гости. Вот он оставил моей кафедре эту

культуру. Но может быть, мы на дни рождения не ходим друг к другу сейчас, потому что сейчас жизнь преподавателей труднее, чем прежде. Потому что тогда - ну что было у профессора? Лекция и семинарские занятия в одной группе, штук пять дипломников - все! А теперь что у преподавателя? У преподавателей куча дополнительных нагрузок, филиалы университета, на стороне преподаватель читает лекции для того, чтобы пополнить свое... "довольствие". А тогда мы были довольно-таки свободными людьми, ну, два раза в неделю, ну, три раза в неделю мы приходили в институт - остальное время совсем свободные были люди. Я вспоминаю с ностальгией то время, потому что у меня был день, когда я была в библиотеке обязательно - допустим, среда. У меня всегда был день архивный - допустим, пятница, когда я была в архиве. А сейчас я считаю за праздник, когда я выкроила время для того, чтобы сбежать в Историчку. Конечно, сейчас у преподавателя, особенно моего возраста, библиотека большая, необязательно идти в Историчку. Но тем не менее. У меня по отношению к Историчке сохранился необыкновенный пиетет.

А.К.: Вы там засиживались до закрытия?

Т.А.: Да, конечно! Тогда же библиотека работала до десяти (она стала работать сначала до девяти в 1991 г., потом до восьми - в 1993-м). И до без пятнадцати десять, пока не зазвонит звонок, оповещающий, что - все, пора уходить, можно было работать.

Я читатель этой библиотеки с пятьдесят восьмого года, с первого курса. Я, конечно, работала и в Ленинке, и в Политехнической библиотеке, когда надо было какую-то тему подготовить для семинарского занятия. В Питере работала, в Салтыковке - очень много, когда дипломную работу писала. Потом, у меня же и кандидатская была по материалам ленинградским. Но Историчка - это святое! Как-то вот было: меня разыскивали коллеги, хотели поздравить с днем рождения. Знают, что должна быть дома, звонят мужу, а он говорит: "А она в библиотеке". Потом вечером перезванивала, помню, Наталья Ивановна Басовская:

- Ты что, правда, что ли, в библиотеке была?

- Правда, потому что выкроила время для этого.

А.К.: Историчка - это святое...

Т.А.: Да.

А.К.: А вот, вернемся к Вашему преподаванию. Что бы Вы особое может, яркие какие моменты, на лекциях, семинарах?

Т.А.: Ну что такого? Как-то, наверно, все слилось в общую такую картину. Одно могу сказать - работаю я с удовольствием. Мне это нравится. Я люблю студентов: люблю их глаза, когда они на меня смотрят, когда они вместе со мной, допустим, возмущаются, или удивляются, или восхищаются. Мне это нравится.

От года к году потоки неровные. Я ведь последние годы читаю лекции только на ФАДе, и обычно у первой группы веду семинарские занятия - все. Это моя нагрузка. Плюс, допустим, дипломники - или с ФАДа, или с факультета документоведения. И аспиранты с ФАДа. Все мои аспиранты, ставшие кандидатами наук, с ФАДа. Исключение - Павел Аркадьевич Казанцев - он с Факультета документоведения и Иван Александрович Коссов - юрист по образованию.

Ну что Вам сказать? Конечно, сначала, в первое время, в первые годы преподавания, ужасно боялась студентов. Необыкновенно... У меня прямо ноги

чугунели возле двери в аудиторию. Я очень боялась, что вот они меня чего-нибудь спросят, а я не смогу на этот вопрос ответить. Мне почему-то казалось, что я должна все знать, что должна обязательно, сразу сходу ответить на любой вопрос, вплоть до того, есть ли жизнь на Марсе.

Но потом, видимо с возрастом, стала понимать что я, кажется, вообще ничего не знаю. Что если взять, допустим, объем знаний по моей дисциплине за 100 %, то мне кажется, что если я 5% знаю - то это хорошо. Потому что та спесь, наглость какая-то первых лет - она, конечно, прошла. И если я сначала считала себя гуру - а это вот мои ученики, то теперь я все больше и больше студентов считаю коллегами своими. И Вы знаете - и мне стало легче. Много легче. Потому что первое время была... в напряге. Потому что в те годы - первые годы, когда я начинала преподавать, все-таки конкурс был большой в институт, и более тщательный был, конечно, отбор, и студенты были семи пядей во лбу. Сейчас если одного-двух-трех таких в группе встретишь, то прямо молишься, боже мой, а тогда вот все такие: сидит перед тобой сто человек потока и все вундеркинды. Так что вот...

И вот если бы, допустим, меня спросили: "Кем бы Вы стали, если бы не стали преподавателем истории государственных учреждений?", то, во-первых, я сказала бы, что это очень глупый вопрос, потому что история сослагательного наклонения не знает. Во-вторых, я глубоко убеждена, что профессию выбрала правильно.

А.К.: А вот что бы Вы могли сказать про диссидентов в Историко-архивном?

Т.А.: Вы знаете, этот термин - "диссидентство" - появился позднее. А вот когда я училась, этого термина не было. Ну да, у нас... У нас была радиорубка, напротив нынешней Архивной школы, знаете...

А.К.: Радиозел?

Т.А.: Да, радиозел. И там у нас был инженер. Марк его звали (фамилию не помню), и он с группой товарищей издавал журнал. Он назывался, кажется, "Золотарик". Вы вот познакомились с историей института, не встретилось Вам нигде об этом?

А.К.: Нет.

Т.А.: Ну вот, "Золотарик"... Что он из себя представлял? Тогда же не было компьютера, да и не было никаких других множительных средств. Это была закладка на машинке. А что это? Пять экземпляров максимум на папиросной бумаге. И там не было никакой антисоветчины.

Там знаете что было?

Окончившие институт выпускники, уехавшие на периферию, присылали оттуда заметки из местных газет: о каком-то ЧП, о каком-то судебном процессе, о каком-то необычном факте. И все собиралось в этот "Золотарик". И Вы знаете, я видела только раз этот журнал, и он меня как-то не задел. Не знаю, почему. Мне казалось, что там обыденные совершенно факты. Но вот через какое-то время по окончании института я узнаю, что раскрыта - не диссидентская тогда, а антигосударственная - группа, которая издавала такой-то журнал и т.д. Это потом стало восприниматься как что-то такое противоправное, а мне тогда это не казалось противоправным. Абсолютно.

А.К.: А вот еще последний вопрос про какие-нибудь экспедиции, про отношения с группой?

Т.А.: Про отношения с группой...

А.К.: Меня это интересует в контексте того, что сейчас мы более разобщены.

Т.А.: Вы знаете, разобщенность была и в моей группе. Очень дружной была группа, в которой был старостой Старостин Евгений Васильевич. Почему? А так сложилось, что у них в основном группа была из периферийных студентов, и они, придя в институт, искали себе друзей здесь. А мы, москвичи, мы же выросли здесь, у нас друзья были здесь, правильно? И поэтому мы в институте дружили не целой группой, а с одним, с двумя однокурсниками, не более того. Вот как мы дружили, допустим, втроем в группе, там мы до сих пор перезваниваемся, до сих пор встречаемся, Хотя наша группа, наш курс был очень одно время дружный, и мы встречались каждые пять лет до тех пор, пока не разошлась студенческая пара, супружеская, сложившаяся у нас на курсе. Вот они этим всем занимались, они нас собирали. А потом они, по совершенной глупости, разошлись и не стали этим заниматься...

Потом, Вы понимаете, в чем дело? Вот сейчас говорят - расслоение населения. Оно было очень большим и тогда. Богатые люди, конечно, не имели загородных дач, недвижимости за границей, но ... дочь министра, сын министра, дочь начальника строительного-монтажного управления, дочь таксиста выглядели иначе, чем дочь профессора. У таксиста все равно зарплата получалась выше, чем у профессора. Дети богатых родителей кучковались обычно друг с другом. Повторяю, наша группа не была такой дружной, как группа, в которой Евгений Васильевич учился.

А.К.: Да, он говорил.

Т.А.: У них очень была дружная группа. Потому что они подружились здесь.

А.К.: А что касается экспедиций каких-нибудь?

Т.А.: На первом курсе студенты моего курса на картошку ездили, вот тогда они все и подружились. А я пришла позднее...

Ребята, конечно, ездили в строительные отряды, безусловно. А мы, девчонки, "хрущобы" строили. После, кажется, третьего курса нас на месяц направили на стройку, и мы там с малярами-штукатурами работали. И я помню, что получила довольно приличную зарплату, но воспоминания у меня остались не совсем светлые о работе на стройке. Мне было поручено шкурить стены. После того, как их побелили, их надо было тереть наждачной бумагой. Ну вот, а я этот звук не выношу. И вот я помню, как меня высмеял бригадир. Он ходит, а я тру - глаза закрыла, скулы свела. Он говорит: "Смотри, трет стену и глаза закрывает. Глаза закрывает - от удовольствия или от неудовольствия?" Я говорю: "Конечно, от неудовольствия".

Вот так было у нас ...

Это уже потом, когда Наталья Ивановна Басовская пришла, она студентов возила на раскопки, у нас этого не было.

А.К.: Ну вот последний вопрос про столовую. Для студентов Историко-архивного это вопрос политический.

Т.А.: Безусловно.

А.К.: Нет, какая столовая была у Вас?

Т.А.: Столовая была замечательная. Она была вот тут в подвале, где сейчас этот ресторан. Вход был отсюда, изнутри.

Я вспоминаю суммы... Вот я Вам говорила: если на рубль можно было

прожить день, то в столовой были комплексные обеды за 30 копеек. Значит, это половинка пустых щей, какая-нибудь котлетка с картошкой и, предположим, стакан чаю. Было бы неправдой говорить о том, что там были какие-нибудь разносолы, но это было вполне прилично. Был буфет, я помню очень хорошо. Там сарделька с винегретом, стакан чаю - это тоже, наверно, копеек 30. Сыт весь день, с этим проблем не было.

Всегда были проблемы с вечерами. Почему? Потому что специальной аудитории здесь же не было для проведения каких-то концертов, танцев и. т.д. Как же выходили из положения? Это позднее Николай Прокофьевич Красавченко приказал привинтить стулья в шестой аудитории, а раньше они не были привинчены, и студенты раздвигали их по периметру. Сначала обязательный концерт силами студентов, а потом танцы. И это было постоянно, каждый праздник обязательно были вечера студенческие.

А.К.: А какие-нибудь особо запомнившиеся? Я это и имела в виду, когда говорила слово "мероприятие", вот про такие вот вечера

Т.А.: Ну, в основном у нас - тогда это было очень принято - были капустники. Капустники обычно состояли из пародий на преподавателей. И преподаватели садились на первый ряд, смотрели и давали оценку - похоже или не похоже. Когда оценивают пародии Галкина, Виталий Вульф говорит: "Все похоже, только я не похож у Вас". Вот так вот это выглядело.

А.К.: А стенгазета?

Т.А.: Стенгазета была - "Историк-архивист" она называлась.

А.К.: А что там было? Какие разделы?

Т.А.: Значительную часть газетной площади занимал официоз, никуда от этого не денешься. А потом что-то такое типа "вести из аудиторий", "вести из общежития", карикатуры, стихи, пародии... Вот так вот это выглядело.

А.К.: Спасибо.

Александра Клименко. Кто вел лекции по истории отечества?

Борис Николаевич Морозов. По истории отечества с древнейших времен нам читал Аркадий Иванович Комиссаренко

А.К. Как вам лекции запомнились?

Б.М. Они были достаточно академические, особенно про ранний период, ну нормально, вполне по каким-то необходимым рамкам он нам это все читал, ведь он был специалист по 18 веку, и, может быть, про 18 век он наверное нам что-то интереснее рассказывал

А.К. А семинары по вспомогательным историческим дисциплинам?

Б.М. Вы знаете, так сложилось, что на самом деле я на первом курсе учился на вечернем, поэтому не занимался у А.А. Зимина, который вел семинар "дневникам", к ним я уже присоединился на 2 курсе. Палеографию, первое занятие, вел Юрий Яковлевич Рыбаков. Очень интересный ученый, правда, после знакомства с ним в Институте истории, я узнал, что он специалист по более позднему периоду, конкретно по 19 веку.

А.К. Что Вы можете сказать про кружки?

Б.М. Ну конечно для меня был главным кружок источниковедения, о котором я может быть и на вечернем слушал, а уже присоединился на 2 курсе.

А.К. Какие Вам вспоминаются наиболее яркие доклады? Обязательно расскажите про Ваш доклад.

Б.М. Я сам-то наверное докладов ярких не делал, сначала, и, конечно, мне все это было интересно, особенно выступление старших товарищей, т.н. "стариков", когда приходили уже выпускники института, туда и аспиранты Сигурда Оттовича. И вот потом ставший моим близким и приятелем, и коллегой старшим, Александр Александрович Амосов. Таких вот наиболее ярких кружковцев, конечно, и запомнил, поскольку потом соприкасался с ними в научной деятельности. А вот первые доклады... Какое-то слово я произносил по поводу любопытной статьи и, интересно, что она, эта статья стала для меня темой для исследования... статья выпускника нашего института Бочкова в Археографическом ежегоднике о легендах боярских родов, об их иноземном происхождении. И Сигурд Оттович мне предложил изучить и прочитать эту статью для дискуссии, но, по-моему, так дискуссия по этому поводу и не состоялась. А вот дискуссия, в которой я принимал участие, даже была опубликована, что можно считать вообще моим первым печатным словом, это было обсуждение нового Университетского учебника Источниковедения МГУ под редакцией Д.И. Ковальченко. Это было некой альтернативой учебнику Тихомирова.

А.К. А вот лекции по вспомогательным дисциплинам у вас Е.И. Каменцева читала?

Б.М. Да, конечно.

А.К. Ваше отношение к ее лекциям...

Б.М. Ну поскольку я других лекций не слушал, и поскольку мне это в принципе было интересно, мне казались эти лекции очень интересными. Тем более, что я знал, что это автор наших всех учебников, которые мы получили в библиотеке и которые на практических занятиях использовали, поэтому я с большим уважением относился к Елене Ивановне, с которой потом много пересекались и общались, много лет.

А.К. Замечали ли Вы что-нибудь особенное на самом экзамене? Насколько было реально записывать лекции?

Б.М. Я все-таки старался их записывать, эти записи у меня сохранились до сих пор. Конечно имеются в виду все вспомогательные дисциплины, но я их отличаю от моей главной, нынешней специальности. Это палеография. Палеография - это конечно учебник Черепнина, но и лекции ЕИ по основной дисциплине - Палеографии, меня тоже вполне устраивали.

А.К. А источниковедение?

Б.М. Источниковедение... Хорошо помню также 3 курс, советское источниковедение, семинары Евгения Алексеевича Луцкого... Это уже особая тема...

А.К. Что такого особого?

Б.М. Советское действительно отличалось от древнего, но все-таки благодаря каким-то навыкам средневекового источниковедения, я решил заняться текстологией, хотя во многом мне, наверное, и предложил тогда Евгений Алексеевич (это его тема, которой он занимался) Источниковедение документов периода октябрьской революции. Я взял просто газету "Рабочий и солдат", не самую как бы известную, но в общем-то наверно во многом более достоверную, как оказалось потом по публикации, важнейших текстов и сравнивал несколько номеров за период революции 24-ое, 25-ое, 26-ого октября, как были опубликованы первые декреты в "Солдатской Правде" и в "Известиях" и обнаружил целый ряд интересных моментов. Евгений Алексеевич меня рекомендовал на конкурс городской, если я не ошибаюсь, я там получил диплом за курсовую работу

А.К. наиболее ярко запомнившиеся моменты преподавания

Б.М. Ярких преподавателей вообще наверно было много... Ну вот историю Древнего мира нам читала Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн... Она была крупной ученой, это было видно, тем более занималась для нас малоизвестным, древней историей, Древней Грецией. Она еще в Греции даже бывала каким-то образом, такая яркая лекция, но это первый курс, тем более ведь я тогда на вечернем учился... Каких-то таких курьезных приключений я вот сейчас конечно же не помню, но вообще-то люди были интересные, Конечно потом со второго курса главные впечатления, главные эмоции были естественно на кружке источниковедения.

А.К. Можете что-нибудь сказать про кружок А.И. Комиссаренко?

Б.М. Я в свое время на него не ходил, хотя мои многие товарищи ходили и очень хорошо отзывались, у них была там такая дружная компания, не такая может быть большая, как у Сигурда Оттовича, но из кружка Комиссаренко тоже вышли хорошие люди, много известных ученых.

А.К. Кто преподавал ИГУ?

Б.М. Я слушал лекции Ерошкина Николая Петровича. ... Дореволюционные учреждения Ерошкина, а советские госучреждения вела Т.П. Коржихина. Тоже в общем-то впервые разработавшая такой предмет.

А.К. Расскажите пожалуйста о "духе времени", подворотнях, столовой, пьянстве.

Б.М. Столовая, как столовая. Уже конечно вспоминаешь там юбилей кружка Сигурда Оттовича. Там были хорошие юбилеи... Да... Но дух времени какой... он

был разный дух, разные люди были... Тогда было некое разделение, оно есть и сейчас, какие-то более продвинутые студенты в моде, рок-музыке... или там наоборот люди приехавшие из провинции, которые были вообще далеки от этого... Западное влияние очень медленно внедрялось.

А.К. У кого Вы писали диплом?

Б.М. Я стал дипломником С.О. Шмидта, потом аспирантом... Самое главное что Сигурд Оттович своих учеников не забывает. Я может быть был не самым таким активным, мог бы и диплом лучше написать, и потом в архиве работал, не торопился в аспирантуру, а он меня очень активно подталкивал к научной деятельности, правильно направлял и даже тему подсказал уже диссертации, которая оказалась для меня чрезвычайно близкой и плодотворной. Тема была Частные архивы 17 века. Никто не думал что я все эти архивы там в итоге сумею обработать, обобщить, но оказалось, что это мне было очень интересно, поэтому... сил было потрачено много и результатов тоже было достаточно много, хотя, к сожалению, книгу или каталог мне не удалось издать

А.К. Чем являлась нынешняя "Кружка"? Расскажите про Теремок и какие там располагались кафедры?

Б.М. Кружка - это наша столовая, а Теремок - это конечно слезы, тут можно говорить о многом. Нет слов лишился институт такого памятника... Конечно тогда была совершенно другая атмосфера, первые заседания Кружка, они же в нем проходили, а потом Теремок сначала встал на какой-то вечный ремонт, как характерно для советского времени, потом уже (в России) просто от нас отпал непонятным образом, но мы естественно надеемся, что все-таки Теремок к нам вернется!

Там кафедра Вспомогательных располагалась с одной стороны, и что-то было с другой. По-моему, Вспомогательные были сначала с двух сторон, а потом... (Мб... технические архивы)...

А.К. Технические архивы при Вас были впервые введены?

Б.М. Вроде да. Нам тоже какие-то элементы этих технических архивов пытались преподавать... А создал технические Архивы - А.А. Кузин.

А.К. Расскажите об организации работы в институте.

Б.М. То что мне было известно, было нормально организовано. Во всех семинарах было больше индивидуальной работы с каждым студентом в написании этих докладов, а потом их индивидуальное такое обсуждение. Организация была хорошая, в том смысле, что после 3 курса специальные дисциплины, архивного цикла, археографического, не очень отягощали и давали возможность заниматься не только личной жизнью, но и своим направлением, спецсеминары, спецкурсы, Может это и минус, что не было возможности каких-то других важных для историка дисциплин прослушать, но вот эта узкая специализация архивного института, она была сложившейся

А.К. А когда Вы начали преподавать?

Б.М. Я начал преподавать в "смутное время", это был 1984 г., Я только защитил диссертацию. Я был довольно немолодой кандидат наук, прошло почти 9 лет с окончания института. Потому что поздно защитил диссертацию, после окончания даже очной аспирантуры в срок. Диссертацию подготовил, все обсудил, но был перерыв в работе Ученого совета Института Истории, а хотелось

уже только там защищаться... Наверно я смотрел на студентов немного другими глазами: был практический опыт и научной, академической жизни, и архивной жизни, Начал преподавать с тех же вспомогательных, это было все очень интересно. Во-первых, это был Александр Лазаревич Станиславский, мой старший коллега, который мне очень много помогал, и в диссертации, и в каких-то научных разысканиях, еще первых моих, архивных.

А.К. Расскажите о нем еще что-нибудь

Б.М. Его приход тогда на кафедру изменил ее работу, он ввел новые направления, которые мне тогда были близки - изучение генеалогии, сословий. Изучение истории дворянства. Время еще смутное и советское, но было ясно, что этим можно потихонечку заниматься. Предчувствие перемен и в этом интересно отразилось.

А.К. Яркие моменты в период перестройки

Б.М. У меня были какие-то перерывы в преподавании, я уже перестал работать на вспомогательных, вот как раз в самый разгар перестройки... там 1988-89, уже начал работать у Старостина, читать спецкурс по частным архивам дореволюционной России и уже не так был погружен в институт. Перестройка, это такое явление... впервые можно было говорить... сейчас это само собой разумеется, что все темы можно было обсуждать, а тогда каждое новое слово, новое слово, которое нельзя было раньше сказать. Было очень интересно. Причем не только в обсуждении советской истории, но и в таких классических дисциплинах. Для меня это опять же изучение родословных, первая конференция по генеалогии 1989 г., которую, как раз кафедра вспомогательных дисциплин подготовила. Это было в общем большое явление для того круга людей, с которыми я с тех пор общаюсь. Люди, которые потом основали Дворянское собрание, Историко-родословное общество, интересные люди, с которыми судьба меня свела.

А.К. Расскажите пожалуйста про быт, интересные, забавные моменты.

Б.М. Я вспомнил, был забавный такой момент, одна деталь, известная компания Горбачевская алкогольная. В Институте Истории застолья были абсолютной традицией, в частности в том секторе источниковедения, где я был аспирантом. Ну, это как-то особо не поощрялось, но это была традиция этого сектора. Каждое заседание... на эту неделю все равно приходились какие-то дни рождения, может выход каких-нибудь там трудов, в общем, событие, которое можно было отметить. Это отмечали очень так основательно: готовили очень много закуски, это было все очень культурно. А помню, значит момент, когда защитил в МГИАИ диссертацию Владимир Фотиевич Козлов. И тогда же защитил Пашков - Ученик Елены Ивановны из Петрозаводска. Очень смешно скрывали то, что естественно выпивали и наливали коньяк в заварочный чайник и из него разливали. Все это конечно была просто комедия. естественно все это понимали, чем мы занимаемся, запах все равно б выдал. Но раз все-таки не положено, значит надо это не афишировать и пить коньяк из чайника.

А.К. Можете ли Вы что-нибудь рассказать про стенгазеты или иные подобные мероприятия

Б.М. Ну, общеинститутские очень смутно помню, зато помню юбилей Кружка или юбилей Сигурда Оттовича когда всякие интересные готовили стенды. В зале вывешивали фотографии, какие-то шаржи дружеские, рисунки.

Это запомнилось. А их было много, этих юбилеев. То был юбилей Сигурда Оттовича, то юбилей Кружка, и так раз в 2 года они как бы такой цикл проходили.

А.К. Особенности проведения экзаменов. Форма поведения...

Б.М. Сейчас ведь вообще таких экзаменов, может, нет. Вся большая группа сидит, трясется. Я старался сдавать в конце, последний. А люди уже не могли готовиться, а стремились сдать поскорее. В итоге они под дверью сидели, ждали своей очереди, просто нервничали. А я спокойно сидел, может быть, даже уходил куда-то в сторону и читал учебник до победного конца. Не успевал (студенту всегда не хватает одного дня что-то дочитать). Вот этот день я ухитрялся использовать до последнего момента и в общем это был верный расчет. Но надо было понимать, что преподаватель утомился, и можно было самому перегореть, но как-то у меня вот получалось.

А.К. А какая-нибудь диссидентская литература в стенах института?

Б.М. Я честно сказать этим не увлекался. И поэтому не знаю. В 70-е годы (я учился с 1971 по 1975 гг.) я в стенах института ее просто не видел, хотя конечно я мог себе представить что кто-то... Если этим заинтересоваться, то можно было там найти ее у кого-то, спросить и. т.д.

А.К. Что можете сказать про самого Мурашева?

Б.М. Ничего. Ну партийный там функционер, которого посадили на Историко-архивный институт. Он преподаватель истории партии был. Лекции я по-моему не его слушал по истории партии, экзамен я ему тоже не сдавал. Просто какая-то одиозная такая фигура. Еще была такая колоритная фигура, как Селезнев, профессор археологии, и не был ли он проректором. Но он такой был колоритный человек, просто он еще был как бы, ну не гонитель, но некий оппонент Сигурда Оттовича по теоретическим вопросам археологии, которые переходили на некую такую оппозиционность, ну не оппозиционность, а вот некую принципиальность. Сигурд Оттович был таким человеком в оппозиции. Ему ведь одно время почти не давали преподавать, но он приходил на кружок и боролся за его существование. Это наверно описано в каких-то воспоминаниях в наших юбилейных сборниках.

А.К. Какие-нибудь интересные моменты в научной деятельности, институтской жизни

Б.М. Институтская жизнь не только обучение, но и поездка на картошку, стройотряд. Я сразу после 2 курса поехал в строительный отряд. Вроде и в Подмосковье, где не ожидалась суровая жизнь, но это совпало со стихийным явлением природы - была сильнейшая жара, вся Москва была в дыму от горевших торфяников, Главное мы работали на горячей земле, это была очень тяжелая работа. одно время меняли шпалы на небольшой железной дороге. Когда мы утром ехали на электрической дрезине, шины под нами просто горели, воспламенялись от жары. Тяжело. Эта жара была в течении двух месяцев. Потом вот этот год так затянулся, что никак не могли начать учиться, потому что после стройотряда сразу на месяц в сентябре отправились на картошку. Там был холод и сырость, и так месяц жили под Дмитровом. После стройотряда немного надоела уже походная жизнь, хотелось вернуться в нормальные условия. Но тоже было интересно, были там свои развлечения. Затянулась конечно эта поездка и картошка.

А.К. Какие-нибудь мероприятия студенческие

Б.М. Ну, вечера были, но в основном перед разными праздниками, а комсомольскими мероприятиями не утомляли. Походов, поездок особо тоже не было.

А.К. Было ли какое-то особое воздействие со стороны партии?

Б.М. Нет, какая партия? Да в общем-то все нормальные люди, все преподаватели были достаточно в этом смысле ну не то, чтобы аполитичны, но понимали, что... Фразеология она надоедала, конечно надо было эти заклинания произносить. Например, в курсовых работах про 16 век, или в дипломных ссылаться на Ленина, на Маркса, но в целом все-таки в такой нормальной интеллигентской среде это всерьез никто не воспринимал. Историю партии учили, сдавали, там тоже были какие-то моменты интересные... Хотя это понятно было, что в других ВУЗах история партии заменяла просто историю и это было искажением сознания, но ведь мы учили и нормальную историю, поэтому может нам немножко легче было.

А.К. Не приходили ли люди из КГБ насчет работы в их архивах?

Б.М. Насчет архивов - нет, но я знаю, что какие-то вербовщики ходили. Моего однокурсника завербовали силком уже когда он работал в архиве по окончании института. Ну, правда силком или он по своей воле, - я не знаю. Он был член партии, поэтому никакие отговорки не принимались, хотя он был даже не военнообязанный. У него было очень плохое зрение. Он даже потом там какую-то определенную карьеру сделал.

А.К. Как вы ощущали идеологическое влияние при написании научных статей?

Б.М. Нам надо было цитату Ленина все-таки вставить, а так в написании работ чувствовал себя достаточно свободно. Мало того, мы даже баловались тем, что сами готовили аспирантские сборники в Институте Истории СССР, которые должны были везти в цензуру и их там нам утверждали, а потом уже после этого мы там меняли страницы, но не ради каких-то политических действий, а просто так, хотя это нельзя было категорически делать. Просто исправляли какие-то свои тексты. Эти же тексты отдавали в наш институт для печатания. В общем, могли написать что угодно.

Игорь Владимирович Курукин: Значит, поступали мы с моими друзьями, среди них была наша Марина Петровна Мохначева, как раз, ныне здравствующая, профессор, летом 1970 года. Лето было жаркое, поступление помню до сих пор хорошо, потому что я тогда, к большому для себя удивлению, получил четверку по истории, для меня это было страшный удар, потому что я считал, как всякий нормальный абитуриент, что уж историю-то я знаю отлично на пятерку. Я получил четыре, и страшно обиделся по этому поводу. Может быть от этого, от огорчения, все остальное сдал на пятерки. Хотя переживал, но поступил. Конкурс был большой, тогда было одиннадцать человек на место в Историко-архивный институт на факультет архивного дела. И должен сказать, это можно, конечно, считать старческим брюзжанием, что подготовка тогда была повыше, чем сейчас. Все-таки, тогдашние абитуриенты историю, мягко говоря, знали лучше, чем сейчас, когда меня спрашивают, что такое Куликовская битва или чем Екатерина Первая отличается от Екатерины Второй. Тогда таких вещей на экзамене не было. Во всяком случае, в моем присутствии.

Шел сюда вполне целенаправленно, потому что все-таки Историко-архивный институт, для нашего поколения, это такая, несколько уникальная, вещь, которая... Исторические факультеты - они были и в Москве, и в Питере, и в Ростове, и где угодно, а вот Историко-архивного института больше не было -... Ну, мы имели, естественно, смутное представление о профессии архивиста, понятно, как любой абитуриент, но тем не менее мы знали, что это есть нечто такое, чего нет нигде. И даже по тем незначительным разговорам со знакомыми, из некоторых книжек - были тогда популярные книжки, даже в то время, из которых мы узнавали все-таки о том, что есть такая завлекательная область истории, есть исторические источники, есть какие-то документы, которые где-то хранятся, которые в себе содержат всякие интересные и тайны, и так далее. И поэтому я шел сюда целенаправленно и был, естественно, очень доволен, когда поступил.

Группы у нас были большие. На ФАДе было тогда две группы, и в каждой - по 28-30 человек. В основном, дамский коллектив был, естественно, ребят было мало. Поэтому учиться было интересно. Особенно в общаге на Стромынке, в ее бесконечных коридорах, где в одной комнате жило по 8-10 человек наших барышень, к которым мы приезжали в гости.

Из преподавателей - кого, конечно, можно выделить сразу? Ну естественно, моего учителя, Сигурда Оттовича Шмидта, которому я, собственно, обязан и тем, что я пришел в науку, который привил вкус к настоящей научной работе и одна очень важная вещь. Работа в кружке дала понятие планки: есть уровень, до которого ты должен допрыгнуть. Если не можешь - лучше не берись, отвали отсюда. Это до сих пор, как было заложено тогда, в студенческие годы, так осталось сейчас. Вот есть планка, ниже опускаться нельзя, лучше застрелиться - вот так. Вот, наверно, это, конечно. Ну, Сигурд Оттович вообще - отдельная песня, если о ней начинать рассказывать, то... это лучше спросить у Сергея Михайловича Каштанова, он сделает гораздо лучше, поскольку он всегда делает на юбилейных вечерах, у меня так не получится.

А кто еще? Николай Петрович Ерошкин, блестящие лекции по истории государственных учреждений. При этом не только содержание, но исполнение, потому что лектор - это, все-таки, человек, который должен слушателя

заинтересовать. Что мне были эти государственные учреждения, но слушал я эти лекции с огромным удовольствием. На семинарах, запомнился, наверное, кто? Александр Давидович Степанский. Умница вот такая, который терпеливо с нами щенятами возился. К нему до сих пор питаю такие нежные чувства. Выходит книжка - я дарю ее Александру Давидовичу Степанскому, потому что он читал мою первую курсовую работу, по истории Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, и делал это терпеливо, и так вот, с большим уважением к этому паршивому студенту, который там чего-то демонстрировал, что он якобы знает, хотя всего-навсего переписывал хорошо известные книжки. Так что ему очень благодарен.

Как ни странно, Виктор Борисович Киор, человек, который вел у нас семинары по истории коммунистической партии Советского Союза - так вот вел он у нас эти семинары и умудрялся делать это интересно, чего я в жизни не подозревал. Поэтому мы - вот мои коллеги соврать не дадут - мы на него ходили с удовольствием, интересно было. "Сейчас я вам чего-нибудь расскажу" - и ведь не только сам рассказывал, но и мы там спорили, дискутировали. Чтобы сделать из истории КПСС нечто интересное - это высший класс.. Я б не смог.

Вот это, пожалуй, то, что сразу бросается в глаза, те, кого я хорошо запомнил с тех пор. В принципе, средний уровень был достаточно высоким. У меня, к сожалению, не очень хорошо отложились в памяти, собственно, архивоведческие дисциплины, хотя, в общем, для нас они были достаточно существенны. Но тут проблема та, что это начинает восприниматься и пониматься всерьез, тогда, когда начинаешь сам работать в архиве - что и делаю по сей день. А пока ты зелёный студент, до тебя это как-то не доходит. А вот когда ты уже столкнешься с этими вещами на четвертом, пятом курсе, да и потом, когда начинаешь постоянно работать в архивах - вот тогда-то и начинаешь понимать, как это нужно. Так что желательно, чтобы эти архивоведческие штудии были тесно соединены с практикой.

А.К.: Источниковедение.

И.К.: Источниковедение, само собой. Источниковедение у нас читала - Николаева?.

Средние века у нас читала Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн, Новое время у нас читала Марина Панченкова, отчество забыл.

А курс источниковедения тогда особого впечатления не произвел. Вот занятия по палеографии хорошо помню. Потому, что практически приходилось разбираться с текстами. А теоретическое Ив, пока ты опять же, студент зелёный, пока ты с этими вещами практически не сталкиваешься, было чем-то отвлеченным. И вкус к этому дал опять же кружок Ив, когда каждое заседание - это, так или иначе, приходилось вникать в те или иные проблемы на основании самых разных источников. Поэтому для меня это было гораздо больше, чем просто курс ив. Сегодня речь шла о летописях 16 века, завтра - о каких-нибудь, допустим, мемуарах 18 века, послезавтра, на следующей неделе, - о массовых источниках 20 века, газетном тексте. Вот это и было очень интересно. А.К.: А какие первые доклады, Вы сделали на кружке?

И.К.: Ну естественно сразу, что я могу вспомнить - это, понятно, по теме своего диплома. Я занимался тогда, с легкой руки Сигурда Оттовича, 16 веком -

и не я один: Борис Николаевич Морозов, ныне здравствующий, Сергей Александрович Морозов, он ныне здравствует, но где-то далеко, кажется, в Краснодаре, мы все одного выпуска, все дипломники шмидтовские тогдашнего курса, и вот по теме своего диплома я и выступал, о духовнике Сильвестре, духовнике Ивана Грозного. Это была моя тема дипломная, потом кандидатской диссертации. Так что вот эти сюжеты я воспринимал через кружок, а не через лекционную работу.

Но были, конечно, всякие интересные вещи. Была одна дама, которая преподавала у нас историю государства и права. Как звали не помню, была она доцент, фамилия у нее была Скултынь. Сдать было невозможно ничего, я учился хорошо, хотя и не был отличником, но к этой даме я ходил восемь раз пересдавать, такого у меня не было никогда. Я был неплохим студентом, прямо скажем, но чтобы восемь раз пересдавать - вот такого у меня больше ни разу не было. И ведь советское право - оно было немножко попроще, чем нынешнее.

Ну, аудитории были те же. Собственно, мало что у нас здесь изменилось, в Историко-архивном. Единственное что, конечно, очень жалко, мы же занимались в теремке, а нынешнее поколение, уже, небось, и не знает, как он выглядит внутри. Заседания кружка, да и занятия по некоторым предметам, иногда проходили в теремке.

А.К.: там же кафедры какие-то располагались?

И.К.: И кафедры, и зал заседаний, то есть вот большое помещение, в центре теремка, где идет крыльцо, и какие-то хозяйственные помещения, но там были аудитории и мы там занимались. И вот это вот все-таки, особенно когда заседание кружка в теремке, вот эта сама атмосфера историческая, она конечно, формировала как-то незаметным образом, наши вкусы и представления, а нынешнее поколение всего этого лишено.

А.К.: А все-таки, насчет кружков. Какие-нибудь чужие доклады вам запомнились?

И.К.: Запомнились. Были люди, ну, понимаете, были интересные доклады, но ведь для студента первого-второго курса, особенно первого-второго курса, еще важно кто как выступает. Поэтому когда приходил Валентин Лаврентьевич Янин со свежими берестяными грамотами, которые только что найдены - ну естественно запомнилось, а как же? Еще люди, которые умели выступать, потому что есть люди очень интересны, но не умеют блестяще выступать перед не слишком искушённой аудиторией. Поэтому, конечно, Валентин Лаврентьевич Янин, конечно, блестящий Натан Яковлевич Эйдельман приходил, всегда были гости на кружке вот такого уровня, как не запомнилось? Еще как запомнилось!

Студенческие доклады - кто запомнился из старших коллег, из блестящих - к сожалению, ныне покойный, Александр Александрович Амосов. Потом он стал руководителем научных экспедиций, пополнивших фонд древних рукописей, научным руководителем коллектива ученых Москвы, Ленинграда, Вологды, Сыктывкара, занимавшегося изучением фондов документальных памятников истории в областных и районных музеях. К сожалению опять же покойный, талантливый и энергичный Андрей Зайцев. Вот это люди, которые умели очень интересно выступать. Приходил слушать из удовольствия, потому что это всегда

будет интересно. Вот этих людей, конечно, я хотел бы отметить, потому что я к ним относился, хотя они были совсем немногим старше меня, как к старшим и маститым товарищам, так чувствовал, что мне до них далеко.

А.К.: Как вы пришли к своей теме?

И.К.: А как-то само собой, естественно. Мне была интересна эпоха Ивана Грозного, я ещё будучи школьником, жела отыскать загадочную библиотеку царя... Действительно, время яркое, и тогда я был этим очень увлечен. Помню, я хватал СО за пиджак, от робости, естественно, и говорил, что я буду, я хотел бы искать библиотеку Ивана Грозного, и СО меня вежливо отговаривал, говорил, что это ладно, как-нибудь, что не это самая большая и проблема. Уговорил. Может быть, и к лучшему, для своей научной репутации. Потом я ушел от 16 века в более позднее время, но тогда мне все было это очень интересно. Поэтому опять же совершенно естественно, что диплом мы тогда выбирали не на последнем курсе, а на третьем, подготовка - и теоретическая, по курсам, и практическая в кружке - она, как бы сориентировала, естественно, на работу в архиве. Поэтому уже, допустим, на 4 курсе все мы, все те люди, с которыми мы были в кружке с моего курса и с которыми мы писали диплом, мы все работали в архиве, и в архиве древних актов, и я, например, систематически ездил по месяцам в Петербург (в Публичку - в отдел рукописей, в тогдашний ЦГИАЛ, в архив Ленинградского отделения Института истории СССР), тогда студент бедный мог это делать запросто, без проблем. Жили тогда в Петербурге прямо в здании Сената, там была маленькое общежитие замечательное. Все это было дешево, удобно, и все архивы рядом. Вот тогда, уже 4 курс - не 5, а именно конец 3, 4 курс все уже были совершенно в работе над своими сюжетами. А потом из этого диплома выросла диссертация. Сигурд Оттович не руководит написанием в том смысле, что он не давал задания и не проверял, что там написано, вот в том смысле, что тут же тебе говорят, что надо делать. Сигурд Оттович умеет своим замечанием или размышлением над твоим текстом натолкнуть на какую-то идею. Правда, надо разбирать его каракули, когда он пишет, но когда разберешь - тут и подумаешь: "Ой, елки-палки, а как же до этого не дошел! А надо еще и над этим подумать!". И у тебя появляются сразу какие-то перспективы, то есть, сходить туда-то, еще посмотреть то-то, а еще познакомиться с такой книжкой.. И вот это формировало в нас навыки самостоятельной научной работы. Вот, что я сейчас уже, в возрасте, стал ценить - умение самостоятельной работы, когда ты не бегаешь за ценными указаниями, а когда ты понимаешь - что смог сделать, а что - нет. Вот все это привил Сигурд Оттович, дай бог ему здоровья, большое ему спасибо.

Я существо не слишком общественное, поэтому за исключением кружка я в собой общественной жизни мало принимал участие, тем более, что, начиная с 1 курса, с лета первого курса, ездил в археологические экспедиции, и благодаря советской археологии и Институту археологии, я побывал везде, где только мог, начиная от Средней Азии и кончая Арктикой, Шпицбергом. Собственно, с тех пор так и езжу, больше тридцати полевых сезонов. А началось это тогда. Обычно, как лето - к сожалению, мы тогда не могли сдавать экзамены досрочно, были все-таки жесткие рамки сессии, но как только сдан последний экзамен - все! рюкзак, поезд или самолет - и меня нет. А если есть возможность опоздать - то есть, в экспедиции делают какую-нибудь справку, что ввиду непролазного

состояния дорог или отсутствия поездов, или еще чего-нибудь, то можно было появиться где-нибудь в середине сентября.

А.К.: А как же практика, например, делопроизводство?

И.К.: Нет, практика была. И практика в архиве древних актов, которая мне хорошо запомнилась, естественно, потому что я уже к тому времени архиве было все знакомо, и в других архивах тоже. А.К.: У вас была сплоченность курса, группы?

И.К.: сплоченной группа может быть тогда, когда она достаточно маленькая, когда группа большая - в ней, естественно, разные люди, ну три десятка человек, поэтому внутри будут всегда свои микроколлективы. Ну понятно, что были какие-то общие интересы. Вот, мы говорим, ребят, приходит староста наша Оля Бондаренко, которая работает теперь в в Кремле, в наградном отделе, и говорит: "Ребята, есть предложения, когда нам сдавать этот зачет". мы это все обсуждаем, естественно, это общие интересы, а когда речь идет о личной жизни, здесь будет своя маленькая компания, тут будет другая немножко компания, тут будет третья компания, поэтому... ну, у нас сложилась такая компания. К сожалению, давно его не видел - был такой Володя Кондратьев, который теперь несколько отдалился, а вот к примеру мой друг Володя Еремченко, который теперь ответственный человек в федеральной архивной службе - как мы стали друзьями тогда, в студенческие годы, так мы до сих пор и дружим. Вот, Марина Мохначева, с которой мы тоже дружим до сих пор, хотя у нас были разные научные руководители и мы занимались разными научными вещами. Но вот в группе, это вот мои друзья с тех пор, это так и осталось. А были люди, с которыми у меня... не то чтобы с кем-то ссорились, у нас вроде группа была нормальная, но были люди, с которыми не было достаточно теплых отношений: учились вместе, разъехались, с тех пор так особо и не виделись.

А.К.: Но все-таки, про студенческую жизнь расскажите, про разные мероприятия какие-нибудь.

И.К.: Ну мероприятия какие? Помню кое-что здесь устраивали танцы, потому что мы до них доходили, да. Ну как же не ходить, мы же здесь такие подарки были, нас было мало. Как не ходить - столько было прелестных барышень! А прочих мероприятий, честно говоря, особенно не помню. Ну были, естественно, комсомольские собрания, ходили мы на них, понятно. Это к вопросу, никакого особого диссидентства я не замечал, но были вполне нормальные для своей эпохи - надо отбыть - пришли, отбыли. Сидишь на собрании, скучно - книжку почитать можно было.

А.К.: А что, не было таких вот диссидентских?

И.К.: Ты знаешь, оно опять же, может и было, но вот там, где как бы я учился, мы были абсолютно нормальными людьми своей эпохи, мы занимались своим делом, нам было интересно, вот в чем дело. А поэтому, тс, ну был там предмет научный коммунизм, ну читали нам там забавные вещи, я целую тетрадку исписал фразами с этих лекций, она была очень смешная, и потом мы иногда, опять же, за пивком, друг другу цитировали высказывания с этих лекций. Жалко, я по-моему эту тетрадку выбросил, ее сейчас можно было бы опубликовать, это

было бы интересно. Ну опять же, это воспринималось, вот как вы платите в метро за билет: цены выросли, но все равно, ездить надо. Так и здесь, надо отбыть. Пришли, отбыли. Сдать надо - сдали. Поэтому как-то, тс, выходить на демонстрацию - не хотелось, честно могу сказать. А зачем? Есть Историчка, в Историчке есть такие интересные вещи, которых нет в каталоге.

А.К.: А Историчка до 10 или до 11 работала?

И.К.: Тогда работала, по-моему, до 10. Другое дело, что все равно, выгоняли раньше, то есть, до 10 не сидишь. Историчка работала, туда так интересно было приходить. Вот те люди, которые меня консультировали - они теперь начальники читальных залов. Эти люди всегда помогут разыскать что-нибудь редкое, дадут книжки интересные, которых нет в каталогах. Мне вот там было интересно. Были ученые люди, опять таки, тот круг, который группировался вокруг, и политикой никто не интересовался. Просто, это было за пределами, за рамками, нас это особо не волновало.

Атмосфера действительно творческая, которая складывалась вокруг Сигурда Оттовича и его кружка, она нас избавляла от казенщины, мы учились ее не замечать. Когда у человека есть свое дело, которое интересует, то, что здорово, то, что нравится, - прочее воспринимать легче. Ну есть там какие-то очередные распоряжения, ну надо нам выйти на демонстрацию, ну взяли портвейна на демонстрацию, и как-то такое что-то там, кричали: "больше хлеба, больше мяса, больше молока". Или "Да здравствует партия, передняя часть народа!". Ну, ради бога, ну, пожалуйста, но назвать это диссидентством, я бы не сказал, просто, было весело, вот и все. Поэтому, относились к этим вещам с достаточным юмором, и это как бы не давило на нас, хотя это были семидесятые годы - считай, застой и так далее. В институте все-таки, благодаря преподавателям, которых я назвал, всегда была достаточно интересная атмосфера.

А.К.: А публиковать свои работы?

И.К.: Публиковать работы было неизменно труднее, чем сейчас. Но эта проблема появлялась не в студенческие годы, а когда уже стал аспирантом и нужно - в обязательном порядке - публикации. А тогда это конечно была проблема, потому что были строгие нормы. Они и сейчас сохранились, но нынче есть огромное количество изданий, где можно опубликоваться, а тогда опубликовать работу - это было тяжело, это надо было бежать, это надо было попасть в какие-то студенческие сборники, сейчас это неизмеримо легче. Во всяком случае, то ли мне так кажется, с высоты моего возраста и положения, не знаю. Но тогда это было гораздо труднее..

А как было не выпить! Обязательно! а еще, тс, можно было сыграть в покер. Мы где-то целый семестр играли в азартные игры, по копейке ставка. Где придется, там и играли, иногда прямо на лекциях, когда не интересно, естественно. Там надо было трое, и мы, значит, с друзьями садились. А еще там, где администрация президента - там был замечательный дом, он не сохранился, там был замечательный теплый подъезд, с теплым туалетом и широкими подоконниками. Там иногда осенними вечерами мы собирались с бутылочкой портвейна и душевными разговорами о политическом положении в стране. Но теперь этого дома уже не осталось. А вообще, и к барышням ездили, естественно, с тем же портвейном, шампанским, сухим вином и прочими разными

удовольствиями. Благо, ездить было довольно удобно: быстро до Сокольников, там пешком до Стромьинки, там нас уже ждали барышня, потом расползались домой, с веселыми песнями, я как раз об этом написал одну из последних книг, какие песни мы там пели.

А.В. Крушельницкий. Экзамен проводился Ерошкиным таким образом: он всегда предупреждал - у нас же экзамен проводился в устной форме только, никаких других не было, - но он всегда предупреждал на первой лекции - то, что я стараюсь теперь делать, - что на результат экзамена будет влиять общее впечатление, которое оставило у преподавателя знакомство с письменной работой студента. Он сам вел семинарские занятия и в первой, и во второй группе - у нас было только две группы. Я был в первой группе, и получалось, что первый семинар - он, естественно, был [сначала] у первой группы, а потом уже обваливался на вторую. И когда у нас получилось первое семинарское занятие, мы еще не знали, как он их проводит. А он поводил семинарские занятия довольно своеобразно. Во-первых, семинарские занятия проводились в форме конференций - традиционная форма, когда студент готовит так называемый доклад и его читает. Заранее подготовлены два оппонента, которые выступают со своими отзывами на этот доклад, потом читается еще какой-то доклад - и [выступают] еще два оппонента, а уже в конце семинарского занятия на протяжении пяти минут подводит итоги сам преподаватель.

Мы об этом ничего не знали, мы были "зеленые", напуганные лекциями, потому что из лекций мы толком ничего уяснить не могли. Мы только понимали, что все это достаточно интересно, но постольку, поскольку очень плохо знали историю России как таковую, у нас получалось несовпадение уровней информации. То есть некоторые блоки информации, которые кидал в нас Николай Петрович на лекциях, - они как-то свистели над нами, не затрагивая никаких ассоциативных связей. Он, например, делал какой-то тонкий намек, - а для нас это были какие-то "толстые обстоятельства". Мы ни черта не понимали, большая часть из нас, потому что уровень знаний Отечественной истории, с которым мы приходили после средней школы, и уровень знаний, который давала кафедра Истории СССР, как тогда называлась кафедра Отечественной истории, [не соответствовал уровню знаний, на который были рассчитаны лекции].

Кафедра [Истории СССР] в просторечии называлась "кафедрой черных полковников" - там работали только отставники из Военно-политической Академии. Я прекрасно помню, что они все как один хорошо знали тему "Руководящее участие Иосифа Виссарионовича в гражданской войне". Обратите внимание, это не 1952 год - это 1972 год, но "руководящее участие товарища Сталина в гражданской войне в СССР" (не в России - в СССР, оказывается, была гражданская война(!)) - вот это мы изучали четко. "Основные наступательные операции в Великой Отечественной войне", "Основные предпосылки победы Советского Союза в Великой Отечественной войне" - основной, конечно, была "партиполитработа, осуществляемая партийно-политическими органами", - вот такие вещи в нас вдалбливали. А относительно перипетий взаимоотношений древнерусских ветвей рюричского дома или то, что было, скажем, связано с реальными событиями политической и социально-экономической истории Московского царства XVI-XVII веков, - мы этого, конечно, просто не понимали и не знали. О Петре Великом было представление настолько убогое, что я прекрасно помню, что впервые я начал хоть что-то кумекать в петровской эпохе лишь тогда, когда начал корпеть над ерошкинским томом, связанным с организацией управления в петровскую эпоху. Хотя, казалось бы, представления о петровской эпохе должны были быть на протяжении первого курса заронены в

мою несчастную голову. Нет, ни фига. Вот когда ерошкинский учебник взял в руки, когда начал к этому делу продираться, - началась какая-то информация.

А Ерошкин-то рассчитывал на то, что мы, в общем-то, люди, в какой-то степени, просвещенные, и, по-моему, не очень смотрел на выражение "морда лица", потому что на "мордах лица" в аудитории были написаны смешанные чувства. Но он так увлеклся собственным рассказом, что уже, видимо, не замечал, что с определенного момента глаза начинают "идти на конус", и аудитория утрачивает контакт с реальностью и воспринимает финтифлюшки, не понимая, что это не просто украшения и не просто фигуры речи, а достаточно логично и последовательно выстроенное фактологическое обрамление очень серьезных вещей, которые он пытается нам сообщить. Просто он пытается сделать это не так, как это сделано в учебнике, он не хочет дублировать свой учебник.

И вот когда все-таки лекции заканчивались, люди расходились опять-таки со смешанными чувствами. Потому что, с одной стороны, было интересно, и в некоторых случаях даже весело, потому что он работал на серьезных контрастах. Он иногда рассказывал анекдоты, извлеченные из глубин памяти по принципу: отберу-ка я анекдоты, вызывающие смех самой парадоксальностью ситуации, - причем все это были анекдоты исторические, настоящие. С одной стороны, все это было весело, а с другой стороны, когда мы выходили из аудитории - а Ерошкин читал лекции всегда в одной аудитории, только в сорок второй, - и спускались до первого этажа, на смену хорошему настроению приходило некое уныние, потому что приближались какие-то аттестационно-итоговые мероприятия, и надо было сдавать зачет, надо было сдавать экзамен. Вот на этой волне смешанных чувств мы и подошли к первому семинарскому занятию.

А семинарские занятия он всегда четко и грамотно выстраивал. Семинарские занятия шли блоком вместо лекций в самом конце каждого семестра, то есть давалось время подготовить студенческие доклады. Он проводил первое установочное семинарское занятие - очень короткое, потом, в оставшееся время, читал лекцию. Никаких письменных методических рекомендаций не раздавалось. Каждый мог выбрать себе тему, и на этом студенческая самостоятельность заканчивалась - представляете, какими принципами мы бы руководствовались, если не знали материала, в самом начале учебного года! Кто-то "на Лазаря" выбирал себе тему, за ним намертво эта тема закреплялась, и уже отказаться от нее было нельзя, и переменить ее было нельзя. Дальше все совершалось по принципу: "поди туда, не знаю куда, принеси то, сам не знаешь что" или "один я знаю, что". Мне, например, досталась тема "Ставка Верховного Главнокомандующего в годы Первой мировой [войны]". Я не имел ни малейшего понятия о том, где я буду брать материал, какую литературу я буду подбирать, откуда я буду брать источники. Кстати говоря, никакой огромной литературы по истории Первой мировой войны в начале семидесятых годов у нас в стране просто не было, Первая мировая война была тогда просто табуирована. Источники были максимально ограничены: кроме "250 дней в царской Ставке" Михаила Лемке больше ничего на поверхности - то и не лежало - и то, это надо было самостоятельно найти. Подходить к Ерошкину и спрашивать у него советов и рекомендаций по поводу литературы и источников - он знал, безусловно, все это наизусть, - [было бесполезно]. Он никогда никому

ничего не подсказывал, и всегда говорил: "Ну, это Вы пойдете в библиотеку, обратитесь к систематическому каталогу и найдете сами", - и на этом все рекомендации заканчивались. Вот так учат плавать - бросают в воду: выплывет - выплывет, не выплывет - значит, утонул, туда ему и дорога, раз не умеет плавать. Злобу это конечно вызывало отчаянную, тем более у тех, кто обращался к нему с таким вопросом за неделю до того момента, когда нужно было отчитываться по своему докладу.

Я, видя, как обламываются мои коллеги по несчастью, спрашивать у него совета не стал, попытался найти все это сам. Получил немалое удовольствие, в конечном итоге, потому что, действительно, все, что надо было, нашел сам. Вернее, все, что мог, нашел сам, и страшно собой гордился при этом, и думал: "Какой я умный, как я нашел много, - второй курс все очень умные, - нашел много источников, целых два!": "250 дней в царской Ставке" Лемке и телефонный справочник Штаба Верховного Главнокомандования". Даже не один телефонный справочник, а три: первый был датирован [19]14 г., второй [19]15 г., и третий - [19]16 г., и еще "Положение о полевом управлении войск в военное время". И вот из этих трех кусков на самом деле что-то я сочинил, и думал: "Ну вот сейчас как прочитаю, он меня как похвалит!". Похвалы хотелось безумно, потому что представление было о Ерошкине в результате его лекций, в результате сопоставления с теми лекциями, которые нам читали "черные полковники" - ну, академик снизошел. Он тогда еще был кандидат наук, и было-то ему от роду сравнительно немного - во всяком случае, он был значительно моложе, чем я сейчас, - но представление было, что вот такой маститый старец "нас заметит, и в гроб сходя, благословит"! Вот это вот ожидалось - не то, чтобы он в гроб сходил, конечно, а то, чтобы он благословил. Я, конечно же, вылез в первый семинар. И слава Богу, что я хотя бы был не первый - до меня выступал мой коллега по несчастью, Юра Бендерин, потом и я "второй серией" шел.

А семинары Ерошкин проводил весьма оригинально. Он сидел с абсолютно отсутствующим видом: было такое ощущение, что он вообще не слушает, что он где-то в эмпиреях. Это страшно давило на нервы, потому что группа, которая сидела перед твоими глазами, откровенно насмешничала, строила рожи, делала "козу", делала рожки, писала какие-то записочки, показывала из-за парты в проходе кукиш тебе, всячески стремясь, чтобы ты либо прыснул, либо что-нибудь не то сделал, и как бы разбудил преподавателя. И на первом семинаре, когда мы читали свои опусы, а Ерошкин вроде нас слушал, мы даже не знали - может, он действительно заснул!?

Он сидел с остановившимся совершенно лицом, упирая взор куда-то в пространство - было абсолютное ощущение того, что он отсутствует. То есть здесь его физическое тело, а астральное тело куда-то отлетело. Единственное, что он себе позволил сделать, [когда Бендерин выступал], - он посмотрел на часы где-то за семь минут до конца первой сорокапятиминутки, постучал пальцем по столу: "Докладчику надо помнить о своих оппонентах, им тоже высказаться надо", - и опять куда-то отрубился. Прозвенел звонок (у нас звенел звонок тогда), оппоненты выступить по Бендерину не успели. Мы по звонку встали, а он остался сидеть - в той же самой позе. Когда заполнилась аудитория после перерыва, он посмотрел на нас:

- Кто следующий?

- Я...

- Ну идите, что Вы ждете?

Я подошел, открыл доклад, начал читать - просто весь текст. Он на меня посмотрел - ничего не сказал, и опять куда-то "отлетел". Бендерину-то он дал возможность говорить, по крайней мере, тридцать пять минут, а тут [остановил] на двадцатой минуте - а я где-то в самом начале! Я же написал страниц 50-60 убористым почерком, причем без единой помарки, - я же самому сдавал! Поэтому, как только я допускал какую-то марашку, я сразу весь листок рвал в ожесточении, и все с самого начала переписывал. У меня подстрочные примечания были обозначены цифирками, вписанными другим цветом шариковой ручки, и все это было каллиграфическим почерком выписано; и все схемы в приложении были вычерчены специально чертежной тушью на ватмане - значит, вспомнил уроки черчения, и батюшка помогал с высокой штабной культурой - показывал, как все это делается. В общем, я подготовился вроде бы хорошо, но мне дали возможность прочитать только введение и какую-то часть первой главы. Мне сказали:

- Все, Ваше время кончилось.

- ???

- Но надо дать время еще оппоненту. Ваше время кончилось.

Я был совершенно размазан, убит просто. И сразу же выступили оппоненты - причем их он не подгонял. Они выступили, Ерошкин сказал: "Ну всё, все сказали? Всё сказали, хорошо. Теперь я скажу". И оказалось, что слышал каждую бяку-закаляку кусачую! И он по памяти воспроизвел все наши глупости, перечислил их, сгруппировав, очень четко расставил акценты. Сказал, где был "колпак сшит не по-колпаковски", и в каком месте его надо расколпаковать, и как его надо переколпаковать, для того, чтобы ему сдать, - это он, в основном, про Бендерина говорил.

Про меня он сказал так: "Это Вам на будущее наука. Полностью текст такого громоздкого сочинения выслушать не сможет никто. А дочитать его до конца Вам просто никогда не дадут. Вы должны были, если уж Вы написали такое полное собрание сочинений, написать какое-то краткое резюме, и познакомить Ваших обалдевших слушателей с этим опусом именно таким методом. А уж слушать Ваше занудство с первой строчки до последней, это издевательство над аудиторией". Я думаю: "Ну, все!.. размазал, искалечил просто", - что еще можно сказать? Что называется, поиздевался "в грубой форме". Потом я сдал эту работу - он же сразу забрал их для проверки. Я прекрасно помню, как я шел домой после всего этого дела и думал: "Вот же, черт возьми! Ну хорошо, я хоть радость получил, пока эту работу писал.."

Я из Исторички уходил, что называется, с последней крысой, когда там уже весь свет гасили, писал всю зиму, можно сказать - читал-то весной, а писал зимой. Впервые столкнулся с этими источниками, впервые понял, как можно извлекать информацию, обалдел от того, что я, оказывается, могу создать нечто, что до меня не создавалось. Я понял, что Советская Историческая энциклопедия, в которой тоже есть статья о Ставке Верховного Главнокомандующего периода Первой Мировой войны содержит грубейшие ляпы, и то, что опубликовано в Советской Исторической энциклопедии, - а для нас тогда это была истина в последней инстанции - это "бред сивой кобылы". Статья эта про Ставку, написанная

Александром Георгиевичем Кавтарадзе, была построена по принципу: "в Симферополе некрополь, а в некрополе Мелитополь". Схема, которая была приложена к этой статье, абсолютно не лезла ни в какие ворота - я уж не знаю, по каким причинам, ведь Кавтарадзе - хороший исследователь и добросовестный... Кроме того, я понял, с именем какого военачальника были связаны основные бюрократические задумки в Ставке Верховного Главнокомандующего - то есть я самоудовлетворился по полной программе!

Вот я шел домой и думал - а ехать мне надо было далеко, в Кузьминки, - я ехал домой и думал: "Ну хоть удовольствие получил, за что же он меня так размазал?" А у нас ребята едкие были, и, конечно же, не успев еще выйти из института, я свою порцию "утешительных призов", от своих замечательных доброжелателей получил. Я думаю: хорошо, что я никогда не выпендривался - потому что, если бы я еще и выпендрился, то было бы совсем скверно. Горше всего досталось на протяжении этого семестра именно мне, потому что, как оказалось, Ерошкин - видимо, специально, - из меня сделал "именинника", чтобы, что называется, другим "не повадно было". Может быть, он решил, что все-таки некоторых надо пошлепать, для того, чтобы они поуменьли.

Короче говоря, возвращается с проверки стопка этих самых работ, и так получилось, что я эту стопку ухватил - мне ее на кафедре выдали, чтобы я раздал в группе. И вот я несу эту стопку, довольно увесистую, и достаточно лихорадочно смотрю, какие пометы преподавателя оставлены на текстах, и вижу, что фактически все тексты просто измазаны на полях. Все [было] исчеркано: там подчеркнуто, сям подчеркнуто, и очень детальные написаны замечания - что изменить, что не так. Причем он никогда не писал поверх студенческого текста - всегда либо на полях, либо на обороте. Если не было полей, он очень гневался - думал, что для его умных мыслей не оставили студенты места. Все это надо было действительно переделать и ему еще раз представить.

Я беру свою работу, думаю: "Ну, сейчас!.."

Листаю - такое ощущение, что ему настолько противно было держать мою работу в руках, что он даже не оставил ни одного замечания. И на самой последней странице, поверх ватманского листа приложений со схемами, было написано: "С работой автор справился". Подпись: "Ерошкин", и дата - все! Я почувствовал себя вторично оскорбленным. То есть - "Как так? Что же, всем такое написал, а мне, значит, и ни фиги?!!" В общем, я так понял, что любовь у нас не то что не сложилась - и не сложится никогда, и я вообще совершенно безнадежен в этом отношении. И когда объявили разбор по спецкурсам, я думал: "Что мне, собственно, тут искать? Что мне на кафедре Истории государственных учреждений пытаться [что-то] доказывать?" И я записался на спецкурс к Сигурду Оттовичу Шмидту.

У него был тогда объявлен спецкурс по источниковедческой критике сохранившихся документов следствия по поводу убийства Дмитрия Углицкого. Потом по материалам этого спецкурса написал диссертацию один мой приятель, [который] в параллельной группе учился, - Сережа Князьков. Он впоследствии был в аспирантуре у Сигурда Оттовича Шмидта, и они даже какую-то в соавторстве работу выпустили на эту тему.

А я иногда захаживал в кружок Шмидта, потому что там всегда было интересно, были интересные люди. Я прекрасно помню, что, благодаря

посещению этого кружка, я получил несколько автографов - например, автограф Янина на его книжке "Я послал тебе берёсту". Во всяком случае, я ходил туда с большим интересом, потому что там действительно интересные были люди, [которые] рассказывали очень интересные вещи, и говорившие о многом непонятно мне, но, тем не менее, "звавшие куда-то вперед". И потом - ярчайшая личность самого Сигурда Оттовича Шмидта.

Но я пришел к нему в спецкурс и понял: то, что говорит Шмидт, во-первых, по большей части мне совершенно непонятно, то есть уровень информированности совсем ничтожный - мой. А второе, что я понял: то, что он говорит, это, конечно, интересно, но с этим мои мозги не справятся - то есть, мне не будет это интересно до такой степени, чтобы это стало моим родным. И я сделал страшную вещь, которую, как оказалось, некоторые профессора не прощают. Я, вместо того, чтобы тихо, по-английски, испариться в воздухе, подошел к профессору с извинениями: "Уважаемый Сигурд Оттович, Вы меня извините, но я вот два раза посетил спецкурс, но больше приходить не буду"...